

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Агамиров К.В. Свобода выбора и свобода воли в праве и религии.....	4
Демидов Г.К., Курчев В.С. О противоречиях государства и общества по мнению Лоренца фон Штейна.....	11
Пинчук А.П., Тимофеев Е.И., Решетников Г.Е. След Моисеева Декалога в российском законодательстве.....	17
Фадин М.В. Особенности профессионального самосознания у юристов.....	23

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Тазетдинова Л.Д. Аннотация к законодательному акту: объект авторского права или нет.....	28
Тимофеева Д.Е., Вронская М.В. Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве.....	32
Хлопушин Д.С. Вопросы понимания правовой природы легкого воздушного судна, выполняющего полеты в целях авиации общего назначения за плату, как объекта гражданского-правового оборота.....	38
Шахов Н.В., Шахова А.М. О некоторых сложностях в правовом регулировании юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности.....	42

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Барков В.М. Процессуальные вопросы установления требований уполномоченного органа в делах о банкротстве, основанных на решении налогового органа о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения.....	45
Матвеев Е.В., Семенов В.Д., Рассохин А.В. Некоторые аспекты выявления коррупционных рисков при проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих.....	48

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО

Олейник А.М., Подковырова М.А., Толстов В.Б. Геодезическое обеспечение проведения судебной землеустроительной экспертизы.....	54
---	----

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО. КОНКУРЕНТНОЕ ПРАВО. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Васильченко А.И. Энергоэффективная экономика и энергетическая безопасность в Соединенных Штатах Америки: экономико-правовые аспекты.....	62
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Васягина М.М. Проблемы правового регулирования основания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.....	67
--	----

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский городской педагогический университет; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Шукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф., Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 04.05.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

<i>Воробьев А.С.</i> Уголовная ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность	72
<i>Жадан В.Н.</i> О криминологической характеристике преступлений, связанных с наркотиками на примере Елабужского района Республики Татарстан.....	75
<i>Макаров А.П.</i> Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в Крымском регионе: анализ результатов анкетирования граждан, проживающих на территории Республики Крым и города Севастополя.....	83
<i>Терещенко В.С.</i> Особенности уголовно-правовой регламентации ответственности за причинение вреда здоровью лиц, занимающихся профессиональным спортом, в законодательстве зарубежных стран	88
<i>Щебляков Е.С.</i> Основные направления развития уголовного права в сфере борьбы с финансированием экстремистской деятельности	92

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Костенко А.Б.</i> О необходимости закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ негласных следственных действий	95
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Ахкамова Л.Н.</i> Проблемы правового регулирования миграционного процесса в Европе	101
<i>Сараскин В.А.</i> Этапы правового регулирования информационных посредников в США	106
<i>Свиридов Я.С.</i> Оспаривание сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в России и в штате Делавэр (США): сравнительно-правовое исследование	110
<i>Шаякубов Ш.Ш.</i> Правовые основы и гарантии функционирования негосударственных некоммерческих организаций в Узбекистане	117

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Смирнов А.И., Королева Е.В.</i> Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации	121
---	-----

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Нелеин Г.Г.</i> Отчет комиссии межгосударственного авиационного комитета о расследовании авиационного происшествия как объект анализа в прокурорской деятельности	130
--	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Мукасева Н.Н., Курлевский И.В.</i> К вопросу о совершенствовании административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения Российской Федерации.....	137
<i>Шигапова А.М.</i> Особенности административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке	140

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бигарова В.В., Малтабар Е.А.</i> Медиация и арбитраж: история сосуществования и перспективы развития.....	145
<i>Крюков А.Н., Антропов А.В., Пьянков А.Ю.</i> Актуальные вопросы о назначения, организации и производства судебной экспертизы давности изготовления документа в арбитражном процессе.....	153

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE. HISTORY OF THE TEACHINGS OF LAW AND THE STATE

<i>Agamirov K.V.</i> Freedom of choice and freedom of will in law and religion.....	4
<i>Demidov G.K., Kursheev V.S.</i> On the contradictions of the state and society according to Lorenz von Stein.....	11
<i>Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E.</i> The trail of the Moses Decalogue in the Russian legislation.....	17
<i>Fadin M.V.</i> Features of professional self-awareness among lawyers.....	23

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Tazetdinova L.D.</i> Annotation to the legislative act: the object of copyright or not.....	28
<i>Timofeeva D.E., Vronskaya M.V.</i> Actual issues and development prospects of the institution of pre-contractual liability in civil law....	32
<i>Khlopushin D.S.</i> Issues of understanding the legal nature of a light aircraft operating for general aviation for a fee, as an object of civil law turnover.....	38
<i>Shakhov N.V., Shakhova A.M.</i> About some of the complexities in the legal regulation legal responsibility of subjects of business ...	42

FINANCIAL RIGHT. TAX LAW. BUDGET LAW

<i>Barkov V.M.</i> Procedural issues of establishing the requirements of the authorized body in bankruptcy cases based on the decision of the tax authority on bringing (refusal to bring) to responsibility for committing a tax offense.....	45
<i>Matveev Y.V., Semenov V.D., Rassokhin A.V.</i> Some aspects of identifying corruption risks when checking information about income, property and property obligations of civil servant.....	48

LAND LAW. NATURAL RESOURCE LAW. ENVIRONMENTAL LAW. AGRICULTURAL LAW

<i>Oleinik A.M., Podkovyrova M.A., Tolstov V.B.</i> Geodesic security of judicial land management examination.....	54
--	----

CORPORATE LAW. COMPETITION LAW. ENERGY LAW

<i>Vasilchenko A.I.</i> An Energy Efficient Economy and Energy Security in the United States: Economic and Legal Aspects.....	62
---	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. EXECUTIVE PENAL LAW

<i>Vasyagina M.M.</i> Problems of legal regulation of grounds for conditional early release from serving a sentence.....	67
<i>Vorobyov A.C.</i> The role of neurolinguistic programming in the practice of a lawyer for the protection of human and civil rights and freedoms.....	72

<i>Zhadan V.N.</i> On the criminological characteristics of drug-related crimes using the example of the Elabuga region of the Republic of Tatarstan.....	75
---	----

<i>Makarov A.P.</i> Problems of using the results of operative research activities in criminal cases of bribery in the Crimean region: analysis of the results of the questionnaire of citizens living in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol.....	83
--	----

<i>Tereshchenko V.S.</i> Special aspects of regulatory activity for determination of liability as a result of infliction of harm by people, involved into professional sport doing, according to foreign countries law.....	88
---	----

<i>Shcheblyakov E.S.</i> Guidelines for the development of criminal law in the fight against the financing of extremist activities.....	92
---	----

CRIMINAL PROCESS

<i>Kostenko A.B.</i> On the need for attachment in the criminal procedure code of Russia of unsupported investigative actions.....	95
--	----

INTERNATIONAL LAW. EUROPEAN LAW

<i>Akhkamova L.N.</i> Problems of legal regulation of the migration process in Europe.....	101
--	-----

<i>Saraskin V.A.</i> Stages of legal regulation of information intermediaries in the United States.....	106
---	-----

<i>Sviridov Ya.S.</i> Invalidity of related party transactions in Russia and Abroad: comparative law study.....	110
---	-----

<i>Shayakubov Sh. Sh.</i> Legal bases and guarantees of functioning of non-government non-profit organizations in Uzbekistan.....	117
---	-----

JUDICIAL ACTIVITY. PROSECUTORIAL ACTIVITY. HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT

<i>Smirnov A.I., Koroleva E.V.</i> Prospects for the introduction of a lawyer monopoly in the Russian Federation.....	121
---	-----

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITY. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

<i>Nepein G.G.</i> Report of the commission of the interstate aviation committee on the investigation of an aircraft accident as an object of analysis in prosecutor activities.....	130
--	-----

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Mukaseeva N.N., Kurlevsky I.V.</i> On the issue of improving administrative legislation in the field of road safety in the Russian Federation.....	137
---	-----

<i>Shigapova A.M.</i> Features of the administrative procedure for judicial appeal of a tax audit decision.....	140
---	-----

CIVIL PROCESS. ARBITRATION PROCESS

<i>Bigarova V.V., Maltabar E.A.</i> Mediation and Arbitration. Coexistence History and Development Prospects.....	145
---	-----

<i>Kriukov A.N., Antropov A.V., Piankov A.Y.</i> Current issues about the appointment, organization and production of a judicial examination of the Statute of limitations for the production of a document in the arbitration process.....	153
---	-----

Свобода выбора и свобода воли в праве и религии

Агамиров Карэн Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН
E-mail: agamirow@yandex.ru

Свобода выбора и свобода воли как фундаментальные понятия соционормативной системы предопределяют в контексте правовых норм и религиозных догматов сущность человека и смысл его жизни как субъекта права и божьего творения. В статье исследуются сходство и различие правовых и религиозных оснований в трактовке этих категорий сквозь призму свободы и ее противоположности – отчуждения; правовое и религиозное влияние на правомерное поведение; значение и смысл наказания за преступления и возмездия за отход от божественных заповедей; причинно-следственные связи мотивирующего воздействия угрозы наказания и правомерного поведения в праве и религиозной мотивации и не богоугодного поведения в религии. Автор делает вывод о том, что свобода выбора и свобода воли в праве и религии приведут правовое и религиозное поведение в устойчивое состояние при условии непрестанного приобщения человека к правовым и духовным ценностям, устранения иждивенческих настроений и правового инфантилизма и нацеленности социальной политики государства на международные стандарты качества и уровня жизни.

Ключевые слова: право, религия, свобода выбора, свобода воли, отчуждение, правомерное поведение, преступление, возмездие.

Статья 431 ГК РФ. Толкование договора

При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора.

Молитва, составленная немецким богословом Карлом Фридрихом Этингером (1702–1782)

Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого.

Свобода выбора и свобода воли воля – главные комбинированные части социологии права и религиозной философии. Эти категории отличаются друг от друга: выбор представляет собой поиск многовариантного поведения, а воля детерминирует принятие решения и упорядоченные действия по его осуществлению.

Отмеченный подход не является общепринятым. Например, теория бихевиоризма опровергает свободу выбора и свободу воли, делая упор на опосредованности поведения субъекта наружными, или средовыми факторами. Помимо этого, в понимании Э. Фромма нынешний человек вместе с признанием ценности свободы отбрасывает ее как непосильную ношу. Свобода в представлении Э. Фромма наполняет жизнь человека автономностью и рациональностью и в то же время отчуждает его, вызывая в нем чувства бессилия и тревоги¹.

Категория свободы в качестве абстрактной конструкции может быть рассмотрена в следующих плоскостях: естественная (ненормативная) свобода – возможность принимать решения на основе собственной воли; положительная (нормативная) свобода – принятие решений согласно собственной воле и на основе нормативных предписаний; действительная (реальная, фактическая) свобода – гарантированная вероятность принимать решения в соответствии с собственной волей и на основе нормативных предписа-

¹ См.: Фром Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. и прим. А.И. Фета. Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. С. 7.

ний¹. При этом следует согласиться с А.В. Поляковым, не отделяющим свободу от достоинства личности, прав человека и демократии: свобода не может рассматриваться отдельно от этих базовых категорий².

Что касается бессилия и тревоги бегущего от свободы современного человека, то они являются продуктом отчуждения. Принцип О.Ю. Рыбакова, по которому отчуждение и свобода суть две антитезы бытия человека, а их союз есть итог кратковременной кооперации в зоне обжитого бытия, уподобления и соотнесения ценностей в системе общего порядка смыслов, знаков, признаков и ориентиров³, может быть использован в той мере, в какой естественная (ненормативная) свобода отстоит от реальной (утилитарной) свободы. Преобладание ограничительных предписаний отторгает человека от правового пространства, однако и преобладание разрешительных конструкций неосновательно сокращает правовое влияние.

Отчужденный человек как символ нашего времени отчужден от мира и Родины, семьи и друзей, собственности и труда. Отчуждается он в конце концов и от самого себя, и наивысшая фаза самоотчуждения – суицид. Отчуждение от государства и социума ведет к утрате человеком чувства принадлежности к мирозданию, душевным волнениям и разнообразным фобиям. Тревожность не появляется на пустом месте: эмоциональный субъект чувствует приближающуюся угрозу инстинктивно и замещает действенное сопротивление ей аффективным напряжением, снятие которого может произойти посредством отклоняющегося поведенческого акта. Антипод, нейтрализатор и преодолитель отчуждения – разотчуждение предполагает встраивание субъекта в общественное бытие и, как следствие, появление у него «второго дыхания», приобретение веры в себя и вхождение в гармонию с реальностью⁴.

Право безэмоционально заключает человека в суровые рамки: субъект права наделен многообразными вариантами поведения, исключая обозначенные императивными нормами запрещенные либо обязательные действия. У него есть также возможность бездействия, если только законодатель не требует определенных поступков. При этом отклоняющееся поведение может быть вынужденным и иметь прогностический смысл как целенаправленный (сознательный) и оправ-

данный отход от действующих норм, содействующий реформированию данных социальных отношений и улучшению правового регулирования. Тема вынужденных (в терминологии ряда специалистов «позитивных») отклонений в праве выводит на проблему противопоставления официальному праву неформальных институтов, содействующих экспансии т.н. «теневого права» (применяются также определения «неправо», «негативное право», «фактическое право», «неофициальное право», «антиправо», «предправо», «псевдоправо», «параллельное право»), которое одни ученые считают весьма отрицательным явлением правовой реальности, а другие подчеркивают его положительное, развивающее влияние на правовую систему⁵. Аналогичные отклонения могут именоваться вынужденными при тех или иных политических и социально-экономических условиях, детерминирующих специфику правовой системы, с одновременным признанием главной роли действующего (позитивного) права как системы обязательных к соблюдению норм⁶. Отклоняющееся же (как таковое) поведение в виде позитивно отклоняющегося и негативно отклоняющегося не соответствует «заданным нормам и типам деятельности», пусть и первое из них, неосознанно отвергая устаревшие нормы, и способствует объективно прогрессу⁷.

Религиозные догмы представляют собой непререкаемые истины, требующие неперемогимого соблюдения вошедшими в лоно надежды. Думая о религиозной мотивации и полемизируя с К. Марксом, М. Вебер относил идеи к значимым факторам становления социума и обосновывал присутствие, с одной стороны, каузальной (причинно-следственной) связи между этическими тезисами, религиозными верованиями, правовыми нормами и, с другой, – экономической, политической и прочими видами деятельности. В изучении религии немецкий социолог сконцентриро-

¹ См.: Агамиров К.В. Универсальное право как феноменологическая объективация естественной, позитивной и реальной свободы // Философия и психология права: современные проблемы. Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова. Отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 75.

² См.: Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 40.

³ См.: Рыбаков О.Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. М., 2009. С. 36.

⁴ См.: Агамиров К.В. Прогностическо-правовые аспекты отчужденной личности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 23–29; Агамиров К.В., Григорьева М.А. Отчуждение личности и тревожность как факторы отклоняющегося поведения // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 5–9.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 374; Его же. Управление на основе права. М., 2007. С. 443–444; Арзамасов Ю.Г. Борьба с влиянием теневого права на правосознание российских граждан и на современные общественные отношения // Представительная власть – XXI век. 2009. № 2/3. С. 4–6; Баранов В.М. О теневом праве // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 13–20; Его же. Теневое право. Нижний Новгород, 2002; Его же. Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 9–21; Калинин А.Ю., Кириллов С.И. Теневое право: понятие и основные подходы к рассмотрению // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2011. № 6. С. 40–49; Малько А.В., Невважай И.Д. Правовая жизнь и теневое «право» // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 8–16; Нанба С.Б., Помазанский А.Е., Цомартова Ф.В. Позитивные отклонения в праве // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 26–36; Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 32–40.

⁶ См.: Агамиров К.В. Вынужденные отклонения и прогностические проблемы как категории юридической науки // Государство и право. 2019. № 1. С. 18–26.

⁷ См.: Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 186.

вался на ее социологическом аспекте, т.е. религиозной мотивации общественной деятельности, и выделял ее «смыслополагающую» функцию, направляющую социологию на уяснение связи религии с социальными переменами, в особенности знаменующими резкие исторические повороты¹. М.М. Ковалевский рассматривал религию в научном контексте и не включал ее в предмет независимого социологического изыскания². Ближе других к социологии религии подошел П.А. Сорокин – в первой же своей работе «Правонарушение и кара, подвиг и награда» он признает религию в качестве деятельности по продуцированию норм как специфических регуляторов общественного поведения³. В советский период определение религии как социально-общественного феномена происходит в контексте марксистской теории социума, в соответствии с которой способ производства материальной жизни детерминирует социальную, политическую и нравственную составляющие жизненного уклада, и в силу этого религию следует рассматривать как одну из форм общественного сознания⁴.

Синергия воли Бога и свободы человека выводит последнего на следование заповедям Божиим и создает неповторимое условие для выбивания почвы из-под ног греха, защищая таким образом общество от пагубного воздействия князя тьмы и его свиты. Впрочем, основной вопрос – отчего религиозные каноны соблюдаются людьми не лучшим образом, так и остается открытым по сей день. Быть может, эти правила не подходят для этого тленного мира?

Возьмем десять заповедей (тут и далее речь пойдет о христианстве), среди которых более всего нашу тему занимают шестая-десятая: 6 – Не убивай; 7 – Не прелюбодействуй; 8 – Не кради; 9 – Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего; 10 – Не желай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего.

Шестая заповедь зеркально отражает статьи 105–108 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Убийство» (ст. 105), «Убийство матерью новорожденного ребенка» (ст. 106), «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» (ст. 107), «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении

¹ См.: Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. 2-е изд., доп. и испр. М: РОССПЭН, 2006.

² См.: Ковалевский М.М. Социология. 2 тома. Спб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе: Исторический очерк развития социологии. 300 с.; Т. 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. 296 с.

³ См.: Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / С предисловием профессора М.М. Ковалевского. С.-Петербург, 1914.

⁴ См.: Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 56–57.

мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» (ст. 108).

Уклонение от седьмой заповеди относится к сфере моральных ограничений и не имеет правовых последствий, впрочем, сколько преступлений против личности было совершено именно из-за несоблюдения этой библейской истины!

Нарушение восьмой заповеди преследуется статьями главы 21 «Правонарушения против собственности», а статья 158 «Кража» с точностью до наоборот воспроизводит библейский завет.

Отход от девятой заповеди находит свое выражение в статье 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

И, наконец, десятая заповедь впитывает в себя фактически все право, ибо выражает в сфокусированном виде идею справедливости, заложенную в этимологии слова (лат. *justitia* – «справедливость, законность», от *jus* «право»).

Так отчего же ни религиозные догматы, ни уголовный закон не останавливают людей перед противоправными поступками? Быть может, прав был немецкий криминолог Ф. Лист в своих утверждениях о преступлении как непреходящем явлении сродни болезни и смерти и бесполезности как мер предупреждения, так и самого наказания⁵.

Очевидно, что немецкий специалист заблуждался. Преступность как явление побороть нельзя, по крайней мере в обозримой перспективе, а вот определенные правонарушения прогнозировать и предупреждать возможно и необходимо. Только целеустремленная совместная деятельность государства и социума в направлении морального и нравственного совершенствования граждан способна остановить духовную деградацию и привести к национально-культурному возрождению. Для этого власть предержащим при поддержке гражданского общества следует в первую очередь предпринять меры по искоренению из средств массовой коммуникации сцен насилия и культа антиценностей – денег, мздоимства и пр. Можно сколько угодно произносить с высоких трибун зажигательные речи о том, что человек – это звучит гордо, и он является хозяином собственной судьбы, но без самоограничения той же власти и ее добровольного очищения от всяких скверн и корня всех зол – сребролюбия⁶, дела не поправишь.

Может появиться вопрос – как относиться религия к контролю за поведением людей? Нет ли тут противоречия между свободой воли человека от давления извне и контролем за ним, причем как за поведением, так и за ходом его мыслей? Нет, и вот почему. Сам Иисус Христос, по свидетельству апостолов, осмысливал несовершенство

⁵ См.: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2013. С. 103.

⁶ Из первого послания апостола Павла к Тимофею (1Тим. 6:10): «ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям».

этого мира и предупреждал: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч,» (Мф. 10:34).

Так что Иисус Христос вовсе не был добрячком, и даже знаменитое «А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;» (Мф. 5:39), означает не всепрощенчество, а обличение зла, которому не нужно мстить, ибо оно поглотит само себя. Назначение же права состоит в том, чтобы не только помогать людям, но и воспитывать их¹.

Таким образом, профилактика неправомерного поведения в праве и несоблюдения религиозных догм в религии допускают как наблюдение за поведением субъектов права и паствой, так и наставление их на путь насущности и рациональности соблюдения правовых установлений и религиозных канонов под угрозой, соответственно, уголовного преследования и отлучения от Церкви; причем церковная дисциплина распространяется не только на действия, но и на убеждения верующего².

С отмеченными тезисами корреспондирует следующая методологически важная проблема в рамках заявленной темы – причинно-следственная связь между мотивирующим воздействием угрозы наказания и неправомерным поведением в праве, с одной стороны, и религиозной мотивацией и не богоугодным поведением в религии, – с другой.

Значение религиозной мотивации в наставлении верующего на путь истины отличается от мотивирующего воздействия риска уголовного преследования обращением к потустороннему миру и санкциям свыше в виде предстоящего воздаяния. Тема воздаяния во все времена привлекала большой интерес ученых, мыслителей, культурологов и философов³. Разработанная Г.В. Мальцевым тема мести и возмездия в древнем праве проникает во все сферы жизнедеятельности и в наши дни – от уголовного преследования преступников до международных отношений. В общественно-психологическом и историческом контексте она отражает напряжение сил, с которым люди, пройдя через многовековую практику священных жертвоприношений, искали формулу воздаяния и предвосхищали историческое становление современных форм разрешения споров и конфликтов, содействуя тем самым снижению социальных раздоров⁴.

Водораздел между воздаянием в праве и в религии проходит по наступлению его последствий, которое в религии имеет метафизическое значение и в полной мере наступает в загробной жизни,

правда ряд постулатов Старого Завета грозит серьезной карой и в настоящей⁵.

Тем не менее, в отличие от правовых норм, эти и сходственные с ними закрепляющие воздаяние религиозные постулаты носят отвлеченный характер, а проклинающие псалмы Священного Писания содержат призывы к божественной каре⁶.

При этом системообразующие возмездие ненависти вражды (*odium inimicitiae*) и ненависть отвращения (*odium abominationis*) в религиозном дискурсе соответствуют возмущению с требованием расплаты за перенесенные страдания и общему неприятию несправедливости без дальнейших требований либо действий. Ненависть способна породить только ненависть, и поэтому у вошедшего не на словах, а на деле в лоно Церкви, она сглаживается примирением с причинившим зло, после чего перерождается и в любовь к нему⁷.

Тем не менее молитва о недругах не исключает воздаяния преступившим заповеди Божии и причинившим боль и мучение людям: как они сами, так и их ближние могут быть подвергнуты грозной каре, но только Всевышним⁸.

При этом еще со времен Древней Греции в молитву вкладывалась этическая компонента, и даже в проклятиях и призывах к воздаянию за зло в ней исключались проявления чувств, потому что эмоциональность считалась оскорблением богов⁹.

Одна из стержневых функций религии – функция значения (смыслополагания). Согласно М. Веберу, религия представляет такую картину мира и такое осознание мироустройства, в которых зло, несправедливость, страдание и смерть выглядят как имеющие определенное значение в финальной перспективе. Компенсаторный аспект этой функции состоит в уверенности, что доставшиеся человеку незаслуженные мучения будут возмещены посмертным благим воздаянием (плачущие утешатся, страждущие и смиренные будут вознаграждены, их ожидает Царствие небесное) и возмездием злу¹⁰.

Бог есть отправное понятие, он беспредпосылочен, не имеет ни начала, ни конца¹¹. Именно поэтому религиозная мотивация богоугодного поведения, основанная на признании непостижимости и таинственности высшей силы, выводит на трансцендентальное знание как такую априорную форму положительной деятельности, которая имеет в качестве ведущей цели удовлетворение Бога через соблюдение его заповедей.

В правомерном же поведении мотив направлен на средства, требуемые для удовлетворения

¹ См.: Агамиров К.В. Право и религия // Развитие науки в XXI веке: сб. статей по материалам XIV междунар. заоч. науч.-практ. конф., г. Харьков, 16 июня 2016 г. 2 часть: Научно-информационный центр «Знание». Харьков, 2016. С. 90–93.

² См.: Гараджа В.И. Указ. соч. С. 189–190.

³ См.: Целищева З.А. Символы возмездия в западноевропейской средневековой культуре. Нижневартовск, 2014. С. 5–8.

⁴ См.: Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 4.

⁵ См.: Исх. 21, 24–25; Лев. 24, 17, 19; Быт. 9, 6.

⁶ См.: Пс. 58 [99], 14; Пс. 96 [10], 11–13.

⁷ См.: Лев. 19, 17–18; Исх. 23, 4–5; Притч. 20, 22; Притч. 24, 17–18; Притч. 10, 12; Сир. 27, 33–28, 7.

⁸ См.: Иер. 18, 19–21.

⁹ См.: Самарина Т.С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М., 2019. С. 188.

¹⁰ См.: Гараджа В.И. Указ. соч. С. 186, 197.

¹¹ См.: Гагинский, А.М. Философия беспредпосылочных начал. М., 2018. С. 7.

вполне очеловеченных правовых потребностей¹. В.Н. Кудрявцев, обращая внимание на то, что общепринятое представление о мотиве отсутствует, выделяет в нем субъективный и объективный смыслы. В первом случае мотив выступает причиной для принятия решения, а во втором оценивается обществом как доброе или злое намерение². Д.А. Леонтьев, с которым солидаризуется В.Н. Кудрявцев, определил мотив как узел, в котором сходятся актуальные в настоящий момент потребности субъекта и вероятности их осуществления, содержащиеся в ситуации³, а его жизненный смысл позволяет рассматривать побуждение как феномен смысловой регуляции деятельности⁴.

Таким образом, религиозное и правовое поведение соотносятся как бытие и сущее. Первое основано на абсолютном признании религиозных догм и неременном следовании им, а второе на преодолении возводимых овеществленным миром преград на пути к достижению тех или иных правовых целей. Они придут в более или менее равновесное состояние при условии приобщения человека к духовным ценностям, искоренения иждивенческих настроений и правового инфантилизма определенной части социума, с одной стороны, и взаимной ответственности и самоограничения публичной власти и граждан и ориентации государственной социальной политики на международные социальные стандарты качества и уровня жизни, – с другой.

Литература

- Агамиров К.В. Вынужденные отклонения и прогностические пробелы как категории юридической науки // Государство и право. 2019. № 1. С. 18–26.
- Агамиров К.В., Григорьева М.А. Отчуждение личности и тревожность как факторы отклоняющегося поведения // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 5–9.
- Агамиров К.В. Право и религия // Развитие науки в XXI веке: сб. статей по материалам XIV междунар. заоч. науч.-практ. конф., г. Харьков, 16 июня 2016 г. 2 часть: Научно-информационный центр «Знание». Харьков, 2016. С. 90–93.
- Агамиров К.В. Проблемы предупреждения преступлений // Развитие науки в XXI веке. Сборник статей по материалам XXIV международной заочной научно-практической конференции 15 апреля 2017 года. 3 часть, Харьков, 2017. С. 73–81.
- Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика. М.: ЮРКОМПАНИ, 2015. 418 с.
- Агамиров К.В. Прогностическо-правовые аспекты отчужденной личности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 23–29.
- Агамиров К.В. Профилактика отклоняющегося и преступного поведения // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных трудов по материалам девярых Кудрявцевских чтений 14 декабря 2016 года. М., 2017. С. 126–135.
- Агамиров К.В. Универсальное право как феноменологическая объективация естественной, позитивной и реальной свободы // Философия и психология права: современные проблемы. Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова. Отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 74–85.
- Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / Пер. с англ. В.М. Когана. М.: Прогресс, 1979. 264 с.
- Арзамасов Ю.Г. Борьба с влиянием теневого права на правосознание российских граждан и на современные общественные отношения // Представительная власть – XXI век. 2009. № 2/3. С. 4–6.
- Баранов В.М. О теновом праве // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 13–20.
- Баранов В.М. Теневое право. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 165 с.
- Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 9–21.
- Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. 2-е изд., доп. и испр. М., РОССПЭН, 2006. 648 с.
- Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал. М.: ИФ РАН, 2018. 193 с.
- Гараджа В.И. Социология религии: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 348 с.
- Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб: Юрид. центр Пресс, 2007. 528 с.
- Калинин А.Ю., Кириллов С.И. Теневое право: понятие и основные подходы к рассмотрению // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)». 2011. № 6. С. 40–49.
- Ковалевский М.М. Социология. 2 тома. Спб., тип. М.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе: Исторический очерк развития социологии. 300 с.; Т. 2. Генетическая социология или учение об ис-

¹ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 542; Якобсон П.П. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 12.

² См.: Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2012. С. 49.

³ См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: Учеб. Пособие. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 193.

⁴ См.: Там же. С. 198.

ходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. 296 с.

20. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2012. 128 с.
21. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2013. 103 с.
22. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
23. Малько А.В., Невжай И.Д. Правовая жизнь и теневое «право» // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 8–16.
24. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 736 с.
25. Нанба С.Б., Помазанский А.Е., Цомартова Ф.В. Позитивные отклонения в праве // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 26–36.
26. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 374 с.
27. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 37–56.
28. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: Учебное пособие. М: Учпедгиз, 1946. 704 с.
29. Рыбаков О.Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. М.: Юрист, 2009. 247 с.
30. Самарина Т.С. Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М.: ИФ РАН, 2019. 296 с.
31. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / С предисловием профессора М.М. Ковалевского. С.-Петербург: Издательство Я.Г. Долбышева, 1914. 456 с.
32. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.
33. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М.: Формула права, 2007. 485 с.
34. Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 32–40.
35. Фром Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. и прим. А.И. Фета. Philosophical arkiv, Njuköping (Sweden), 2016. 231 с.
36. Целищева З.А. Символы возмездия в западно-европейской средневековой культуре. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 107 с.
37. Якобсон П.П. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. 316 с.

FREEDOM OF CHOICE AND FREEDOM OF WILL IN LAW AND RELIGION

Agamirov K.V.

Institute of State and Law of RAS

Freedom of choice and freedom of will as fundamental concepts of the socio-normative system predetermine in the context of legal norms and religious dogmas the essence of man and the meaning of his life as a subject of law and God's creation. The article explores the similarities and differences between legal and religious grounds in the interpretation of these categories through the lens of freedom and its opposites – exclusion; Legal and religious influence on lawful conduct; The meaning and meaning of punishment for crimes and retaliation for departure from divine commandments; Causal relations of motivating impact of threat of punishment and improper behavior in law and religious motivation and non-divine behavior in religion. The author concludes that freedom of choice and freedom of will in law and religion will bring legal and religious behaviour into a stable state, provided that the person is constantly involved in legal and spiritual values, that dependency and legal infantilism are eliminated, and that the social policy of the State is oriented towards international standards of quality and standard of living.

Keywords: law, religion, freedom of choice, freedom of will, alienation, lawful conduct, crime, retaliation.

References

1. Agamirov K.V. Forced deviations and prognostic gaps as categories of legal science // State and law. 2019. no. 1. Pp. 18–26.
2. Agamirov K. V., Grigorieva M.A. Alienation of the personality and anxiety as factors of deviant behavior // Legal science. 2016. no. 6. P. 5–9.
3. Agamirov K.V. Law and religion // Development of science in the XXI century: collection of articles on the materials of the XIV international conference. part-time. scientific and practical Conf., Kharkiv, June 16, 2016 part 2: scientific and information center "Knowledge". Kharkiv, 2016. Pp. 90–93.
4. Agamirov K.V. Problems of crime prevention // Development of science in the XXI century. Collection of articles based on the materials of the XXIV international correspondence scientific and practical conference on April 15, 2017. 3 part, Kharkiv, 2017. Pp. 73–81.
5. Agamirov K.V. Problems of legal forecasting: methodology, theory, practice. Moscow: YURKOMPANI, 2015. 418 p.
6. Agamirov K.V. Prognostic and legal aspects of an alienated person // North Caucasus legal Bulletin. 2018. no. 3. Pp. 23–29.
7. Agamirov K.V. Prevention of deviant and criminal behavior // Criminal policy: yesterday, today, tomorrow. Collection of scientific papers based on the materials of the ninth Kudryavtsev readings on December 14, 2016. Moscow, 2017. Pp. 126–135.
8. Agamirov K.V. Universal law as a phenomenological objectification of natural, positive and real freedom // Philosophy and psychology of law: modern problems. Collection of proceedings / Under the General editorship of V.I. Zhukov. Rev. ed. A.B. Didikin. M., 2018. Pp. 74–85.
9. Andenes I. Punishment and prevention of crimes / Per. s Engl. V.M. Kogan. M.: Progress, 1979. 264 p.
10. Arzamasov Yu.G. Struggle with the influence of shadow law on the legal consciousness of Russian citizens and on modern social relations // Representative power-XXI century. 2009. No. 2/3. Pp. 4–6.
11. Baranov V.M. On shadow law // New legal thought. 2002. No. 1. S. 13–20.
12. Baranov V.M. The Shadow right. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2002, 165 p.
13. Baranov V.M. Shadow law as an anti-legal life // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2014. no. 4. Pp. 9–21.
14. Weber M. Selected: Protestant ethics and the spirit of capitalism / TRANS. from German: M.I. Levina, P. p. Gaidenko, A.F. Filippov. 2nd ed., add. and ISPR. M., ROSSPEN, 2006. 648 p.
15. Gaginsky A.M. Philosophy of non-referential beginnings, Moscow: if RAS, 2018, 193 p.

16. Qaraca V.I. Sociology of religion: a Training manual. 3rd ed., reprint. and add. M.: INFRA-M, 2005. 348 p.
17. Gilinsky Ya.I. Deviantology: the sociology of crime, drugs, prostitution, suicide and other "deviations". 2nd ed., ISPR. and add. Saint Petersburg: Yurid. center Press, 2007. 528 p.
18. Kalinin A. Yu., Kirillov S.I. Shadow law: concept and main approaches to consideration // Bulletin of the law faculty of the Kolomna Institute (branch) Moscow state machine-building University (MAMI). 2011. No. 6. P. 40–49.
19. Kovalevsky M.M. Sociology. 2 volumes. SPb., type. M.M. Stasyulevich, 1910. Vol. 1. Sociology and concrete science of society: Historical sketch of the development of sociology. 300 p.; Vol. 2. Genetic sociology or the doctrine of the initial moments in the development of the family, genus, property, political power and mental activity. 296 c.
20. Kudryavtsev V.N. Struggle of motives in criminal behavior. Moscow: Norm, 2012, 128 p.
21. List F. Tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon / Comp. and Foreword by V.S. Ovchinsky, Moscow: Infra-M, 2013, 103 p.
22. Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality: Textbook. 2nd ed., ISPR. M.: Smysl, 2003. 487 p.
23. Malko A.V., Nevvazhay I.D. Legal life and shadow "law" // Legal policy and legal life. 2013. no. 4. P. 8–16.
24. Maltsev G.V. Revenge and retribution in ancient law. M.: Norm: INFRA-M, 2012. 736 p.
25. Nanba S. B., Pomazansky A.E., Tsomartova F.V. Positive deviations in law // Journal of Russian law. 2015. no. 5. Pp. 26–36.
26. Oxamytny V.V. Lawful behavior of the person (theoretical and methodological problems): Dis. ... doctor of law. Kiev, 1990. 374 p.
27. Polyakov A.V. Deficit of freedom as a political and legal problem // Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences, 2018, Vol. 13, No. 4, Pp. 37–56.
28. Rubinstein S.L. Fundamentals of General psychology: Textbook. M: Uchpedgiz, 1946. 704 p.
29. Rybakov O.J. Law, alienation and harmony in the modern Russian state. M.: Yurist, 2009. 247 p.
30. Samarina T.S. Phenomenology, nomenology, postphenomenology religion. M.: IPhRAS, 2019. 296 p.
31. Sorokin P.A. Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the main forms of social behavior and morals / with a Preface by Professor M.M. Kovalevsky. St. Petersburg: Publisher Ya.g. Dolbyshev, 1914. 456 p.
32. Tikhomirov Y.A. Legal regulation: theory and practice. Moscow: Formula Prava, 2010. 400 p
33. Tikhomirov Y.A. Based Control law. Moscow: Formula Prava, 2007. 485 S.
34. Trikoz E. N. "Shadow law": myth or reality // the Legislation and economy. 2005. no. 1. Pp. 32–40.
35. From E. Flight from freedom / Per. s angl. I Prim. A. I. feta. Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. 231 p.
36. Tselishcheva Z.A. Symbols of retribution in Western European medieval culture. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk state publishing House. UN-TA, 2014. 107 p.
37. Yakobson P.P. Psychological problems of motivation of human behavior. Moscow: Enlightenment, 1969, 316 p.

О противоречиях государства и общества по мнению Лоренца фон Штейна

Демидов Геннадий Константинович,

аспирант, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: demidov-gk.d@mail.ru

Курчев Валерий Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: v.kurcheff@yandex.ru

В статье рассматриваются причины возникновения противоречий в системе общественных отношениях «государство и общество», формируются понятия о свободе и несвободе, происхождении последней. О положительном развитии общественного господства, условиях возникновения общественного права, сословий, сословного права. Выделены вопросы становления государства посредством овладения его волей господствующим классом. Представлено видение сути и содержания терминов конституция и администрация. Рассмотрены перспективные направления актуализации, применения и использования полученной информации.

Ключевые слова: администрация, государство, государственное устройство, государственное управление, движение, конституция, личность.

Разрабатывая идею государства устойчивого развития, в которой государство устойчивого развития представляет собой политико-территориальный, суверенный механизм гражданского общества, наделенный публичной властью и способный обеспечить собственное устойчивое развитие в рамках системы формально определенных, общеобязательных социально-ценностных норм естественного и позитивного права, мы считаем целесообразным и необходимым действием, в очередной раз [1, с. 89–95] обратиться к первоисточникам, в частности к работам Лоренца фон Штейна – немецкого философа, историка, экономиста, ученого в сфере государственного управления, основоположника концепции социального государства.

По мнению Лоренца фон Штейна чистое понятие государства, представляемое как общая личность, включает в себя без каких бы то ни было различий все отдельные личности, которые одинаково равны и свободны, при этом они одновременно являются личностями, составляющими совокупность членов государства, которые образуют общественный порядок общежития. Однако, указанная совокупность по своей природе не может быть мыслима как равная и имеет разделение по принадлежности на два класса: класс господствующий и класс зависимый.

Определяя чистое понятие государства в том смысле, в котором оно является олицетворением нравственной идеи Лоренс фон Штейн полагает [2, с. XXXVIII], что если государство и общество противоположны друг другу, то уже из этого факта должно непременно возникнуть движение, в котором каждый из них будут стараться подчинить себе другое, объективно доказывая наличие существующей противоположности между принципом государства и принципом общества.

Исходя из того, что государство, как живое существо, осознавая свою задачу, имеющее волю и силу, может самостоятельно разрешить возникшее противоречие путем провозглашения: основным началом государственного устройства – равенство публичного права; главной задачей государственного управления – уничтожение зависимости и поднятие низших классов.

Основываясь на понятие: что богатство, могущество и счастье государства зависят от благосостояния его отдельных граждан можно с уверенностью констатировать, что общественное положение господствующих и богатых классов, взятое само по себе, находится в полной гармонии с государственной идеей, основной смысл которой заключается в защите и охране этих классов, исходя из того, что в них осуществляется идеал внешнего

развития личности. Здесь напрашивается очевидный вывод: положение зависимых классов находится в противоречии с идеей государства, а существование зависимых граждан делает зависимым и само государство, в котором они лишены возможности развиваться согласно своему истинному назначению. В этом противоречии выражается противоположность между государственным принципом и общественным.

Господствующие классы, учитывая возможную потерю власти в ходе реализации установок государственного управления, обеспечивая государству базовую основу собственной поддержки, всегда являются естественными противниками чистой государственной идее, определяя первый естественный закон борьбы общества с государством. Лоренц фон Штейн так характеризует эту ситуацию: «... так как высшие классы общества не могут ни изменить государственную идею, ни уничтожить государственную власть, ни противостоять ей, то чтобы совладать с неизбежными последствиями природы государства, они всеми средствами стараются захватить государственную власть исключительно в свои руки» [2, с. XL].

Исходя из общепринятого понимания того, что государство, является отвлеченным понятием и существует в абстракции, принимая во внимание то, что у него нет ни одного явления собственной сущности и нет ни чего, что принадлежало ему, можно согласиться с мнением о том, что государство может считаться отдельной личностью только в той мере необходимости, которую каждый из нас чувствует в нем. Полагаясь на то, что всем нам присуща потребность в высшей власти, в высшей человеческой воле и в высшей деятельности, в целях реализации возможностей при которых эта воля получила бы реальное существование, необходимо принять как постулат то, что воле необходимо выразится в конкретных личностях и определится с конкретными органами, посредством использования которых получить возможность для своего внешнего проявления. Лоренц фон Штейн по этому случаю отмечает: «... отыскивая это решение, мы, собственно говоря, отыскиваем тот закон, который управляет системой государственной власти везде и повсюду. И вот почему ответа на наши вопросы мы должны ждать не от исторических фактов, а от сущности двух элементов человеческой жизни, – общества и государства» [2, с. XLI].

Что есть конкретные личности? Это те люди которые живут в обществе, в обществе, которое определяет собою их индивидуальное положение, в котором становится ясным понятие «необходимо выразится в конкретных личностях», как меры передачи по определению воли и исполнению решений, определяющей последствия в которых государство ставит свою жизнь в полную зависимость от жизни общества, а те конкретные личности, посредством которых государство реализует свои полномочия, фактически участвуя в государственной жизни, вносят в государственное устройство и государственное управление социальные

и иные, жизненно необходимые для общества, требования, исключая возможности проявления государственной идеи в чистом виде.

По этому поводу Лоренц фон Штейн замечает: «В следствии этого тесного и вполне неизбежного слияния государства с обществом, государство лишается возможности собственными силами противодействовать посползновениям господствующих общественных классов. Будучи, по своему основному понятию, господствующим элементом, оно на самом деле представляет элемент повинующийся. И это повинование должно складываться тем полнее и одностороннее, чем резче и решительнее проявляется господство одного общественного класса над другим» [2, с. XLII]. В этом заключается основная сущность государственной жизни, которая определяет положение совершенно выделяющее из государства все движение свободы и несвободы и переносит его целиком на общество, термин «Не государство, а общество является истинным источником свободы и несвободы» – получает свое истинное значение. Здесь становится понятным момент: в котором, господствующий класс должен организовать государственное управление и государственное устройство в соответствии своим интересам, задачам и целям.

Вызывает интерес мнение Лоренца фон Штейна о сути содержания термина «Конституция», которым он определяет: «По своей основной идее, конституция (государственное устройство) представляет организм государственной воли, или ту форму, в которой единая государственная воля складывается из разнообразных волей народа» [2, с. XLIII]. То есть, здесь понятие конституции выражается как форма, формат, система государственного устройства, в котором государственная воля подчинена обществу и где ее организм получает такое устройство, в котором участие зависимых классов в образовании государственной воли нивелируется и в итоге способствует перевешиванию воли высших классов. Лоренц фон Штейн по этому поводу отмечает: «участие в государственной воле становится принадлежностью не отвлеченной личности, мыслимой вне общественных подразделений, а обуславливается такими средствами, которым могут удовлетворять лишь высшие классы общества» [2, с. XLIII]. Это тот принцип, на котором основывается преобладание господствующих общественных классов в государственном устройстве, в силу которого они обладают властью и закрепляют ее за собой.

Определяя вторую область государственной жизни как государственное управление, представляющее собой администрирование или администрацию Лоренц фон Штейн отмечал что по своему содержанию эти понятия обширнее понятия конституции, которая в отличии от понятия администрации, как организма, посредством которого государственная воля овладевает разнообразием внешней жизни и располагает им согласно своему назначению, представляет собой только

организм внутреннего самоопределения государственной воли. Итак, получается, что: конституция есть организм внутреннего самоопределения государственной воли, при этом администрация (государственное управление) есть организм, посредством которого государственная воля решает задачи в системе комплексного обеспечения деятельности государства, являясь средством жизнеобеспечения государственной воли. Администрация совмещает в себе государственные функции, приводимые в действие созданными для выполнения конкретных задач органами государственной воли, которые в совокупности образуют систему государственного управления, называемую государственной службой. Лоренц фон Штейн отмечает: «... власть этих органов весьма обширна; взятые в своей совокупности, они представляют высшую власть во всем человеческом общежитии» [2, с. XLV].

Государственная администрация, приводимая в действие государственной службой, в которой государственная воля, вне зависимости от формы, определенной конституцией, становится действительным внешним самоопределением личного государства, органом господства над внешним миром. Здесь, определяясь с органами администрации необходимо рассмотреть вопрос замещения государственных должностей в этих органах, назначение на которые в условиях борьбы рассмотренных противоположностей, ставятся в зависимость от личных условий, которым, как правило, могут удовлетворять только представители от господствующих классов, при этом характер этих условий определяется этих классов. Здесь замещение государственных должностей особенно высшего уровня производится по чисто личным соображениям элиты господствующего класса, по родству, богатству и иным обстоятельствам, то есть теми способами, которыми господствующий класс насыщает своими представителями структурный состав органов государственной администрации, становясь полным доминантом в системе государственного управления. Исходя из этих обстоятельств Лоренц фон Штейн делает вывод: «Органы администрации утрачивают свое истинное назначение – быть представителями истинной государственной идеи, независимо от влияния общественных элементов. Повинуясь воле конституционного и сосредоточенного в руках господствующих классов законодательства, замещаемые повсюду членами этого класса, окруженные его элементами, они служат только интересам этого класса» [2, с. XLVI]. Здесь можно отметить, что все составляющие государственной власти становятся принадлежностью, уже не общества как такового вообще, и не народа – в смысле совокупности всех граждан этого общества, а только одного класса общества – господствующего класса, определяя содержание понятия того элементарного движения между государством и обществом, которое имея динамику, дает начало новому движению в государственной жизни, применимое

к государственной власти, как положительное, реализуемое в положительных интересах самого этого класса, обосновывая и определяя необходимость проведения реорганизации структуры (государственного устройства) государства.

Исходя из того, что вся организация государства выражается в ее конституции и администрации, понимая, что обе они находятся под протекторатом господствующего класса, становится очевидным то, что законодательство и исполнение существующих законов определяются именно этим классом. Это понимание дает основание полагать что в конституции, как и в управлении, государственная власть будет определять в основе своей развитие и упрочнение общественных условий, поддерживающих преобладание господствующих классов и определяющих стабильность зависимости низших, поставленных в подчиненное положение, классов. Лоренц фон Штейн заключает: «Это неизменный принцип всякой публичной власти в тех государствах, в которых государственная власть находится в руках одного только класса общества» [2, с. XLVII].

Обосновав понятие, что общественное право есть результат вторжения в администрацию высших общественных классов Лоренц фон Штейн выражает мысль о том, что степень развития и законности общественного права взаимозависимо от степени господства тех классов, в руках которых находится государственная власть, и как следствие отмечает: «Чем господство их могущественнее, тем стройнее разовьется общественное право и тем неумолимее будет его практическое применение, потому что оно то и обеспечивает власть этих классов» [2, с. XLVIX].

Принимая мнением о том, что общественное право, продолжая развиваться и переходит в словное право, прямо способствующее возникновению подвижности в отношениях, связанных с разделением классов, последствием которой становятся ограничения с сферах личной деятельности и определяется некая абсолютная граница, преодолеть которую личность уже не имеет права. Государственная власть становясь между личностью и ее стремлением к лучшему положению, устанавливает соответствующий общественный порядок и формирует прочную основу для господства высшего класса над низшим, осуществляя естественную тенденцию господствующего класса – завладеть государственной властью в целях помешать ей уничтожить зависимость низших классов.

Определяясь с наличием угроз господствующему классу Лоренц фон Штейн выделяет некоторые обстоятельства, при возникновении которых этому классу может грозить опасность. Главным, из которых считается акт государственной воли, под воздействием которой само государство может преобразится, изменив свою волю, ниспровергнуть господствующий класс. Лоренц фон Штейн отмечает: «Таким образом, чтобы оградить господство высших классов от всякой челове-

ской воли, является необходимость укрепить его на таком элементе, который сам недостижим для человеческой воли» [2, с. L].

Здесь, государство начинает позиционироваться, как высшая форма личности, как высшая власть на земле, как нечто абсолютно независимое от человека и существующее помимо него, как нечто возникающее и неодолимо действующее и имеет характер чего-то священного и неприкосновенного.

Идея святости, неприкосновенности и божественности государства себе и своему общественному праву обставляется таким образом, что любое покушение на него должно казаться покушением на государственное устройство и государственное управление. В подведении итога этому движению, отмечается, что, каждый класс достигнув власти, непременно создает свое общественное право и опираясь на него, переходит в сословие, стремящееся стать кастой в поступательном развитии господства отдельного класса, последовательно приближаясь к своей неизменной цели. Определяя управляющий закон, в котором отражается созидательный процесс, когда из класса постепенно развивается общественное право, из общественного права – сословие, из сословия – каста.

Лоренц фон Штейн полагает: «Достоверно одно, что только с этой точки зрения перед нами обнаруживается одна из могущественнейших сторон народной жизни; и эта жизнь, при всем своем бесконечном разнообразии, может быть вполне выражена в установленном выше законе, гласящем, что все общественные движения представляют движение к несвободе в четырех последовательных стадиях» [2, с. LIV].

Вопросы понятия «Несвобода», считает Лоренц фон Штейн, станут возможны только тогда, когда будет признан основной принцип, управляющий всем государственным правом, а именно то, что отвлеченная или чисто теоретическая конституция, проистекающая из чистой идеи государства, будет иметь силу только для отвлеченного государства, при этом реальная конституция – станет олицетворением общественного строя в организме государственной власти. Можно понять многое, приняв постулат что несвобода рождается тогда, когда государство вынуждено служить какому-нибудь частному интересу. Несвобода в данном случае представляет собой: правовое неравенство, когда под воздействием господствующего класса возводится государством в неприкосновенное право; политическое неравенство, когда этот класс владеет государственной властью исключительно в своих интересах, которое систематически организовано и укреплено на законной основе. Несвобода кроется в зависимости, которую создает само общество естественным путем и становится осязаемой тогда, когда государство неизбежно провозглашает принцип зависимости принципом своего государственного устройства. Лоренц фон Штейн поясняет: «Государству приходится узаконивать и охранять зависимое положение низших классов, тогда как, по природе своей, оно враждебно всякой зависимости. Оно идет на службу силе, которая и по принципу, и по цели, прямо ему противоположна; оно как бы выворачивает наизнанку свою собственную природу, становится в противоречие с самим собою» [2, с. LVI]. И здесь нельзя не согласиться с тем, что в создавшихся условиях воля государства становится не его истинной волей – здесь государство отдало себя и свою природу принципу зависимости и стало освящать своим правом то, что осуждает по своей идее: господство одной части общества над другой, где над развитием свободы личности господствует интерес, обосновывая и подтверждая ту истину, что в человеческом общежитии несвобода является необходимым и неизбежным элементом. Соответственно истинным становится понятие соотношений чистой и конкретной конституций, когда в чистой конституции, построенной на абсолютном понятии государства нет и не может быть даже намек на несвободу, при том, в конкретной конституции, построенной на принципе признания государством принципа несвободы, вне зависимости от ее формы, не может быть свободы, как таковой. В подтверждение данной мысли Лоренц фон Штейн приводит слова Ж-Ж Руссо, который считает: «Жизнь человеческого общежития представляет собою вечное движение господствующих классов к осуществлению своего господства, вечную борьбу за несвободу» [2, с. LVI].

Определяя обстоятельства возникновения несвободы Лоренц фон Штейн обращает внимание на причины ее возникновения, часть из которых кроется в нравственных мотивах личного предназначения человека, предопределяемых наличием собственности и стремлением человека обладать ей. Эта причина составляет высшее право и некий свободный элемент в условиях полной несвободы, когда человек, действуя в полной гармонии с индивидуальной жизненной задачей, согласно закону человеческой природы и имея полное нравственное право, стремится к приобретению собственности и старается сохранить ее, по сути выполняет основную тенденцию своей внешней жизни. Если исходить из понимания что подчинение и зависимость низших классов является пробелом в развитии человечества и противоречием высшему совершенству личности то можно предположить и то, что это понимание совершенно не противоречит аналогичному понятию о лучшем положении высших классов, которое является осознанием их собственной личности и результатом их собственного труда, непосредственно находясь в гармонии с предназначением человечества и правом личности.

Противоречие же может возникнуть только при дисбалансе сложившихся отношений, когда высшие классы направляют усилия и свою власть на то, чтобы лишить зависимые классы прав на приобретение имущества, доставляющих господство. Лоренц фон Штейн отмечает: «Толь-

ко это исключение, возникновение всякого рода преимуществ и ограничений, – вот что вносит тот разлад в жизнь общежития, который порождается противоречием действительности и ее стремлений с часто безмолвствующими, но никогда не уменьшающимися требованиями идее» [2, с. LIX]. Полагая, что простое существование общественных классов есть достоверный факт, выведенный из ограниченности единичной личности и характера собственности, – является действительным фактом, который при противоречии идее, сглаживается трудом. Считая, что действительное и абсолютное противоречие идее возникает только в момент перевода классовых различий на почву положительного права, реализуемого посредством привилегий, сословий и каст – делает эти противоречия неприкосновенными в системе отдельных привилегированных личностей господствующего класса. Этим и определяется начало истинной несвободы.

Рассмотренные в статье вопросы о чистом понятии государства, о личностях, составляющих совокупность членов государства, образующих общественный порядок общежития, об обосновании разделения общества на два класса: господствующего и зависимого, о противоположности, возникающей в системе государство и общество, которая дает основание для возникновения движения при котором каждое из них стремится подчинить себе другое. Обоснованность задачи государства, как субъекта, имеющего волю и силу при самостоятельном разрешении возникшего противоречия провозглашением: основным началом государственного устройства – равенство публичного права; главной задачей государственного управления – уничтожение зависимости и поднятие низших классов. Определением истинного смысла противоречия, которое выражается в противоположности между государственным принципом и общественным. Исходя из абстракции восприятия государства, через обоснование положения его материализации и становления отдельной личностью, через обоснование необходимости в нем, которую чувствует каждый из его граждан, потребности в высшей власти, в высшей человеческой воле и в высшей деятельности, которые обеспечивают его реальное существование и позволяют определиться с конкретными органами управления, определяющих тот закон, который управляет системой государственной власти везде и повсюду. Где государство будучи, по своему основному понятию, господствующим элементом, на самом деле представляет собой элемент повинующийся. Через понимание смысла, вкладываемого в понятия конституция и администрация, представляющих собой, соответственно – только организм внутреннего самоопределения государственной воли и организм, посредством которого государственная воля овладевает разнообразием внешней жизни, решает задачи комплексного обеспечения деятельности государства, через понятия свободы и несвободы, а так же иные состав-

ляющие, становиться реально возможно подойти к рассмотрению перспективных направлений актуализации и применения полученной информации, например в сфере исследований вопросов, связанных с концептуальными началами государства устойчивого развития, элементы которых рассмотрены в научной статье [3, с. 73–89].

Где государство устойчивого развития представляет собой политико-территориальный, суверенный механизм гражданского общества, наделенный публичной властью и способный обеспечить его устойчивое развитие в рамках системы формально определенных, общеобязательных социально-ценностных норм естественного и позитивного права [4, с. 14–19]. Где право государства устойчивого развития представляет собой иерархическую структуру формально определенных, общеобязательных социально-ценностных норм естественного и позитивного права, выступающих мерой свободы (возможного и должного поведения) всех и каждого, служащих их публичным и частным интересам, охраняемых государством по предписанию гражданского общества, где механизм реализации норм является воплощением справедливости. Когда государство и право государства устойчивого развития интегрируя в себе все лучшие институты: из либеральной модели – обеспечение прав и свобод субъектов права, из евразийской – социальные блага, из восточной – устойчивость управления, становятся главной целью развития общества.

Литература

1. Демидов Г.К. О личности и обществе в понятиях Лоренца фон Штейна / Г.К. Демидов, В.С. Курчеев // Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос». – 2020 – С. 89–95.
2. Штейн, Лоренц. История социального движения Франции с 1789 года: Пер. со 2 нем. изд. Т. 1 – Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года / Лоренц-фон Штейн. – Санкт-Петербург: тип. А.М. Котомица, 1872. – [4], IV, CXXXVI. – 305 с.
3. Демидов, Г.К. Концептуальные начала государства устойчивого развития / Г.К. Демидов, В.С. Курчеев // Academic science – problems and achievements XXII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 17–18.02.2020, Vol. ... – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2020, p. 105, 73–89 p.
4. Курчеев В.С. Устойчивое развитие как фактор Евразийской интеграции / В.С. Курчеев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1 (Т. 9). – С. 14–19.

ON THE CONTRADICTIONS OF THE STATE AND SOCIETY ACCORDING TO LORENZ VON STEIN

Demidov G.K., Kursheev V.S.

Siberian Institute of management – branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration

The article examines the causes of contradictions in the system of public relations «state and society», forming the concepts of freedom and non-freedom, the origin of the latter. About the positive development of social rule, the conditions for the emergence of public law, estates, and class law. The issues of formation of the state by mastering its will by the ruling class are highlighted. A vision of the essence and content of the terms Constitution and administration is presented. Perspective directions of updating, application and use of the received information are considered.

Keywords: administration, state, state structure, public administration, movement, Constitution, personality.

References

1. Demidov G. K. on personality and society in the concepts of Lorenz von Stein / G.K. Demidov, V.S. Kurcheyev // Novosibirsk: IC ngau "Zolotoy Kolos". – 2020-P. 89–95.
2. Stein, Lorenz. History of the social movement of France since 1789: TRANS. from 2 German ed. Vol. 1-the Basic concept of society and the social history of the French revolution to 1830 / Lorenz-von Stein. – Saint Petersburg: type. am. kotomina, 1872. – [4], IV, CXXVI. – 305 p.
3. Demidov, G.K. Conceptual principles of the state of sustainable development / G.K. Demidov, V.S. Kurcheyev // Academic science – problems and achievements XXII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 17–18.02.2020, Vol. ... – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2020, p. 105, 73–89 p.
4. Kurkaev V.C. Sustainable development as a factor of Eurasian integration / V.S. Kurciev // Bulletin of Novosibirsk state University. Series: Pravo. – 2013. – No. 1 (Vol. 9). – P. 14–19.

След Моисеева Декалога в российском законодательстве

Пинчук Антон Павлович,

магистрант, Юридический институт, Алтайский государственный университет
E-mail: gos.2207@mail.ru

Тимофеев Евгений Игоревич,

магистрант, Юридический институт, Алтайский государственный университет
E-mail: evgen_timofeev_97@mail.ru

Решетников Глеб Евгеньевич,

магистрант, Юридический институт, Алтайский государственный университет
E-mail: natarina1970@yandex.ru

В статье анализируется влияние заповедей Декалога Моисеева Закона, имеющих социально-правовое содержание, на современное российское законодательство, их отражение не только в отдельных нормах права, но и в институтах и отраслях. В работе доказывается позиция о том, что содержания Декалога опосредует фундаментальные положения европейской правовой мысли вплоть до сегодняшнего дня. Авторами отмечаются отдельные аспекты соотношения религиозного и светского права. Особое внимание в работе уделяется уголовному праву, поскольку сфера общественных отношений, регулируемая данной отраслью, фокусируется на фундаментальных основах общежития людей в социуме. В этой связи она наиболее остро концентрирует в себе проблемы различных социальных регуляторов, прежде всего, таких как право и религия. Авторы подтверждают, что фундаментальные начала, отраженные еще в IV веке до нашей эры, не утратили актуальности и в настоящее время. Анализ современного российского законодательства позволяет говорить о родственности правил, закрепленных в Декалоге в качестве заповедей и нормах современных законодательных актов Российской Федерации, таких как Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и иных. На основе изложенного авторы приходят к выводу о наличии исторического следа Декалога в развитии и становлении современного российского права.

Ключевые слова: Декалог, Заповеди, Ветхий Завет, уголовное право, семейное право, религиозное право, социальные регуляторы.

Возникновение заповедей-законов обусловлено необходимостью выработки единых, общих для всех субъектов критериев различения добра и зла, стремлением максимизировать первое и минимизировать второе, поскольку добро, доброта – главные элементы духовного мира, присущие исключительно человеку.

Главной особенностью Декалога является его учение о Боге и служении ему. Языческий мир не знал ничего подобного. Если, например, в Египте можно было найти заповеди, подобные Моисеевым, то они были растворены в большом количестве магических предписаний. Декалог определяет границы дозволенного, тем самым служа методологической основой для современной правовой доктрины дозволения того, что не запрещено. Из этого положения можно увидеть влияние данных положений не только на западную правовую культуру, но и на отечественную, поскольку все указанные правила, так или иначе, отражаются в российской системе права.

Первая заповедь звучит как «Я Господь, да не будет у тебя других богов перед лицом моим». Данное положение закрепляет монотеистический характер религии, а также господствующее положение Бога перед людьми. В современном российском праве, декларирующем в ст. 13 Конституции РФ идеологическое многообразие, в ст. 14 – светский характер государства, данная заповедь не нашла своего продолжения. Это означает, что сегодня человеку, находящемуся в России, можно придерживаться любой религии, будь то ислам, христианство, иудаизм или вовсе язычество (как совокупность традиционных и нехристианских религий) с его многобожием.

Подкрепляет этот тезис ст. 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Однако фактически наблюдается становление гегемонии Российской Православной Церкви, которая де-факто демонстрирует свой всеобъемлющий характер на фоне Российского государства. К слову, в том же обозначенном выше Законе в преамбуле признаётся особая роль православия в развитии России. Гораздо более отчётливо первая заповедь отразилась на законодательстве Российской Империи, где на законодательном уровне закреплялось: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания» [1].

В ходе детального анализа данной заповеди можно также выявить следующие ее значения:

1) Определяются общие рамки заповедей, потом – их наполнение в дальнейших нормах Декалога Моисея. В этой части возможно изобразить заповедь следующей формулой: «Я – твой Бог,

я передаю тебе свои правила, слушай меня и следуй за мной». Происходит, таким образом, выстраивание дальнейшей иерархии системы субъектов (Бог – властители – подвластные) и норм (естественный божественный закон – религиозные нормы – правовые нормы и т.п.);

2) Норма способствует рефлексии (самоощущению человека) по отношению к Богу;

3) Отход от многобожия, Бог – един.

Исходя из изложенного, не вдаваясь в рассуждение о природе власти и государства, думается, что уместно эту норму соотнести с положениями ст. 3 Конституции РФ:

1) Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть, прежде всего, через органы государственной власти. Отсюда: «Я – твоя власть, слушай меня и соблюдай все мои правила». Выстраивается иерархия системы субъектов (многонациональный народ – органы власти – отдельные субъекты) и норм (Конституция – законодательство в узком смысле – подзаконные акты);

2) Норма соответствует рефлексии (самоощущению человека-гражданина) по отношению к государству и политике;

3) Государственная власть на территории РФ едина и суверенна (ч. 1 ст. 4 Конституции РФ), не признается никакая другая власть на территории РФ. Ч. 4 ст. 3 Конституции развивает данные положения и создает дополнительные гарантии указанному положению. Согласно данной норме никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону.

Как видно из проделанного анализа, нормы по своему значению являются схожими, несмотря на различный контекст употребления и содержание.

Четвертая заповедь выглядит следующим образом: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его». Пробуя проецировать данное положение на российское законодательство, то, безусловно, речь должна идти об отрасли трудового права. Однако в трудовом праве проявляется обмирщенный вариант четвертой заповеди. Согласно ст. 111 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) работникам гарантируется как минимум один день отдыха – воскресенье. При этом целевое назначение ограничивается лишь указанием на «еженедельный непрерывный отдых» [2]. То есть ТК РФ предоставляет воскресный день работникам для отдыха. Также необходимо сделать ремарку – у работодателей, приостановка работы у которых в выходные

дни невозможна по производственно-техническим и организационным условиям, выходные дни предоставляются в различные дни недели. Это положение доказывает отсутствие тождественности положений четвертой заповеди и отдыха по трудовому праву. Согласно той же четвертой заповеди, как отмечает В.И. Карасик, весь народ должен в определенный день недели превращаться в священнослужителей [3]. Таким образом, данный день предназначен для молитвенных богослужений. Сегодня же тысячи христиан посвящают седьмой день посещению церкви и молитвенным ритуалам, следуя Священному Писанию.

При этом есть различия и в терминологии. Согласно Декалогу седьмой день именуется субботой, современный же седьмой день именуется воскресеньем, что является следствием новозаветного Писания.

Современная православная церковь также не забывает и субботу как шестой день недели. Доказательством этого является субботнее богослужение, которое более торжественное, чем богослужения будничные.

Кроме того данную заповедь возможно толковать через призму идеологической приверженности и единства, а также ритуальности проводимых действий. Так, она по своей сути является ответом людей на первую заповедь, что можно выразить формулой: «Да, мы верим тебе, ты – наш Бог, мы следуем тебе и показываем это в виде ритуалов».

Вряд ли, эту идею можно свести исключительно к выходным дням недели, речь о гораздо более глубоких вещах сознания народа.

Аналогичную направленность сегодня несут на себе создание национальной идеи, развитие приверженности государственным идеалам, а также развитие правосознания населения. Даже в советское время можно было найти отголоски данного явления. Можно привести празднование дня Великой октябрьской революции – выходной день для совершения социалистического ритуала.

Сегодня данное явление выражается в следующем:

1) Разработка программ, направленных на культурное развитие и единства народа России (Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, включая подпрограмму 7 «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»);

2) В соответствии со ст. 112 ТК РФ нерабочими праздничными днями в Российской Федерации являются, в частности:

23 февраля – День защитника Отечества;

9 мая – День Победы;

12 июня – День России;

4 ноября – День народного единства.

Несмотря на то что участие в данных мероприятиях необязательно, ритуальность носит иной характер, по сравнению с религиозными мероприятиями дореволюционной России, можно говорить о схожей направленности явлений.

Однако в целом проведение данных мероприятий может быть также изображено как единение народа перед лицом единой власти и выражение своей приверженности во внешних действиях.

Согласно шестой заповеди запрещается убийство. В Декалоге в повелительном наклонении так и закреплено: «Не убивай». Согласно правилам русского языка глаголы в повелительном наклонении обозначают такие действия, которые кто-то *требует* (выделено авт.) или просит выполнить [4]. Таким образом, данную формулировку заповеди можно синонимично перефразировать как «Тебе запрещено убивать» или же просто «Запрещается убивать».

Как отмечалось ранее, в российской системе права можно проследить следы ветхозаветной правовой культуры, то относительно шестой заповеди речь можно вести лишь о содержании, но не о форме. Дело в том, что Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) в ст. 105 не закрепляет запрет на убийство в прямом смысле этого слова. Норма данной статьи представляет собой норму-дефиницию, но не норму-запрет. В целом вся Особенная часть УК РФ построена по подобному принципу. Даже если норма не закрепляет дефиницию, запретом она не является (например, ч. 1 ст. 126 УК РФ) [5].

Итак, ч. 1 ст. 105 УК РФ закрепляет следующее положение «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, – наказывается...». Несмотря на несоответствие нормам русского языка («тире» здесь излишне), запретительного характера в данной формулировке, подобно Моисееву Декалогу, не прослеживается. Скорее, данная норма выглядит как некий «прейскурант», к которому будет уместно выражение – «Собираешься убить? Готовься заплатить лишением свободы».

Следующее различие – в личности пострадавшего. Скорее, важна не личность, а человек как биологическое существо, которому причинена смерть. По УК РФ это «другой человек». Опять же по смыслу русского языка это любой человек с точки зрения биологии кроме самого субъекта преступления. Логически из этого вытекает, что самоубийство не является преступлением, а, следовательно, не наказывается. Продиктовано это характером ответственности по Уголовному кодексу, который носит светский характер. Субъект преступления за убийство должен понести одно из наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ. Убив себя, человек, соответственно, не сможет понести никакое наказание.

В случае с Декалогом как религиозными заповедями дело обстоит иначе. Самоубийство, как отмечает В.И. Карасик, также является наказуемым согласно 6 заповеди. В отличие от Уголовного кодекса здесь речь идёт об ином. По своей сути Завет – это некий закон-договор, заключённый между Богом и людьми, соблюдение которого влечёт попадание человека в рай, а за несоблюдение следует божественная санкция в виде попадания в ад.

В свою очередь заповеди Моисея в Декалоге – это «статьи» этого «закона». А поскольку перед Богом отвечает как живой человек, так и мёртвый, за самоубийство (которое является убийством в прямом смысле этого слова) «субъект» этого деяния понесёт ответственность, которая неотвратима.

Относительно института необходимой обороны и защиты от посягательства со стороны заведомо невменяемого лица или же лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, хотелось бы сказать следующее. Было бы неверным утверждать о законности необходимой обороны только в отношении преступного посягательства с точки зрения Уголовного кодекса. Цель обороны – предотвратить в первую очередь *общественно-опасное посягательство* (выделено авт.), что не исключено при совершении такового лицом невменяемым или, допустим, малолетним. Буквальное толкование ст. 37 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что понятие «посягательство» в смысле данной статьи шире понятия «преступление». Снимает все вопросы одноименное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое в п. 5 позволяет обороняться от действий заведомо невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, тем самым приравнивая их ко всем остальным посягающим [6]. В этой связи применять меры необходимой обороны к таким лицам можно независимо от того, имелась ли у лица возможность убежать и т.д. Такую вариацию допускает уголовный закон.

Кроме того, развивая данную мысль можно прийти к выводу, что посягавшему может быть и причинена смерть в результате обороны, но лишь при определенных законом обстоятельствах: посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия и оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства).

В Декалоге по поводу убийства в целях обороны ничего не сказано. Если Второзаконие толковать не обособленно, а совместно с синайским сводом уголовного права – Исходом, можно найти весьма интересное положение. «Пришельца не притесняй, и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев мой, и убью вас мечем, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами». По мнению В.Г. Беспалько это же положение можно распространить и на беременных, и на несовершеннолетних, и на невменяемых [7]. Но в целом, война, наказание преступника, самооборона (защита своей жизни или жизни ближних) по Ветхому Завету являются обстоятельствами, при которых убийство не считается смертным грехом.

Интересен для уголовного права также момент начала человеческой жизни по Моисееву

Декалогу. Согласно современному российскому уголовному праву жизнь человека начинается, а следовательно и охраняется Уголовным законом, в момент отделения плода из организма матери посредством родов независимо от того перерезана ли пуповина[8]. То есть до обозначенного момента плод не является объектом уголовно-правовой охраны, а значит все противоправные манипуляции с ним будут означать воздействие на его носителя – мать и влечь уголовную ответственность по ст. 111 (тяжкий вред здоровью) или 123 (незаконное проведение искусственного прерывания беременности).

Что касается Декалога, то Р.Р. Лемонджава приводит отрывок из Библии: «Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было». Автор задаётся вопросом: «ни это ли положение доказывает, что жизнь человека начинается еще во чреве матери?» [9]. В этой связи, по Декалогу наказуемым является убийство зародыша и эмбриона, поскольку его существование уже означает жизнь.

Однако В.Г. Беспалько приводит пример из Синайского уголовного закона: применение насилия к беременной женщине, не повлекшее увечий, но повлекшее прерывание беременности, наказывалось лишь денежным взысканием (выкупом), что менее сурово, чем за членовредительство. Опять же, толкование Декалога вкупе с Исходом приводит к неоднозначным выводам.

Действующий УК РФ ужесточает ответственность заведомо беременной женщины. Факт особого психофизиологического состояния беременной учитывается. Однако такое деяние квалифицируется как убийство одного человека. Поэтому можно сделать вывод о не восприятии положения Библии современным уголовным правом.

Завершая повествование о шестой заповеди, следует в данном контексте упомянуть пятую заповедь, которая звучит как «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле». В этом аспекте интересна реакция российского законодателя на данное положение в свете уголовной ответственности за убийство по нисходящей линии (убийство родителя). Современное уголовное право не дифференцирует убийство постороннего человека или убийство родственника, будь то родитель, сын, дочь и т.д. Конечно же, речь идёт о квалификации. Убийство родителя охватывается основным составом убийства. При назначении наказания суд волен учесть факт циничного убийства и вынести наказание более суровое, чем, например, за убийство человека незнакомого либо постороннего.

Обратимся к уголовному праву Российской Империи и увидим диаметрально противоположное положение. В соответствии со ст. 454 Уголовного уложения 1903 г. виновный в убийстве матери или

законного отца наказывался каторгой без срока [10]. Похожее положение можно было проследить гораздо раньше, в 1845 году в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Возведение в имперской России в статус квалифицированных составов убийств лишения жизни родителей, вероятно, продиктовано опять же ведущей ролью христианской религии в данном государстве. Применительно к современному уголовному праву вряд ли можно прийти к такому умозаключению.

Седьмая заповедь – «Не прелюбодействуй». По словарю Ожегова «прелюбодеяние – это нарушение супружеской верности» [11]. Очевидно, что в речь идёт о семейном праве.

В соответствии с Моисеевым уголовным правом виновные в прелюбодеянии (именно в смысле измены) подвергались смертной казни в виде побивания камнями. Как отмечал В.И. Карасик, у данной заповеди есть экономико-правовое содержание, согласно которому ребёнок, рожденный вне брака, не может быть наследником главы семьи. Кроме того, такой ребёнок считается дьявольским отродием.

Но, несмотря на то, что прелюбодеяние в основном понимается как неверность супругу, также под ним в контексте Библии можно понимать и добрачную связь лиц. Исход устанавливает ответственность за такой грех: «Если обольстит кто девицу необрученную и преспит с нею, пусть отдаст ей вено и возьмет ее себе в жену, а если отец не согласится выдать ее за него, пусть заплатит столько серебра, сколько полагается на вено девицам».

Кроме того, по Декалогу прелюбодеянием признаётся и скотоложство: «Всякий скотоложник да будет предан смерти». Д.В. Щедровицкий объяснял это тем, что скотоложство являлось преступлением против Бога, а не нравственности, как в первом случае, поскольку «различные животные олицетворяли тех или иных богов ханаанейского пантеона» [12].

Нельзя не заметить, что смысл седьмой заповеди пересекается также с положением заповеди девятой: «... не желай жены ближнего твоего».

Что же касается российского семейного законодательства, то Семейный кодекс РФ не упоминает понятие «измена». Но, однако, в некоторых статьях измена подразумевается. Так, ст. 92 Семейного кодекса РФ предусматривает освобождение от необходимости содержания нетрудоспособного супруга в случае, если судом будет установлено его недостойное поведение [13]. Судебная практика под недостойным поведением понимает, в частности, измену. Такое же правило относится и к разделу долей при разводе. Кроме того, при решении вопроса о том, с кем останутся дети после развода, суд будет учитывать причину развода. Но опять же следует повториться, напрямую измену как разновидность недостойного поведения законодательство не называет, в дело вступает дискреция суда.

Если обратиться к монархической России, когда семейное право ещё являлось частью гражд-

данского права, то в Своде законов гражданских 1832 г. факт прелюбодеяния являлся основанием для развода: «Брак может быть расторгнут только формальным духовным судом по просьбе одного из супругов: 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга или неспособности его к брачному сожитию...» [14].

Однако следует учесть, что под прелюбодеянием ещё понимается и инцест. Здесь реакцию законодателя также можно заметить. Согласно ст. 14 Семейного Кодекса РФ не допускается заключение брака между близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами).

Восьмая заповедь звучит как «Не кради». Проецируя данное положение на российское законодательство, следует его толковать широко. Это говорит о том, что не только «Кража» в смысле ст. 158 УК РФ ассоциируется с восьмой заповедью, а все составы, образующие хищение. В административном законодательстве данное правило отражается на ст. 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Однако обе эти статьи, подобно ст. 105, о чём уже говорилось выше, не закрепляют категорического запрета. Речь также идёт о наказании за совершение деяния, закреплённого в диспозиции. В случае с УК РФ это «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества...» и другие составы, в случае с КоАП РФ – «Мелкое хищение чужого имущества...» [15].

Девятая заповедь – «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». На данном наставлении Божиим, по нашему мнению, завершается перечень правил, нашедших своё отражение в российском законодательстве. Опять же, подобно предыдущей заповеди, данная норма требует расширительного толкования применительно к российской системе права. На первый взгляд речь должна идти о ст. 17.9 КоАП РФ «Заведомо ложные показания» или о ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания». Действительно, данные нормы устанавливают ответственность за «ложное свидетельство» в прямом смысле этого слова. Разница между ними лишь в обстановке, в которой это свидетельство было произнесено (производство по делу об административном правонарушении, уголовное судопроизводство и т.д.). Однако связывает данные статьи процессуальный характер общественных отношений, в связи с которыми возникает ответственность по данным нормам. Толкование девятой заповеди не должно на этом останавливаться. Полагаем, что положение Божьего наставления возможно проследить и в ст. 306 УК РФ. О чём же данная норма? Она устанавливает ответственность за заведомо ложный донос о совершении преступления. К слову, заповеди не говорят о заведомости действий при свидетельстве, однако следует таковую подразумевать.

И, наконец, десятая заповедь. Данная заповедь предполагает отказ от желаний посягательства на личную сферу другого человека. В правовом смысле ее отдельные положения можно соотносить с отказом от посягательства на то, что по праву принадлежит другому лицу, а потому напоминает конструкцию абсолютных правоотношений. Данные отношения определяются как такие, в которых управомоченному лицу – носителю субъективного права противостоит неопределённый круг лиц, обязанных пассивно воздерживаться от совершения действий, которые могут причинить вред первому лицу. В части имущественных отношений аналогом видятся вещные правоотношения.

Необходимо оговориться, что право, будучи лишённым возможности прямого воздействия на психику человека, определяет лишь внешнее его поведение, призывая к отказу от действий (как элемента объективной стороны), связанных с обозначенным посягательством. В то время как религиозная норма, имеющая направленность на внутренний мир человека (субъективную сторону), предостерегает даже от желания такого посягательства. Таким образом, как право, так и религия имеют общую направленность – избавление от посягательств на принадлежащее другому, воздействуя при этом на различные стороны человеческой деятельности.

Подводя итог, следует сказать, что в российском законодательстве можно проследить следы Ветхого Завета. В данной работе проанализированы заповеди Божии, некоторые из которых нашли своё отражение в российском законодательстве. В этой связи уместно согласиться с К.Е. Сигаловым который отмечает, что основные положения Десяти заповедей «буквально пронизывают западное право, причем не только по содержанию, но и по форме, в значительной степени отражая структуру современного права, его отрасли и институты» [16]. Однако о полной же «рецепции» говорить нельзя, учитывая светский характер российского государства, что подтверждает анализ некоторых норм современного Российского права.

Литература

1. Свод основных государственных законов Российской Империи от 23 апреля 1906 г. Ст. 62. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.virtuset-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. – № 256. – 2001.
3. Карасик В.И. Декалог: культурологический комментарий / Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 155.
4. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / [М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. – М.: Просвещение, 2012. С. 121.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html>
7. Беспалько И.В. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01 -М., 2017. – 493 с.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
9. Лемонджавя Р.Р. Библейский Декалог как источник и ценностный ориентир для права // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 62.
10. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. [Электронный ресурс] – URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf
11. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] – URL: <http://endic.ru/ozhegov/Preljubodejanie-26170.html>
12. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2003. С. 59.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. – 2011. – № 5648.
14. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. [Электронный ресурс] – URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_9.html
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
16. Сигалов К.Е. Религиозное бытие права // Юридический мир. – 2008. – № 7. – С. 71–74.

THE TRAIL OF THE MOSES DECALOGUE IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E.
Altai State University

The influence of Decalogue on Russian law is analysed in the paper. The Decalogue has both social and legal meaning: its reflection can be found not only in rules of law but also in institutes and branches of law. The article introduces position that the content of Decalogue contains fundamental principles of European legal thinking. The paper is based on the analysis of Criminal law since this branch of law regulates the most fundamental and important relations of society. That is the reason why it is deeply connected with such social regulators like religion and law. The article introduces that rules of 4th century AD still matter. It is analysed that many sources of Russian law contain rules similar to Decalogue. Finally, it is concluded that Decalogue left a mark on development of Russian law.

Keywords: Decalogue, Commandments, old Testament, criminal law, family law, religious law, social regulators.

References

1. The Code of basic state laws of the Russian Empire of April 23, 1906, Article 62. [Electronic resource] – URL: <http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01>
2. Labor Code of the Russian Federation: Federal law No. 197-FZ of 30.12.2001 // Russian newspaper. – № 256. – 2001.
3. Karasik V.I. Dekalog: kulturological comment / Verkhnevolskiy philological Bulletin. – 2015. – No. 1. – P. 155.
4. Russian language. Grade 6. Studies'. For General education. institutions'. In 2 CH. CH. 2 / [M.T. Baranov, T.A. Ladyzhenskaya, L.A. Trostentsova et al.; scientific ed. N.M. Shansky]. – M.: Enlightenment, 2012. P. 121.
5. The criminal code of the Russian Federation: Federal law No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. from 07.03.2017) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – St. 2954.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 N19 Moscow “On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime” [Electronic resource] – URL: <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html>
7. Bepalko I.V. The Doctrine of crime and punishment in the Pentateuch of Moses: dis. ... doctor of law: 12.00.01-M., 2017. – 493 p.
8. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal law No. 323-FZ of 21.11.2011 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 48. – St. 6724.
9. Lemondzhava R.R. The Biblical Decalogue as a source and value guide for law // Society and law. – 2011. – № 4. – P. 62.
10. Criminal code of March 22, 1903 [Electronic resource] – URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf
11. Ozhegov's Explanatory dictionary [Electronic resource] – URL: <http://endic.ru/ozhegov/Preljubodejanie-26170.html>
12. Shchedrovitsky D.V. Introduction to the old Testament. The Five Books Of Moses, Moscow, 2003, P. 59.
13. Family code of the Russian Federation of 29.12.1995, No. 223-FZ (with the post. and DOP.) // The Russian newspaper. – 2011. – № 5648.
14. Tyutryumov I.M. Civil Laws with explanations of the governing Senate and comments of Russian lawyers. Book one. [Electronic resource] – URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_9.html
15. The Code of the Russian Federation on administrative offences: Federal law No. 195-FZ of 30.12.2001 (ed. from 01.04.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (part 1). – Article 1.
16. Sigalov K.E. Religious being of law // Legal world. – 2008. – № 7. – P. 71–74.

Особенности профессионального самосознания у юристов

Фадин Максим Владимирович,

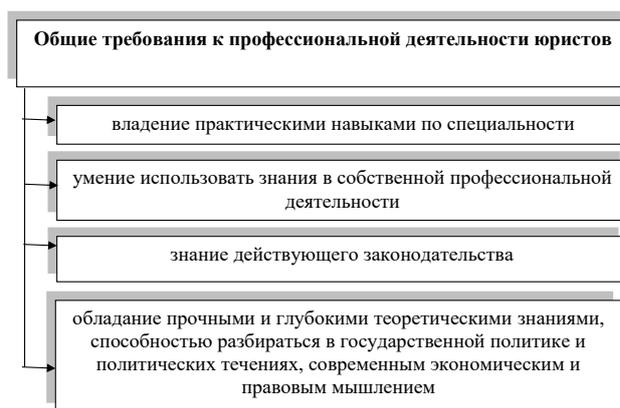
магистрант, РПА Минюста России (филиал г. Ростов-на-Дону)
E-mail: mfadin@yandex.ru

Юридическая деятельность одна из самых многогранных и сложных видов трудовой деятельности. Самосознание в психической личностной деятельности выступает, прежде всего, сложным процессом познания себя в опосредованной форме. Многие ученые отмечают, что самосознание выступает в качестве процесса, благодаря которому конкретный индивид познает себя и относится определенным образом к себе. Благодаря формированию у будущих юристов профессионального самосознания, у них также формируется соответствующая картина профессионального пути, которая имеет субъективный характер. У юристов особенности профессионального самосознания обусловлены спецификой их профессиональной деятельности. Обществом в то же время предъявляются достаточно высокие требования к юристам.

Ключевые слова: юрист, профессионал, профессиональное самосознание, профессиональные требования, профессиональная юридическая деятельность.

В научных изысканиях В.Б. Тепликова подчеркивалось, что достаточно многогранной и многоступенчатой считается юридическая профессиональная деятельность. Прежде всего, это обусловлено тем, что такая деятельность осуществляется во всех областях социальной жизнедеятельности. К примеру, юристы в настоящее время осуществляют юридическую деятельность и в разных функциональных подразделениях современных компаний, и в органах государственной власти, и в общественных организациях, и при работе с отдельными гражданами. Существующая тенденция привлечения юридических специалистов обусловлена построением в Российской Федерации правового государства, а также повышением в жизни современного общества роли права [1]. Обществом в то же время предъявляются достаточно высокие требования к юристам.

В современной юридической психологии на сегодняшний день достаточно широко представлены исследования профессиональных личностных качеств юристов, а также особенностей и структуры их профессиональной деятельности [2–4]. Юристы, как справедливо отмечается в современных исследованиях, должны обладать конкретными знаниями, навыками и умениями в профессиональном плане, качествами личностного характера, соответствующие роли субъектов правового порядка. Т.Л. Миронова в собственных исследованиях выделяла следующие общие требования к юристам при осуществлении ими профессиональной юридической деятельности (рис. 1).

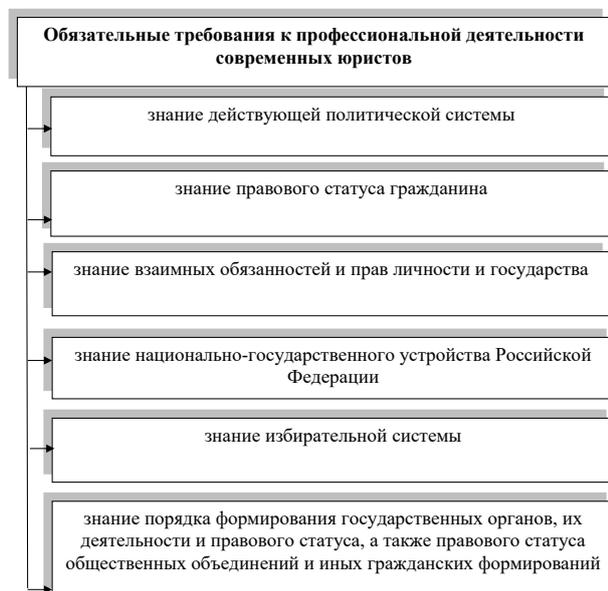

Рис. 1. Общие требования к профессиональной деятельности юристов [5]

Необходимо отметить, что юристы при осуществлении профессиональной деятельности должны знать основы управления, политических и экономических учений, организации труда и психологии. Такие знания необходимы для оказания юридических услуг на высоком квалифицирован-

ном уровне. При осуществлении успешного изучения отраслевых наук одним из важных условий считается глубокое знание общеправовых наук, содержания основных отраслевых юридических наук.

В то же время, предъявляется и совокупность некоторых требований обязательного характера к профессиональной деятельности юристов. Схематически их можно представить на рисунке 2.

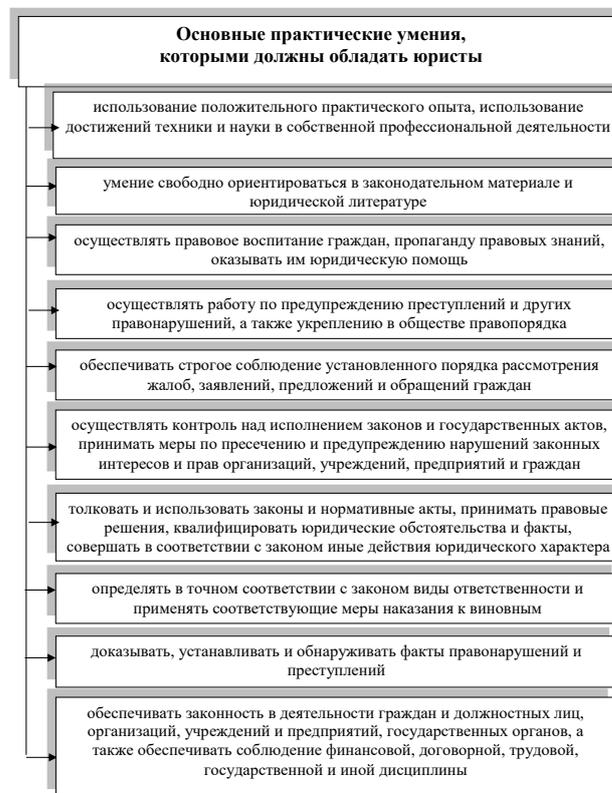
Рис. 2. Обязательные требования к профессиональной деятельности современных юристов

Исходя из выделенных обязательных требований к профессиональной деятельности юристов, можно заключить, что данная профессия, прежде всего, требует соответствующего знания основных способов уяснения и трактовки норм правового характера, а также их соответствующей реализации, принятия нормативных актов и процедуры их законного исполнения. В то же время, современные юристы в зависимости от собственной специализации должны в совершенстве знать практику применения и специфику российского отраслевого законодательства. При этом, стоит подчеркнуть, что наличие у юристов лишь одних знаний недостаточно, так как в их профессиональной деятельности также важны соответствующие умения и навыки практического характера [2].

Среди практических умений юристов можно выделить следующие умения (рис. 3).

Юристы имеют дело с правовыми нормами и фактами достоверного характера, реализуют право в порядке, установленном законодательством РФ, в результате чего в их профессиональной деятельности присутствует соответствующий аспект формальности. Прежде всего, это обусловлено тем, что в профессиональной деятельности юристы опираются на точные зафиксированные данные. В профессиональной юридической деятельности предметом труда выступает информация, которая закреплена и собрана в соответствующих документах. В результате этого, от юристов

в аспекте их профессиональной деятельности требуются такие качества, как аккуратность и точность, соблюдение законности. В первую очередь, такие черты обусловлены тем, что документальная работа занимает в профессиональной юридической деятельности большое место [4].

Рис. 3. Основные практические умения, которыми должны обладать юристы [5]

Профессиональная юридическая деятельность также требует владения навыками составления и оформления документов, для чего юрист должен уметь использовать разнообразную технику криминалистического, информационного и специального характера, обладать достаточным уровнем коммуникативных навыков. Относительно коммуникативных навыков, необходимо отметить, что в профессиональной юридической деятельности одним из наиболее важных элементов считаются коммуникации. Прежде всего, это обусловлено тем, что юристы осуществляют различные виды общения на профессиональном и деловом уровне [3]. Именно поэтому в разных ситуациях особенности коммуникативного поведения юриста имеют важное значение для осуществления эффективной профессиональной деятельности.

Среди важных личностных качеств профессиональные юристы должны обладать следующими качествами:

- общительность;
- личная безупречность;
- профессиональная этика;
- гуманистическая направленность;
- справедливость;
- чувство непримиримости в борьбе с правонарушениями;

- преданность собственному делу;
- высокий уровень гражданственности;
- проявление независимости и принципиальности в принимаемых решениях;
- нравственные качества;
- развитое чувство долга;
- интеллектуальность;
- ответственность за исполнение собственных обязанностей.

Стоит при этом отметить, что если недооценивать личностные качества при выборе юридической профессии, то это может привести к формированию некоторых осложнений и трудностей в осуществлении работы правового характера, также довольно часто это приводит к непригодности юристов для их трудовой деятельности в правоохранительных соответствующих органах [3].

Следовательно, на основе выделенных специфических черт можно разграничить особенности формирования профессионального самосознания у юристов. Такие черты, прежде всего, сопряжены с требованиями личностного и квалификационного характера к данной профессии, что также отражается в структуре профессионального самосознания юристов.

Ранее нами уже было отмечено, что современные ученые понимают профессиональное самосознание как установку на себя и свою личности в осуществлении профессиональной деятельности [8]. Если рассматривать самосознание как установку личности, то она также включает в себя определенные подструктуры: когнитивного, поведенческого и аффективного характера. В свою очередь, на каждой подструктуре профессионального самосознания юристов можно выделить определенные специфические особенности самосознания в профессиональном плане. Когнитивная подструктура профессионального самосознания юристов, прежде всего, включает в себя осознание индивидом себя в контексте его личностного развития, а также понимание своего Я в системе осуществления профессиональной юридической деятельности и в рамках деловой коммуникации. Такие черты закладываются в соответствующий образ Я-юриста, который представляет собой систему представлений юриста о самом себе. В то же время, подструктура профессионального самосознания юристов аффективного характера включает в себя следующие разновидности отношений:

- отношение индивида к профессиональным собственным качествам, своей профессиональной компетенции, личности в качестве юриста-профессионала, т.е. соответствия Я-образа идеальному Я-образу юриста;
- отношение к системе взаимосвязей с людьми, в рамках которых юрист осуществляет собственную юридическую деятельности, и оценкой эмоционального характера того, как в процессе таких взаимосвязей индивидом осуществляются функции коммуникативного характера;
- отношением к профессиональным собственным действиям, а также целям профессиональ-

ной деятельности и основным средствам их достижения при осуществлении юридической деятельности.

Все выделенные выше отношения имеют конечный результат, который заключается в формировании глобального самоотношения юриста [9].

В профессиональном самосознании юристов поведенческая структура, прежде всего, включает в себя реальные действия, связанные с осознанием себя в качестве субъекта профессиональной деятельности, а также существующую тенденцию действовать в отношении себя, как в отношении профессионала. Также следует отметить тот факт, что профессиональное самосознание юристов имеет профессиональное содержание Я-образов. Так, в качестве примера можно привести следующие элементы Я-образов в контексте профессионального содержания:

1. Образ Я-профессионала в прошлом. В этом плане индивид может выделять в собственной структуре основные недостатки и проблемы, с которыми он сталкивался в прошлом, но при этом отмечать, что он был достаточно «хорошим парнем, учеником» и т.д.

2. Образ Я-профессионала настоящего. В этом случае индивид может выделять конкретные умения профессионального характера, а также личностные качества, которые присущи ему в настоящий период.

3. Образ Я-профессионала будущего. В этом контексте индивид может определять конкретные перспективы в профессиональном плане, карьере, формировать идеальный Я-образ в качестве профессионала.

По составу включаемых Я-образов самосознание определяется, прежде всего, спецификой трудовой деятельности. В юридической профессиональной деятельности профессиональное самосознание может включать образ Я в глазах клиентов, когда осуществляется работа с клиентами, которые для юриста выступают соответствующими объектами деятельности [10].

Таким образом, можно выделить несколько существенных характеристик профессионального самосознания юристов:

- готовность юристов действовать в согласовании с самооценкой, мотивами и ценностями, которые осознаются на субъективном уровне;
- осознание основных ценностей и мотивов профессионального характера;
- оценка и осознание себя в качестве профессионала.

На основе таких характеристик можно выделить содержание основных компонентов самосознания, состав которых представлен в таблице 1.

Следовательно, у юристов профессиональное самосознание считается интегральным личностным свойством, которое включает в себя диалектическое единство аксиологического, творческого, эмоционально-ценностного, мотивационного и когнитивного компонентов, объединяющих способность к саморегуляции, рефлексии, самосовершенствов-

ванию, саморазвитию, профессиональные знания и нормы профессионального поведения, общечеловеческие и правовые ценности, профессионально-важные качества и опыт личности.

Таблица 1. Состав структуры профессионального самосознания юристов [11]

Компоненты			
Творческий	Мотивационный	Регулятивный	Когнитивный
Показатели			
Творческий	Мотивационный	Регулятивный	Когнитивный
Самообразование	Цели достижения вершин в профессиональном росте	Удовлетворенность сделанным выбором	Адекватная общая и профессиональная самооценка
Самоорганизованность			
Самостоятельность	Потребности самореализации в данной профессии	Эмоциональное отношение к себе как к профессионалу	Знания об особенностях профессиональной юридической деятельности и требованиях к личности профессионала в такой деятельности
Целеустремленность			
Увлеченность	Познавательные мотивы самоопределения и саморазвития	Личностный смысл юридической деятельности	
Самосовершенствование			
Творческая активность в процессе профессионального становления	Профессиональная направленность	Оценочное отношение к профессии	

Стоит при этом подчеркнуть, что становление профессионального самосознания юриста считается достаточно длительным процессом. На развитие профессионального самосознания юристов оказывают непосредственное воздействие следующие факторы:

1. основные ожидания и суждения оценочного характера среди представителей социального окружения индивида, которые получает индивид при осуществлении определенного социального взаимодействия в социуме либо коммуникации;

2. субъективные ожидания индивида от самого себя как профессионала. Такие ожидания, прежде всего вытекают из осуществления юридической профессиональной деятельности. Необходимо отметить, что в эту группу факторов также входят ориентации мотивационного и ценностного характера индивида.

Благодаря формированию у будущих юристов профессионального самосознания, у них также формируется соответствующая картина профессионального пути, которая имеет субъективный характер.

Следовательно, в результате проведенного анализа можно заключить, что особенности формирования профессионального самосознания у юристов, прежде всего, обусловлены спецификой их деятельности в профессиональном плане.

Сильное воздействие на формирование профессионального самосознания у юристов оказывает совокупность факторов и условий психологического характера. Именно такие факторы и условия, в свою очередь, предопределяют субъективное формирование наиболее оптимальных способов удовлетворения соответствующих потребностей профессионального характера. Также они способствуют формированию у юристов опыта саморазвития, адекватного уровня самооценки, самооотношения в позитивном плане. В то же время, внутреннюю согласованность структуры профессионального самосознания у юристов обеспечивают сформированная у них психологическая, социальная и профессиональная компетентность, готовность к профессиональной деятельности на психологическом уровне, а также самооотношение и отношение к внешнему миру [4].

Выделенные в рамках настоящего исследования условия и факторы психологического характера позволяют выработать основные направления для оптимизации и улучшения процесса развития и формирования у юристов профессионального самосознания в процессе их обучения по специальности. Среди таких основных направлений, прежде всего, можно выделить следующие направления:

- сопровождение юристов на психологическом уровне на каждом этапе обучения;
- использование в обучении современных методов и психологических технологий для формирования психологической, социальной и профессиональной компетентности у будущих юристов;
- оптимизация содержания образования.

Подводя итог, можно сделать выводы, что юридическая деятельность одна из самых многогранных и сложных видов трудовой деятельности человека. Во многих психологических исследованиях одной из центральных проблем считается проблема самосознания. Многие ученые отмечают, что самосознание выступает в качестве процесса, благодаря которому конкретный индивид познает себя и относится определенным образом к себе. Самосознание в психической личностной деятельности выступает, прежде всего, сложным процессом познания себя в опосредованной плане. Стоит также отметить, что процесс самосознания также связан с движением от ситуативных образов единичного характера к целостному их образованию. Этот процесс осуществляется с помощью интеграции таких образов. Исходя из этого, можно заключить, что самосознание индивида приводит к пониманию им собственного Я в качестве субъекта, который от других субъектов отличается определенными характеристиками. Разные переживания человека сопровождают процесс его самопознания, они, в свою очередь, в дальнейшем обобщаются в отношении конкретной личности к себе в эмоциональном плане и плане ценностных ориентаций.

В профессиональном самосознании основной целью, как отмечают многие исследователи, счи-

тается постепенное формирование у индивида соответствующей готовности к построению, реализации, а также корректировке перспектив профессионального развития, жизненного развития и развития личности. В этом случае стоит отметить, что данный процесс должен быть осознанным и осуществляться самостоятельно. Именно поэтому, профессиональное самосознание предполагает, прежде всего, готовность индивида осуществлять поиск значимых для личности смыслов в профессиональном плане, а также рассматривать собственное Я как развивающуюся во времени личность.

У юристов профессиональное самосознание считается интегральным личностным свойством, которое включает в себя диалектическое единство аксиологического, творческого, эмоционально-ценностного, мотивационного и когнитивного компонентов, объединяющих способность к саморегуляции, рефлексии, самосовершенствованию, саморазвитию, профессиональные знания и нормы профессионального поведения, общечеловеческие и правовые ценности, профессионально-важные качества и опыт личности.

У юристов особенности профессионального самосознания обусловлены спецификой их профессиональной деятельности. На успешность формирования у будущих юристов профессиональной Я-концепции оказывает непосредственное воздействие психологических условий и факторов, которые предопределяют формирование у индивида оптимальных способов удовлетворения потребностей профессионального характера, соответствующего адекватного уровня самооценки, саморазвития и формирования у индивида самоотношения позитивного характера. Сформированная у юриста готовность психологического характера к профессиональной юридической деятельности, а также равновесие между отношением индивида к себе как к профессионалу и к миру, профессиональная и социально-психологическая компетентность обеспечивают внутреннюю согласованность структуры профессионального самосознания юристов.

Литература

1. Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения / авт. кол. Л.А. Воскобитова, А.Б. Гутников, В.В. Захаров и др.; отв. ред. Л.А. Воскобитова и др. – М. 2001. – 416 с.
2. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: учебник для студентов. – М.: НИЦ ИНФРА М, 2018. – 448 с.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для Вузов. – 6-е изд. перераб. и доп. – СПб. 2009. – 608 с.
4. Тепликов В.Б. Психолого-педагогические условия становления профессиональной Я-концепции студентов юридического вуза: автореф. дисс. канд. псих. наук. – М. 2006. – 19 с.
5. Миронова Т.Л. Самосознание профессионала. – Улан-Удэ, 1999. – 199 с.

6. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: учебник для студентов. – М.: НИЦ ИНФРА М, 2018. – 448 с.
7. Миронова Т.Л. Самосознание профессионала. – Улан-Удэ, 1999. – 199 с.
8. Пряжников Е.Ю. Организационно-методические основы деятельности профконсультанта службы занятости: учебно-методическое пособие. – М. 2001. – 201 с.;
9. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. – М. 1998. – 200 с.
10. Семенова Е.А. Профессиональное самосознание будущих юристов // Психопедагогика в правоохранительных органах, № . 2, 2009, С. 19–23.
11. Аблова О.Н. Специфика формирования профессионального самосознания у студентов юридического вуза // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 1. С. 28.

FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-AWARENESS AMONG LAWYERS

Fadin M.V.

RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Legal activity is one of the most multifaceted and complex types of labor activity. Self-consciousness in mental personal activity is, first of all, a complex process of knowing oneself in an indirect way. Many scientists note that self-consciousness acts as a process by which a particular individual cognizes himself and relates in a certain way to himself. Thanks to the formation of professional self-awareness among future lawyers, they also form a corresponding picture of their professional path, which is subjective in nature. For lawyers, the features of professional self-awareness are determined by the specifics of their professional activities. At the same time, society imposes rather high requirements on lawyers.

Keywords: lawyer, professional, professional self-awareness, professional requirements, professional legal activity.

References

1. Professional skills of a lawyer: the experience of practical training / ed. count L.A. Voskobitova, A.B. Gutnikov, V.V. Zakharov and others; open ed. L.A. Voskobitova et al. – М. 2001. – 416 p.
2. Enikeev M.I. Fundamentals of Legal Psychology: a textbook for students. – М. : SIC INFRA M, 2018. – 448 p.
3. Vasiliev V.L. Legal Psychology: Textbook for High Schools. – 6th ed. Revised. and add. – SPb. 2009. – 608 p.
4. Teplikov VB Psychological and pedagogical conditions for the formation of a professional self-concept for students of a law university: author. diss. Cand. crazy. sciences. – М. 2006. – 19 p.
5. Mironova T.L. The identity of a professional. – Ulan-Ude, 1999. – 199 p.
6. Enikeev M.I. Fundamentals of Legal Psychology: a textbook for students. – М. : SIC INFRA M, 2018. – 448 p.
7. Mironova T.L. The identity of a professional. – Ulan-Ude, 1999. – 199 p.
8. Pryazhnikova E. Yu. Organizational and methodological foundations of the activities of the professional consultant of the employment service: a teaching aid. – М. 2001. – 201 p. ;
9. Mitina L.M. Psychology of teacher professional development. – М. 1998. – 200 p.
10. Semenova E.A. Professional identity of future lawyers // Psychopedagogy in law enforcement, No. 2, 2009, S. 19–23.
11. Ablova O.N. The specifics of the formation of professional self-awareness among students of a law school // Modern studies of social problems. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 28.

Аннотация к законодательному акту: объект авторского права или нет

Тазетдинова Лилия Дамировна,

аспирант, департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: L.tazetdinova@mail.ru

Статья посвящена правовому анализу правового режима аннотаций к законодательным актам в российской и зарубежной практике. Поводом для рассмотрения данного вопроса послужило решение Верховного Суда США, продемонстрировавшего своеобразный подход к правовому режиму такого рода аннотаций. Основу исследования составил спор между штатом Джорджия и некоммерческой организацией Public.Resource.Org. в отношении Официального Кодекса штата Джорджия с аннотациями.

Ключевая слова: аннотации, официальные документы, авторские права, производные произведения, доктрина эдиктов.

Вопрос правовой охраны аннотаций, особенно аннотаций к законодательным актам, на первый взгляд кажется риторическим и не вызывает трудностей на практике. Однако в мировой практике не все так однозначно. Недавнее решение Верховного суда США по вопросу о том, подлежат ли авторско-правовой охране аннотации к законам штата Джорджия, является тому подтверждением. Прежде чем перейти к анализу данного решения, логичным будет рассмотреть регулирование правового режима аннотаций к законодательным актам в российском праве. Итак, обо всем по порядку.

Гражданский кодекс Российской Федерации однозначно определяет в пп. 1 п. 6 ст. 1259, что официальные документы государственных органов, в том числе законы, не являются объектами авторского права и, соответственно, не подлежат охране авторским правом. Данная норма является логичной и не вызывает дискуссий и противоречий на практике.

Аннотации, являясь кратким изложением какого-либо текста, представляют собой переработанные произведения. Закон РФ 1993 года № 5351-1 «Об авторском и смежных правах» прямо указывал на принадлежность аннотаций к производным произведениям. [1] Новый ГК РФ предоставляет охрану производным произведениям. При этом стоит отметить, что по сравнению с аналогичной нормой предшествующего Закона 1993 г. об авторском и смежных правах, ГК РФ ограничивается общим определением (произведения, представляющие собой переработку другого произведения).

Производное произведение охраняется независимо от правового режима охраны прав авторов оригинальных произведений. Данный подход закреплен в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [2] и, как следствие, нашел отражение в новой редакции ГК РФ в ст. 1260.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать промежуточный вывод о том, что с точки зрения российского права аннотация к законодательному акту государственного органа потенциально может подлежать охране авторским правом.

Однако не стоит забывать об основополагающем принципе предоставления авторско-правовой охраны произведениям – охране подлежат только произведения, являющиеся творческим трудом

автора. [3] И.А. Близнец также обращает внимание на критерий оригинальности достигаемого автором творческого результата. [4, с. 19]

Витко В.О., рассуждая о признаках производных произведений, сформулировал пять отличительных характеристик. [5] Помимо творческого характера труда автора, Витко О.В. обращает внимание, что производные произведения, как и первоначальные, должны быть выражены в объективной форме, так как не подлежат охране мысли и идеи без объективного выражения. Остальные признаки, присущие только производным произведениям, возражений не вызывают: создание на основе существующего произведения (первоначального); повторение мысли, изложенной автором в первоначальном произведении; использование первоначального произведения путем воспроизведения его объективной формы (частичное или полное). Несмотря на внешнюю очевидность, критерий создания производного произведения на основе существующего произведения играет важную роль. Без первоначального произведения производное просто не может быть создано, в противном случае это будет новое независимое произведение.

Таким образом, объектом охраны авторским правом могут выступать только такие аннотации к законодательным актам, которые способны удовлетворять критериям творческого характера труда автора и оригинальности при условии, что конкретное производное произведение было выражено в какой-либо объективной форме. То есть вопрос о принадлежности той или иной аннотации к законодательному акту к объектам авторского права будет решаться в каждом конкретном случае отдельно.

Заслуживает внимание позиция Верховного суда США, который поставил точку в затяжном споре о том, подлежат ли охране авторским правом аннотации к законам штата Джорджия (между штатом Джорджия и компанией Public.Resource.org, Inc. [6])

Штат Джорджия имеет собственный кодекс, в котором собраны все действующие законы штата, а также краткие аннотации к каждому документу – Официальный Кодекс штата Джорджия с аннотациями (the Official Code of Georgia Annotated (OCGA)). Аннотации помимо краткого содержания законов содержат мнения юристов практиков в отношении соответствующего документа, а также релевантные статьи и дополнительные материалы.

Издание, в отношении которого возник спор, было подготовлено Ревизионной комиссией (the Code Revision Commission, государственный орган штата) в части подбора действующего законодательства и компанией Matthew Bender & Co., Inc. (входит в LexisNexis Group) в части подготовки аннотаций (по договору найма (work-for-hire agreement) с Ревизионной комиссией. В соответствии с договором аннотации создавались под надзором Ревизионной комиссии, которая де-

тально определяла, что должно входить в текст аннотаций. Договор также определял, что штату Джорджия, действующему через Комиссию, принадлежат авторские права на OCGA (исключительное право публиковать, распространять и продавать OCGA).

Ответчик по рассматриваемому спору некоммерческая организация Public.Resource.Org (PRO), которая занимается тем, что способствует продвижению и доступности государственных документов и юридических материалов для общества, опубликовала OCGA в интернете на различных сайтах, с возможностью скачивания кодекса, и распространила копии кодекса различным организациям, а также госорганам штата Джорджия. В результате Ревизионная комиссия подала в суд на PRO за нарушение ее авторских прав на аннотации в OCGA. В свою очередь PRO подал встречный иск, требуя декларативного решения о том, что весь кодекс, включая аннотации, подпадает под действие общественного достояния.

Окружной суд поддержал Комиссию, постановив, что аннотации имеют право на защиту авторских прав, поскольку они не были приняты в качестве закона и не имеют юридической силы. Одиннадцатый апелляционный суд не согласился с аргументами Ревизионной комиссии, применив так называемую доктрину эдиктов (edicts doctrine).

Как и в российском праве, официальные документы, законы штатов и федеральное законодательство США не защищаются авторским правом. Однако в отношении аннотаций и комментариев к законам исторически ситуация была менее ясной.

Закон об авторском праве (the Copyright Act) 1976 года распространяет охрану на «оригинальные авторские произведения, выраженные в объективной форме». [7; § 102(a)] Аннотации подлежат охране в качестве производных произведений (при условии, что они выражены в объективной форме).

Доктрина эдиктов является судебным инструментом в отношении защиты авторских прав, которая исключает правительственные указы в широком смысле, то есть официальные документы, изданные лицом, представляющим власть или исходящие от государственного органа, не имеют права на защиту. Данное означает, что правительственные чиновники, законотворцы, уполномоченные создавать документы, которые потенциально будут иметь силу закона, не могут быть авторами произведений, которые они создают в своих служебных обязанностях. [8]

Доктрина возникла в 19 веке, основываясь на трех основных судебных спорах, получивших рассмотрение в Верховном суде США. Так, в деле *Wheaton v. Peters* 1834 года [9], связанном с заявлением издателя сборника судебных решений об авторских правах на судебные решения, суд пришел к выводу, что судья не может охранять авторское право на судебное решение, а потому

не может передавать исключительное право на его или ее судебные решения. Затем в деле *Banks v. Manchester* 1888 года [10] было заявлено об авторском праве в отношении мнений судей и материалов, подготовленных судьями, когда Суд постановил, что судьи не могут отстаивать защиту авторских прав на работы, которые они выполняют в качестве судей. Наконец, в деле *Callaghan v. Meyers* 1888 года [11] Суд постановил, что, хотя судебные заключения не подлежат защите авторских прав, издатель сборника судебных решений может требовать авторских прав на свои собственные пояснения к материалам, поскольку данные пояснения сами по себе не имеют юридической силы.

Указанные споры касаются вопроса о том, могут ли письменные судебные решения быть защищены авторским правом. Как можно заметить, судебная практика США дает на это однозначный ответ. Однако рассматриваемый спор между штатом Джорджия и PRO отличается от указанных выше прецедентов – речь идет про не имеющие официального характера, необязательные справочные материалы, объединенные в один сборник с действующими законами.

Верховный суд США согласился с апелляционным судом, однако выводы и характер рассуждений существенно отличаются от предыдущей инстанции.

Принимая решение по данному делу, Верховный суд применил двухступенчатый тест. Для начала Верховный суд исследовал вопрос о том, является ли предлагаемый «автор» законодателем. И если да, то создает ли Ревизионная комиссия (от имени штата) аннотации при «исполнении» своих законодательных «обязанностей».

Отвечая на первый вопрос, Верховный суд установил, что аннотации были подготовлены подразделением LexisNexis Group в соответствии с договором о найме с Ревизионной комиссией. Договор предусматривал, что любые авторские права в государственном кодексе принадлежат штату Джорджия, действующему через Ревизионную комиссию. Таким образом, Комиссия является «автором» в соответствии с Законом об авторском праве 1976 г. Комиссия была создана законодательным органом штата Джорджия и состоит в основном из законодателей. Кроме того, Комиссия финансируется за счет ассигнований законодательной власти. Таким образом, автором аннотации, по мнению Верховного суда, является законодатель.

Обращаясь ко второму этапу проверки, Суд установил, что Комиссия создала аннотации при выполнении своих законодательных обязанностей. Несмотря на возражения представителей со стороны штата Джорджия, что аннотации не имеют статуса закона, не были предметом слушаний в обеих палатах Генеральной Ассамблеи штата Джорджия, аннотации, тем не менее, были утверждены законодательным органом штата до того, как они были объединены с нормативной частью кодекса штата до публикации.

В качестве аргумента в пользу данной позиции Верховный суд США сослался на решение Верховного суда Джорджии в деле *Harrison Co.v. Code Revision Comm* 1979 года, в котором последний указал, что в соответствии с Конституцией штата Джорджия «работа Комиссии; то есть, выбор издателя, заключение договора и кодификация законов, принятых Генеральной Ассамблеей, включая их толкование в судебном порядке, входит в сферу законодательной власти». [12]

Таким образом, Верховный суд США установил, что в соответствии с законодательством штата Ревизионная комиссия осуществляла полномочия законодательного органа, когда она работала с Lexis для составления аннотаций. И, соответственно, Ревизионной комиссии было запрещено выступать автором в соответствии с Законом об авторском праве 1976 г., поскольку аннотации были созданы законодателем в рамках своих законодательных обязанностей.

Тем не менее, не все согласны с такой позицией Верховного суда. Так, представители юридической фирмы *Finnegan, Henderson, Farabow, Garrett & Dunner, LLP* считают, что частные юридические издатели должны иметь возможность продолжать создавать защищенные авторским правом аннотации и комментарии к кодексам штатов независимо от сотрудничества с госорганами штатов. Кроме того, в решении суда не указывалось, будут ли аннотации и комментарии защищены авторским правом, если они не будут «произведениями, созданными по найму», подготовленными от имени государства.

Литература

1. Закон Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском и смежных правах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
2. Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.09.2019 N C01–910/2019 по делу N A54–78/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2020 N C01–13/2020 по делу N A19–2534/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
5. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И.А. Близнеца, – 2 изд. – Москва: Проспект, 2017. С. 19
6. Витко В. О признаках понятия «производное произведение» // ИС. Авторское право и смежные права. 2018. N9. С. 37–54.
7. Дело *Georgia et al.v. Public.Resource.Org., Inc.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/18–1150_7m58.pdf

8. Закон об авторском праве (the Copyright Act) 1976 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf>
9. Alexis Campbell “Supreme Court Says State Code Revision Commissions Are Not Authors for Copyright Purposes”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.ipwatchdog.com/2020/04/28/supreme-court-says-state-code-revision-commissions-not-authors-copyright-purposes/id=121116/>
10. Дело Wheaton v. Peters, 33 U.S. (8 Pet.) 591 (1834). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/33/591/>
11. Дело Banks v. Manchester, 128 U.S. 244 (1888). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/128/244/>
12. Дело Callaghan v. Myers, 128 U.S. 617 (1888). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/128/617/>
13. Дело Harrison Co.v. Code Revision Comm., 260 S.E.2d 30 (Ga. 1979). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1334500/harrison-co-v-code-revision-comm/>
14. B. Brett Yeavner, Yinfei Wu, Margaret A. Esquenet “SCOTUS: Annotations to Official Code of Georgia Not Protected by Copyright” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=83c974a3-a629-47e1-ba3f-988d16a53f56>

ANNOTATION TO THE LEGISLATIVE ACT: THE OBJECT OF COPYRIGHT OR NOT

Tazetdinova L.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the legal analysis of the legal regime of annotations to legislative acts in Russian and foreign practice. The reason for considering this issue was the decision of the US Supreme Court, which demonstrated a peculiar approach to the legal regime

of such annotations. The basis of the study was a dispute between the state of Georgia and the non-profit organization Public.Resource.Org. regarding the Official Georgia Code with annotations.

Keywords: annotations, white papers, copyrights, derivative works, edicts doctrine.

References

1. Law of the Russian Federation of 09.07.1993 No. 5351-I “on copyright and related rights” [Electronic resource]. – Access mode: SPS Consultant Plus
2. The Berne Convention for the protection of literary and artistic works of 1886 [Electronic resource]. – Access mode: SPS Consultant Plus
3. Resolution Of the court of intellectual rights of 24.09.2019 N C01-910/2019 in the case N A54–78/2018. [Electronic resource]. – Access mode: SPS Consultant Plus
4. Resolution Of the court for intellectual rights of 25.03.2020 N C01-13/2020 in the case N A19–2534/2019. [Electronic resource]. – Access mode: SPS Consultant Plus
5. Copyright and related rights: the textbook / under the editorship of I.A. Bliznets, – 2nd ed. – Moscow: Prospect, 2017. P. 19
6. Vitko V. On the features of the concept “derivative work” // is. Copyright and related rights. 2018. N9. P. 37–54.
7. Georgia et al. V. Public.Resource.Org., Inc. [Electronic resource]. – Mode of access: URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/18-1150_7m58.pdf
8. The copyright law (the Copyright Act) of 1976. [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <https://www.copyright.gov/title17/title17.pdf>
9. Alexis Campbell “Supreme Court Says State Code Revision Commissions Are Not Authors for Copyright Purposes”. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.ipwatchdog.com/2020/04/28/supreme-court-says-state-code-revision-commissions-not-authors-copyright-purposes/id=121116/>
10. The case of Wheaton V. Peters, 33 U.S. (8 Pet.) 591 (1834). [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/33/591/>
11. The case is Banks V. Manchester, 128 U.S. 244 (1888). [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/128/244/>
12. The case of Callaghan v. Myers, 128 U.S. 617 (1888). [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/128/617/>
13. The Case Of Harrison Co.v. Code Revision Comm., 260 S. E. 2d 30 (Ga. 1979). [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/1334500/harrison-co-v-code-revision-comm/>
14. B. Brett Yeavner, Yinfei Wu, Margaret A. Esquenet “SCOTUS: Annotations to Official Code of Georgia Not Protected by Copyright” [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=83c974a3-a629-47e1-ba3f-988d16a53f56>

Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве

Тимофеева Дарья Евгеньевна,

студент, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

E-mail: timofeeva.de@students.dvfu.ru

Вронская Мария Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

E-mail: Mariya.Vronskaya@vvsu.ru

В статье рассматриваются проблемы применения преддоговорной ответственности в гражданском обороте на основе анализа правоприменительной практики. Исследуются перспективы совершенствования законодательного регулирования института преддоговорной ответственности с элементами сравнительно-правового анализа. В результате проведённого исследования предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство о преддоговорной ответственности.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, принцип добросовестности, принцип свободы договора, недобросовестные действия, убытки.

С момента официального закрепления института преддоговорной ответственности в российском гражданском законодательстве прошло уже 5 лет, однако с практической точки зрения нормы данного института с трудом вносят ясность в отношения, возникающие между контрагентами на стадии заключения договора. В связи с этим, возникает большое количество проблем, связанных с возможностью применения преддоговорной ответственности на практике.

Основным принципом, позволяющим избежать возможности наступления преддоговорной ответственности, является принцип добросовестного ведения переговоров. Его суть заключается в информационной открытости к партнёру касательно условий будущей сделки, в соблюдении сроков, о которых договорились стороны, в обязательстве не прерывать и не прекращать переговоры без достаточных на то причин, при этом не известив своего контрагента. Исходя из подобных условий действует презумпция добросовестности сторон при вступлении в переговорный процесс. В случае же ущемления прав или законных интересов одного из контрагентов, потерпевшая сторона должна самостоятельно доказать факт недобросовестного ведения переговоров, подкрепляя свою позицию реальными доказательствами.

Законодатель попытался конкретизировать действия, подпадающие под признаки недобросовестных, установив при этом перечень открытым. Одним из таких действий является предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны. Основной проблемой, возникающей при аргументации данного факта, является сложность доказывания наличия умысла или грубой неосторожности у контрагента на введение потерпевшей стороны в заблуждение. Поскольку суд вряд ли признает недобросовестным «обман», допущенный стороной, которая не подозревала о недостоверности предоставленных ею сведений. Подтверждением существования данной проблемы служит решение Арбитражного суда Ростовской области. Согласно фабуле дела, истец обратился с иском в суд, написав в иске, что ответчик обратился к истцу с заявкой на выполнение работ по покраске воздушных судов, после чего истец приобрёл лакокрасочные материалы на общую сумму более 1 миллиона рублей, приобретение которых, как он считал, было согласовано в дополнительном соглашении. В свою очередь, от ответчика по электронной почте поступило письмо о невозможности

покраски воздушных судов приобретёнными истцом лакокрасочными материалами в связи с запретом. Также ответчик ссылался на то, что дополнительное соглашение в тот момент, когда истец приобретал материалы, между ними ещё не было согласовано, а поскольку истец не смог документально подтвердить принадлежность адреса электронной почты ответчику, то, соответственно, у истца отсутствовали основания для приобретения лакокрасочных материалов, поскольку сделка не была заключена. В результате, суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на недоказанность факта согласования между сторонами вопроса о приобретении материалов для покраски воздушных судов. Таким образом, если бы истец смог доказать подтверждение надлежащего направления истцом дополнительного соглашения, можно было бы говорить о том, что ответчик умолчал об обстоятельствах, которые должны были быть доведены до сведения истца¹.

Не мало дискуссий в судебной практике вызывает проблема доказывания того факта, что сторона внезапно и неоправданно прекратила переговоры о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. С точки зрения Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), такое действие стороны является недобросовестным поведением, однако в судебной практике оно трактуется неоднозначно. Сложность кроется в том, что в ст. 434.1 ГК РФ одновременно сосуществуют два самостоятельных принципа – принцип свободы договора, заключающийся в свободе ведения переговоров и невозможности наступления ответственности в случае их прекращения без дальнейшего заключения договора, и принцип добросовестного ведения переговоров, согласно которому при определённых обстоятельствах «свобода ведения переговоров» может расцениваться как недобросовестное поведение. Безусловно, сторона вправе выйти из переговорного процесса в любое время, но должна уведомить об этом своего контрагента должным образом. Помимо этого, не меньше трудностей у правоприменителей вызывает толкование таких оценочных понятий, как «внезапность» и «неоправданность» прекращения переговоров. Доказательством тому может служить решение Арбитражного суда Алтайского края. В фабуле дела указывается, что истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика убытков в размере более полумиллиона рублей, возникших в результате недобросовестного поведения ответчика, выразившегося во внезапном прекращении переговоров. Ответчик продал земельный участок, в отношении которого между сторонами велись переговоры о его дальнейшей застройке, причинив тем самым убытки истцу, который уже подготовил проектную документацию

¹ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 26 декабря 2017 г. по делу № А53–31360/2017. [Электронный ресурс] Интернет-ресурс «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zu2ilDFVQsV9/> [дата обращения 23.04.2020].

по строительству объекта. Суд требования истца не удовлетворил, ссылаясь на то, что само по себе немотивированное прекращение переговоров не доказывает факт недобросовестности стороны, а оснований для предположения о внезапном и необоснованном прекращении ведения переговоров нет, поскольку истец не смог документально подтвердить письменную договорённость сторон. Такой вывод суда лишний раз доказывает сложность аргументации внезапного прекращения ведения переговоров для потерпевшей стороны².

Как гласит ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ, в случае недобросовестного ведения переговоров виновная сторона должна возместить потерпевшей стороне убытки, включающие в себя расходы, понесённые добросовестной стороной на ведение переговоров о заключении договора, а также расходы, связанные с утратой реальной возможности заключить договор с третьим лицом³. Фактически, в последнем случае речь идёт об упущенной выгоде, а не о расходах потерпевшей стороны. Тем не менее, судебная практика по данному вопросу уже начинает складываться, однако довольно неоднозначно. Так, при рассмотрении совершенно одинаковых по фабуле дел, разные суды пришли к абсолютно противоположным решениям, в связи с чем ставится вопрос о проблеме неоднозначного подхода правоприменителей, связанного с различным толкованием положений ст. 434.1 ГК РФ, к схожим правовым ситуациям. Так, в одном из известнейших судебных разбирательств, проходивших в Арбитражном суде Московского округа, суд полностью удовлетворил исковые требования истца по признанию действий ответчика в процессе переговоров недобросовестными и возмещению расходов, понесённых истцом на ведение переговоров о заключении договора, а также упущенной выгоды. Всё дело было в том, что на протяжении полугода между истцом и ответчиком шли переговоры о предоставлении торговых площадей ответчику в аренду. После подписания проекта договора арендодателем, т.е. истцом, ответчик внезапно прекратил с ним связь, ссылаясь на неполучение корпоративного одобрения сделки. Истец, в свою очередь, освободил от прежних арендаторов предстоящие к сдаче помещения, чтобы подготовить их для нового контрагента, отказывая в предоставлении торговых площадей третьим лицам, тем самым лишив себя возможной прибыли⁴.

² Решение Арбитражного суда Алтайского края от 9 октября 2017 г. по делу № А03–5224/2017. [Электронный ресурс] Интернет-ресурс «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uh2UHVTKdqYx/> [дата обращения 23.04.2020].

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ [дата обращения 23.04.2020].

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2017 г. по делу № Ф05–16349/2017 по делу № А41–90214/2016. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=281164#024380437013685596> [дата обращения 23.04.2020].

Совершенно иное решение по схожему делу принял Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. Здесь также ответчик – потенциальный арендатор и истец – потенциальный арендодатель вели переговоры о заключении договора аренды помещений. В определённый момент ответчик не ответил на письмо истца по согласованию арендной платы, и истец, посчитав, что контрагент вышел из переговоров, подал иск в суд. Дело он проиграл. Суд установил, что у ответчика не было времени на согласование договора аренды в головном офисе, поскольку менеджер, который вел переговоры от его имени, не имел полномочий на подписание договора аренды и его полномочия ограничивались поиском помещений для магазинов. Помимо этого, суд также не нашёл доказательств тому, что ответчик вел переписку исключительно в целях причинения вреда истцу¹.

Безусловно, закрепление института преддоговорной ответственности в российском гражданском законодательстве было объективно необходимым решением законодателя, поскольку развитие рыночных отношений требовало более детального регулирования переговорного процесса в целях заключения договора. Однако, анализ судебной практики наглядно демонстрирует недостаточную проработанность юридической конструкции данного института². Неопределённость правовой природы преддоговорной ответственности, конфликт основополагающих в данном институте принципов, «открытая» терминология, позволяющая неоднозначно трактовать значение ключевых положений, а также слабая юридическая техника дают основание полагать о необходимости дальнейшего реформирования данного института.

Во-первых, ч. 1 ст. 434.1 ГК РФ по смыслу является своеобразным продолжением принципа свободы договора, а именно, одного из его элементов – «свободы от договора». В свою очередь, ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ предполагает ограничение этого принципа положениями о добросовестности, что на практике приводит к взаимоисключению указанных принципов, и как следствие, к защите либо «негативной», либо «позитивной» свободы договора³. Следовательно, в процессе регулирования преддоговорной ответственности принцип свободы договора имеет двойственный характер, что ещё раз подтверждает необходимость совершенствования данных положений с отдачей приоритетного значения одному из принципов в целях

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 января 2018 г. № Ф08–10035/2017 по делу № А32–41814/2016. [Электронный ресурс] СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=132088#042693967116957565> [дата обращения 23.04.2020].

² Мандрица А.И. Институт добросовестности и преддоговорной ответственности в гражданском праве // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 11. С. 91.

³ Комарицкий В.С. Реализация принципа свободы договора в регулировании преддоговорной ответственности // Юрист. 2015. № 5. С. 22.

выработки единого подхода к пониманию этого института.

Достаточно интересной представляется позиция стран системы общего права, а именно Великобритании, по данному вопросу. Если сделать небольшой экскурс к истории возникновения доктрины «преддоговорной ответственности», можно констатировать, что в целом эта доктрина присуща именно странам континентальной системы права. Так, впервые доктрина «*culpa in contrahendo*» (с лат. «вина при ведении переговоров») была сформулирована в 1861 году немецким правоведом Рудольфом фон Иерингом⁴. Затем она активно развивалась и была кодифицирована в Германском гражданском уложении лишь по прошествии долгого времени в 2002 году. Впоследствии, другие страны континентальной системы права стали перенимать опыт Германии и включать положения о «преддоговорной ответственности» в ходе реформ гражданского законодательства. И лишь страны общей системы права, в частности Великобритания, категорически отказываются воспринимать доктрину «преддоговорной ответственности» в том виде, в котором она функционирует в странах континентальной системы права.

Основное отличие их понимания данной доктрины заключается в том, что страны системы общего права не приемлют какого-либо ограничения принципа «свободы договора». Иными словами, стороны абсолютно свободны в своём праве как вступить в переговоры о заключении договора, так и выйти из них в любой момент. Однако это не означает, что контрагенты при вступлении в переговорный процесс могут вести себя своевольно. В Великобритании действует система специальных норм, на основе которых недобросовестный участник переговоров будет нести ответственность, однако отсутствует единая концепция добросовестности при ведении переговоров, присущая праву стран континента. Это связано с тем, что право Великобритании вообще не знает понятия «добросовестности», поскольку отсутствует его доктринальное толкование. В целом, такая же проблема существует и в российском праве – определение понятия «добросовестного ведения переговоров» раскрывается путём попытки конкретизации действий, подпадающих под понятие «недобросовестности». В то же время, Великобритания выработала целую систему специальных норм, которые защищают контрагентов во время переговорного процесса. Так, действующее и в российском праве положение о предоставлении контрагенту неполной или недостоверной информации, а также вступление в переговоры без намерения заключить договор, в результате которого другая сторона понесла ущерб, рассматривается как деликт под названием «введение в заблуждение». В случае, когда предоставление стороной перего-

⁴ Степанищева А.М. *Culpa in contrahendo* в праве Европейского союза: содержание, проблемы квалификации, регулирование // Российский юридический журнал. 2015. № 5(104). С. 113.

ворного процесса недостоверных сведений стало результатом ненамеренных действий этого лица, право Великобритании также нашло решение данной ситуации путём введения нового вида деликта под названием «неосторожное сообщение недостоверных сведений». Если же контрагент намеренно предоставил недостоверные сведения, в таком случае наступает ответственность за деликт «введение в заблуждение». Непредоставление контрагенту какой-либо информации либо умолчание о ней допустимо, если заинтересованная сторона сама не уточнила данную информацию у своего контрагента, кроме случаев, когда такая информация имеет существенное значение для конкретного договора и умолчание о ней является недопустимым и т.д.¹.

Во-вторых, в перспективе ставится вопрос о конкретизации действий, понимаемых в качестве недобросовестного поведения стороны при ведении переговоров. Так, законодатель в первом абзаце ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает: «... стороны обязаны действовать добросовестно, **в частности** не допускать вступления в переговоры или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной», то есть здесь законодатель ограничился частным случаем проявления недобросовестности, фактически предполагая открытый перечень действий сторон, которые могут быть признаны недобросовестными на стадии переговоров. Однако абз. 2 ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ предлагаются только два конкретно определенных условия для признания участника переговоров о заключении договора недобросовестным². Такое конструирование правовой нормы является наглядным примером слабой юридической техники. Также, в точной конкретизации нуждаются такие оценочные формулировки, как «предоставление неполной и недостоверной информации», «внезапное и неоправданное прекращение переговоров», «заведомое отсутствие намерения достичь соглашения», поскольку подобная правовая «неясность» позволяет судьям трактовать эти понятия совершенно по-разному, что негативно отражается на формирующейся судебной практике.

В-третьих, остается неясной правовая природа убытков, возникающих в случае утраты возможности заключить договор с третьим лицом при недобросовестном поведении одной из сторон³. При анализе ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 делается отсылка к ст. 15 ГК РФ, устанавли-

вающей, что убытки состоят из реального ущерба и упущенной выгоды⁴. Таким образом, расходы, возникшие у стороны по причине утраты реальной возможности заключить договор с третьим лицом, расцениваются в качестве упущенной выгоды. В то же время, поскольку договор с третьим лицом не планировался к заключению в связи с осуществлением переговорного процесса с недобросовестным контрагентом, неясным остаётся вопрос, связанный с определением механизма доказывания размера такой упущенной выгоды⁵. Отсутствие чёткой позиции законодателя касательно правовой природы преддоговорной ответственности не даёт возможности в данной ситуации определить возможность применения правил ч. 4 ст. 393 ГК РФ («при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для её получения меры и сделанные с этой целью приготовления»), поскольку преддоговорная ответственность не является договорной в чистом виде⁶. Из этого следует, что данный аспект нуждается в чётком законодательном уточнении⁷. Помимо этого, на практике возникают определённые трудности при применении преддоговорной ответственности за нарушение положений организационного договора. В случае уклонения одной из сторон от заключения договора в процессе ведения переговоров в качестве меры ответственности одновременно можно применить как положения ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ, так и ч. 4 ст. 445 ГК РФ. С точки зрения ГК РФ, как в первом, так и во втором случае требование о возмещении убытков при уклонении недобросовестной стороны от заключения договора будет абсолютно правомерным. Следовательно, сторона, потерпевшая от недобросовестных действий своего контрагента, будет вправе требовать возмещения убытков с недобросовестной стороны в двойном размере, поскольку как ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ, так и ч. 4 ст. 445 ГК РФ ей это позволяют.

Таким образом, на основе проведенного исследования предлагается внести следующие изменения в действующее законодательство о преддоговорной ответственности:

1. Учитывая опыт других государств, более детально отразить значение принципов свободы договора и добросовестного ведения переговоров с отдачей приоритетного положения одному из них

⁴ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5. С. 6.

⁵ Демкина А.В. К вопросу об объеме возмещения при преддоговорной ответственности // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 16.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1cbc60ba2b77d2acc7884f02c80b239e0a5e810/ [дата обращения 23.04.2020].

⁷ Шепель Т.В. Новое в правовом регулировании условий преддоговорной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 8(75). С. 78.

¹ Будылин С.Л. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права: сайт M-Logos.ru [Электронный ресурс]. URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (дата обращения: 23.04.2020).

² Балашова А.И. Проблемы применения преддоговорной [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского частного права. 2016. № 3. URL: <http://conf.omua.ru/content/problemu-primeneniya-preddogovornoj-otvetstvennosti> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Демкина А.В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2016. № 1. С. 34.

в целях устранения двойственности понимания принципа свободы договора в судебной практике;

2. Конкретизировать действия, которые понимаются в качестве недобросовестного поведения стороны при ведении переговоров, а также устранить недостатки юридической техники в конструировании ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ касательно установления либо открытого, либо закрытого перечня недобросовестных действий и уточнения значения этих действий (в частности таких понятий, как «предоставление неполной и недостоверной информации», «внезапное и неоправданное прекращение переговоров», «заведомое отсутствие намерения достичь соглашения»);

3. Установить правовую природу убытков, возникающих в случае утраты возможности заключить договор с третьим лицом при недобросовестном поведении одной из сторон, поскольку от этого напрямую зависит определение механизма доказывания размера таких убытков (фактически, упущенной выгоды), а также ликвидировать конфликт правовых норм о возможности возмещения убытков в случае неисполнения одной из сторон положений организационного договора о порядке ведения переговоров, в частности положений ч. 3 ст. 434.1 ГК РФ и ч. 4 ст. 445 ГК РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.
2. Балашова А.И. Проблемы применения преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы российского частного права: сетевой журн. [Электронный ресурс]. – М., 2016. URL: <http://conf.omua.ru/content/problemy-primeneniya-preddogovornoy-otvetstvennosti> Загл. с экрана. (дата обращения: 23.04.2020).
3. Будылин С.Л. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права: сайт M-Logos.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S-Budilin2.pdf Загл. с экрана. (дата обращения: 23.04.2020).
4. Демкина А.В. К вопросу об объеме возмещения при преддоговорной ответственности / А.В. Демкина // Российская юстиция. – 2015. – № 11. – С. 14–17.
5. Демкина А.В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве / А.В. Демкина // Гражданское право. – 2016. – № 1. – С. 31–34.
6. Комарицкий В.С. Реализация принципа свободы договора в регулировании преддоговорной ответственности / В.С. Комарицкий // Юрист. – 2015. – № 5. – С. 18–22.
7. Мандрица А.И. Институт добросовестности и преддоговорной ответственности в гражданском праве / А.И. Мандрица // Успехи совре-

менной науки и образования. – 2016. – Т. 4. – № 11. – С. 90–92.

8. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2016. – № 5. – С. 7–11.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2017 г. по делу № Ф05–16349/2017 по делу № А41–90214/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=28116#024380437013685596> Загл. с экрана. (дата обращения 23.04.2020).
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 января 2018 г. № Ф08–10035/2017 по делу № А32–41814/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=132088#042693967116957565> Загл. с экрана. (дата обращения 23.04.2020).
11. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 9 октября 2017 г. по делу № А03–5224/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uh2UHVTKdqYx/> Загл. с экрана. (дата обращения 23.04.2020).
12. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 26 декабря 2017 г. по делу № А53–31360/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zu2ilDFVQsV9/> Загл. с экрана. (дата обращения 23.04.2020).
13. Степанищева А.М. *Culpa in contrahendo* в праве Европейского союза: содержание, проблемы квалификации, регулирование / А.М. Степанищева // Российский юридический журнал. – 2015. – № 5(104). – С. 112–121.
14. Шепель Т.В. Новое в правовом регулировании условий преддоговорной ответственности / Т.В. Шепель // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 8(75). – С. 78–81.

ACTUAL ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE INSTITUTION OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL LAW

Timofeeva D.E., Vronskaya M.V.

Far Eastern Federal University, Vladivostok state University of Economics and service

The article deals with the problems of applying pre-contractual liability in civil turnover based on the analysis of law enforcement practice. The prospects of improving the legislative regulation of the institution of pre-contractual liability with elements of comparative legal analysis are studied. As a result of the research, it is proposed to make a number of changes to the current legislation on pre-contractual liability.

Keywords: pre-contractual liability, the principle of good faith, the principle of freedom of contract, unfair actions, losses.

References

1. The Civil code of the Russian Federation (part one) (ed. from 16.12.2019) [Electronic resource]: Feder. law No. 51-FZ of November 30, 1994. Access from the Internet. – legal system “ConsultantPlus”. Title from the screen.
2. Balashova A.I. Problems of applying pre-contractual liability // Actual problems of Russian private law: network journal. [Electronic resource]. – Moscow, 2016. URL: <http://conf.omua.ru/content/problemy-primeneniya-preddogovornoy-otvetstvennosti> Title from the screen. (date accessed: 23.04.2020).
3. Budylin S.L. Pre-Contractual liability in common law jurisdictions: website M–Logos.ru [Electronic resource]. Access mode: https://m-logos.ru/img/Tezis_M–Logos_23052018_S_Budilin2.pdf Title from the screen. (accessed: 23.04.2020).
4. Demkina A.V. On the issue of the amount of compensation for pre-contractual liability / A.V. Demkina // The Russian justice. – 2015. – № 11. – P. 14–17.
5. Demkina A.V. On pre-contractual liability in civil law / A.V. Demkina // Civil law. – 2016. – no. 1. – Pp. 31–34.
6. Komaritsky V.S. Implementation of the principle of freedom of contract in the regulation of pre-contractual liability / V.S. Komaritsky // Lawyer. – 2015. – № 5. – Pp. 18–22.
7. Mandritsa A.I. Institute of good faith and pre-contractual liability in civil law / A.I. Mandritsa // Success of modern science and education. – 2016. – Vol. 4. – No. 11. – P. 90–92.
8. On the application by courts of certain provisions of the Civil code of the Russian Federation on liability for breach of obligations: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2016. No. 7 // Bulletin Of The Supreme Court Grew. Confederations. – 2016. – № 5. – P. 7–11.
9. Resolution of the Arbitration court of the Moscow district of November 29, 2017 on the case no. F05–16349/2017 on the case no. A41–90214/2016 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=28116#024380437013685596> Title from the screen. (accessed 23.04.2020).
10. Resolution of the Arbitration court of the North Caucasus district of January 18, 2018 no. F08–10035/2017 on the case no. A32–41814/2016 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=132088#042693967116957565> Title from the screen. (accessed 23.04.2020).
11. Decision of the Arbitration court of the Altai territory of October 9, 2017 in case no. A03–5224/2017 [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uh2UHVTKdqYx/> / Caption from the screen. (accessed 23.04.2020).
12. Decision of the Arbitration court of the Rostov region of December 26, 2017 in case no. A53–31360/2017 [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zu2iIDFVQsV9/> / Caption from the screen. (accessed 23.04.2020).
13. Stepanishcheva A.M. Culpa in contrahendo in the law of the European Union: the contents, problems of qualification, regulation / M.A. Stepanishev // Russian legal journal. – 2015. – № 5(104). – Pp. 112–121.
14. Shepel T.V. New in the legal regulation of pre-contractual liability conditions / T.V. Shepel // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. – 2016. – № 8(75). – Pp. 78–81.

Вопросы понимания правовой природы легкого воздушного судна, выполняющего полеты в целях авиации общего назначения за плату, как объекта гражданского-правового оборота

Хлопушин Дмитрий Сергеевич,

аспирант, кафедра «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс», Юридический институт, ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)»

E-mail: khlopushin@yandex.ru

В настоящее время в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации преобладают легкие воздушные судна максимальной взлетной массой для самолетов 5700 кг и для вертолетов 3100 кг, которые, в большинстве своем, находятся во владении физических лиц и используются для удовлетворения собственных потребностей, не связанных с извлечением прибыли.

Однако с ростом числа воздушных судов и с появлением такого сопутствующего фактора как удорожание стоимости владения, выражающегося в возросшей стоимости поддержания летной годности из-за падения курса национальной валюты и падения уровня реальных доходов населения, в российской авиации намечается тенденция роста числа легких и сверхлегких воздушных судов, вовлеченных в выполнение полетов в коммерческих целях.

Вместе с тем существующие правовые коллизии и отсутствие единой правоприменительной практики регулирующих и контролирующих деятельность гражданской авиации органов существенно ограничивает коммерческое использование названной категории воздушных судов и негативно сказывается на развитии гражданской авиации в Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданская авиация, воздушное право, Воздушный кодекс, авиация общего назначения.

На протяжении последних десяти лет в России с каждым годом возрастает количество воздушных судов внесенных в Государственный реестр гражданских воздушных судов Российской Федерации, и большинство из гражданских воздушных судов составляют частные легкие воздушные суда, выполняющие полеты в личных целях их владельцев.

Закономерным развитием института владения частными легкими воздушными судами является стремление минимизации стоимости владения или даже получения прибыли.

Принимая во внимание высокую стоимость владения воздушным судном в сравнении с другими объектами вещных прав, находящихся в гражданском обороте, а также падение реальных доходов населения и курса российской валюты, мы можем наблюдать тенденцию на коммерциализацию частной легкой авиации в попытках уменьшения личных расходов каждого владельца.

В настоящей статье мы опустим вопрос правомерности выполнения полетов в целях авиации общего назначения за плату и остановимся лишь на вопросе понимания правовой природы легкого воздушного судна, выполняющего полеты в целях авиации общего назначения за плату как объекта гражданского-правового оборота.

Итак, в соответствии с пунктом 1 статьи 32 Воздушного кодекса Российской Федерации под воздушным судном понимается летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды.

В свою очередь, в целях рассмотрения проблематики статьи нам также необходимо обратиться к понятиям легкого воздушного судна и сверхлегкого воздушного судна, установленным пунктом 2 и 3 статьи 32 Воздушного кодекса Российской Федерации.

Под легким воздушным судном понимается воздушное судно, максимальная взлетная масса которого составляет менее 5700 килограммов, в том числе вертолет, максимальная взлетная масса которого составляет менее 3100 килограммов.

Под сверхлегким воздушным судном понимается воздушное судно, максимальная взлетная масса которого составляет не более 495 килограммов без учета массы авиационных средств спасения.

Кроме того, в указанной статье 32 Воздушного кодекса Российской Федерации даются понятия пилотируемого и беспилотного воздушного судна, а также беспилотной авиационной системы.

С точки зрения гражданского права, воздушное судно относится в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав, а именно к вещам.

При этом гражданское законодательство, а именно статья 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, также вносит свой вклад в классификацию воздушных судов, а именно вводит еще одну градацию воздушных судов, такую как подлежащие государственной регистрации.

В свою очередь, Воздушным кодексом Российской Федерации в рамках реализации положений статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации в статье 33 устанавливается круг воздушных судов, подлежащих государственной регистрации, а именно:

- беспилотные воздушные суда, максимальной взлетной массой более 30 килограмм;
- пилотируемые гражданские воздушные суда максимальной массой конструкции более 115 килограммов.

Будучи вещью, воздушное судно, подлежащее государственной регистрации, исходя из названных выше положений Гражданского кодекса Российской Федерации, отнесено к категории недвижимых вещей.

Несомненно, юридическая фикция отнесение воздушного судна, как вещи, явно относящейся по своей природе к движимым вещам, к вещам недвижимым вводит дополнительные ограничения на гражданско-правовой оборот воздушных судов, при этом обеспечивая наиболее полную защиту права собственности со стороны государства путем осуществления государственной регистрации права собственности.

Однако в последнее время широко обсуждается вопрос об исключении упоминания воздушного судна как объекта недвижимости, подлежащего государственной регистрации из положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

Противниками регистрации прав собственности и иных вещных прав на воздушные суда приводятся доводы об избыточности данной процедуры, устанавливающей необоснованные препятствия для гражданского правового оборота вещей.

На наш взгляд, действительно существуют определенные препятствия для свободы гражданского оборота воздушных судов в Российской Федерации, но они, прежде всего, связаны с администрированием процедуры регистрации вещных прав.

Так в соответствии с Административным регламентом Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними», утвержденным приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 6 мая 2013 г. № 170 регистрация вещных прав на воздушные суда осуществляется только в центральном аппарате Федерального агентства воздушного транспорта в городе Москве.

Учитывая географические особенности Российской Федерации, установление возможности

осуществления регистрационных действий исключительно в одном месте накладывает необоснованные административные барьеры на оборот воздушных судов.

При этом, сторонники выведения воздушных судов из объектов недвижимости, подлежащих государственной регистрации, не приводят иной аргументации, кроме затруднительности проведения процедуры регистрации вещных прав и отсутствия подобной практики отнесения воздушных судов к недвижимым вещам в странах с развитой гражданской авиацией, не учитывая при этом различия в англо-саксонской и романо-германских правовых системах, в связи с чем перевод оказания государственной услуги по государственной регистрации вещных прав на воздушные суда в электронный вид или передача этой государственной услуги в территориальные управления Федерального агентства воздушного транспорта, на наш взгляд, устранил административные барьеры и закрывает дискуссию о необходимости отмены регистрации вещных прав на воздушные суда.

Таким образом, на основании изложенного, мы можем прийти к выводу о том, что легкое воздушное судно является недвижимой вещью, права на которую подлежат государственной регистрации и которое подлежит внесению в Государственный реестр гражданских воздушных судов Российской Федерации, приобретая национальную принадлежность.

Приступим к рассмотрению критериев отнесения легкого воздушного судна к гражданской авиации, выполняющей полеты в целях авиации общего назначения.

В воздушном законодательстве существует системное непонимание термина «авиация общего назначения», вытекающего из пункта 3 статьи 21 Воздушного кодекса Российской Федерации, а именно как гражданская авиация, не используемая для осуществления коммерческих воздушных перевозок и выполнения авиационных работ, относится к авиации общего назначения.

Собственно, непонимание значения термина «авиация общего назначения» привело к появлению нормативных правовых актов, содержащих в тексте положения, дающие представление о том, что авиация общего назначения является отдельным видом авиации или, в другом понимании, подтипом гражданской авиации.

Так, например, Министерством транспорта Российской Федерации приказом от 18.06.2003 № 147 утверждены федеральные авиационные правила «Эксплуатанты авиации общего назначения. Требования к эксплуатанту авиации общего назначения, процедуры регистрации и контроля деятельности эксплуатантов общего назначения», которые по своей сути устанавливают требования к владельцам воздушных судов, по своей максимальной взлетной массе превосходящие сверхлегкие и легкие воздушные суда, в части порядка эксплуатации и поддержания летной годности как

к источникам повышенной опасности с более высокими рисками, нежели рисками, возникающими при полетах сверхлегких и легких воздушных судов.

При этом, в сравнительном анализе приказов Министерства транспорта Российской Федерации, регулирующих выдачу сертификата эксплуатанта на выполнение коммерческих воздушных перевозок и сертификата эксплуатанта на выполнение авиационных работ мы не увидим использования понятия «эксплуатант коммерческой перевозки» или эксплуатант авиационных работ».

На наш взгляд, понимание термина «авиация общего назначения» как вида авиации или разрешенного использования воздушного судна, как это было сделано в отношении единичных экземпляров воздушных судов, приводит к искусственному созданию отдельной правовой категории эксплуатации воздушных судов без должных правовых оснований.

Исходя из анализа положений статьи 20 Воздушного кодекса Российской Федерации, следует, что в Российской Федерации авиация подразделяется на гражданскую, государственную и экспериментальную авиацию.

Таким образом, принимая во внимание сравнительно полное определение критериев коммерческой воздушной перевозки и авиационной работы, являющихся целью полета, и четкое определение видов авиации в Российской Федерации, мы можем прийти к выводу, что понятие «авиация общего назначения» является не чем иным как целью полета, который не попадает под критерии коммерческой воздушной перевозки или полета в целях выполнения авиационных работ.

В связи с изложенным, мы можем сделать вывод, что по своей правовой природе как объекта гражданских-правовых отношений легкое воздушное судно, выполняющее полеты в целях авиации общего назначения за плату, является недвижимой вещью, права на которую подлежат государственной регистрации, подлежащей внесению в Государственный реестр гражданских воздушных судов Российской Федерации.

Исходя из проведенного анализа, нами не было выявлено ограничений или указаний на критерии разрешенного использования легких воздушных судов, выражающегося в ограничении на выполнение коммерческих воздушных перевозок или авиационных работ, за исключением не всегда корректного использования в нормативных правовых актах термина «авиация общего назначения» в понимании термина, обозначающего вид гражданской авиации.

Таким образом, легкое воздушное судно как объект гражданских правовых отношений может быть использовано без каких-либо правовых ограничений, не связанных с порядком допуска к эксплуатации и использованием указанной категории воздушных судов в целях получения прибыли, находится в рамках действующего законодательства.

Литература

1. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.03.2020)
2. Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ «Воздушный кодекс Российской Федерации» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.03.2020)
3. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 118 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Положение о порядке допуска к эксплуатации единичных экземпляров воздушных судов авиации общего назначения» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020)
4. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 18 июня 2003 г. № 147 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Эксплуатанты авиации общего назначения. Требования к эксплуатанту авиации общего назначения, процедуры регистрации и контроля деятельности эксплуатантов авиации общего назначения» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020)
5. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 23 декабря 2009 г. № 249 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к проведению обязательной сертификации физических лиц, юридических лиц, выполняющих авиационные работы. Порядок проведения сертификации» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020)
6. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 6 мая 2013 г. № 170 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020)
7. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 13 августа 2015 г. № 246 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, осуществляющим коммерческие воздушные перевозки. Форма и порядок выдачи документа, подтверждающего соответствие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих коммерческие воздушные перевозки, требованиям федеральных авиационных правил» // Справочная система Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.03.2020)

8. Государственный реестр гражданских воздушных судов Российской Федерации // Официальный сайт Федерального агентства воздушного транспорта. <https://www.favt.ru/opendata-table?id=2500> (дата обращения 08.03.2020)

ISSUES OF UNDERSTANDING THE LEGAL NATURE OF A LIGHT AIRCRAFT OPERATING FOR GENERAL AVIATION FOR A FEE, AS AN OBJECT OF CIVIL LAW TURNOVER

Khlopushin D.S.

Russian University of Transport (MIIT)

Currently, light aircrafts with a maximum take-off weight of 5700 kg for planes and 3100 kg for helicopters prevail in the register of aircrafts in Russian Federation. Predominantly, they are in the possession of physical persons, being utilized for meeting own needs, not connected to profit-making. However, with the growing number of aircrafts and emergence of such contributing factor as rising costs for the possession, that is reflected in increased costs for maintenance of airworthiness due to national currency devaluation and decreased level of real income of the population, a tendency of growth in the number of light and ultra-light aircrafts, involved in operation for commercial purposes, is coming up in Russian aviation. Nevertheless, the judicial contradictions and lack of unified law enforcement of civil aviation authorities imply significant limitation on commercial use of the stated aircrafts category, while having negative influence on development of civil aviation in Russian Federation.

Keywords: civil aviation, air law, Aviation Code, general purpose aviation.

References

1. Federal law No. 51-FZ of November 30, 1994 " Civil code of the Russian Federation. Part one " // reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 04.03.2020)

2. Federal law of March 19, 1997 No. 60-FZ "Air code of the Russian Federation" // Reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 04.03.2020)
3. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation of April 17, 2003 No. 118 "on approval of Federal aviation rules" Regulations on the procedure for admission to operation of single copies of General aviation aircraft " // Reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 08.03.2020)
4. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation of June 18, 2003 No. 147 "on approval of Federal aviation regulations" General aviation Operators. Requirements for General aviation operators, registration and control procedures for General aviation operators " // reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 08.03.2020)
5. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation of December 23, 2009 No. 249 "on approval of Federal aviation regulations" Requirements for mandatory certification of individuals and legal entities performing aviation work. Certification procedure" // reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 08.03.2020)
6. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation of may 6, 2013 No. 170 "on approval of the Administrative regulations of the Federal air transport Agency for providing state services for state registration of rights to aircraft and transactions with them" // Reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 08.03.2020)
7. Order of the Ministry of transport of the Russian Federation No. 246 dated August 13, 2015 "on approval of Federal aviation regulations" requirements For legal entities and individual entrepreneurs engaged in commercial air transportation. Form and procedure for issuing a document confirming the compliance of legal entities and individual entrepreneurs engaged in commercial air transport with the requirements of the Federal aviation regulations" // reference system Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 08.03.2020)
8. State register of civil aircraft of the Russian Federation // Official website of the Federal air transport Agency. <https://www.favt.ru/opendata-table?id=2500> (accessed 08.03.2020)

О некоторых сложностях в правовом регулировании юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности

Шахов Никита Владимирович,

студент, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета
E-mail: shahovnik@mail.ru

Шахова Анастасия Максимовна,

студент, Юридическая школа Дальневосточного федерального университета
E-mail: nastiaaaleshk@mail.ru

Предметом исследования является юридическая ответственность субъектов предпринимательской деятельности. Целью настоящей статьи является выявление и отражение сложностей в правовом регулировании в некоторых вопросах юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности с дальнейшим предложением по их исправлению. Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

В работе проанализировано соответствующее законодательство и выявлены сложности в правовом регулировании в вопросах юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности. На основании полученных результатов сделаны выводы в виде выдвинутых предложений по внесению некоторых изменений в законодательство, регулирующие вопросы привлечения к ответственности субъектов предпринимательской деятельности.

Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях для совершенствования правового регулирования в вопросах привлечения к ответственности субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: субъекты предпринимательской деятельности, субъекты малого и среднего предпринимательства, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, ответственность, привлечение к ответственности.

В соответствии с частью 1 статьи 8 Конституции РФ [1] (далее - Конституция РФ) в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

В силу части 1 статьи 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Для эффективного развития рыночной экономики и улучшения жизни общества и государства необходимо, в частности, реализовывать принципы предпринимательской деятельности и, следовательно, развивать институт предпринимательства в РФ.

Особенно это касается субъектов малого и среднего предпринимательства, которые в настоящее время остро нуждаются в реальной государственной поддержке. А на данных субъектов предпринимательской деятельности, между прочим, возлагается большая роль в области обеспечения исполнения социальной функции государства.

Одним из важных острых вопросов, тормозящий в некой степени развитие предпринимательства в РФ, на данный момент времени является проблема юридической ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Исследуемая проблема имеет ряд причин, а также аспектов, которые нуждаются в комплексном регулировании.

Во-первых, проведя анализ нынешнего действующего КоАП РФ [2] (далее – КоАП РФ) следует отметить, что, несмотря на наличие части 1 статьи 4.1.1 КоАП РФ, закрепляющей правило замены административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение за впервые совершённое административное правонарушение субъектами малого и среднего предпринимательства, в особенной части КоАП РФ в составах административных правонарушений не упоминается о субъектах малого и среднего предпринимательства.

Согласно пункту 1 статьи 3 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 27.12.2019) [3] (далее – ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации») субъекты малого и среднего предпринимательства – хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные в соответствии с условиями,

установленными настоящим Федеральным законом, к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

У данной категории субъектов предпринимательской деятельности нет столь больших возможностей влиять на рынок определённого товара, работы, услуги в отличие от более «сильных» субъектов предпринимательской деятельности – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не являющимися субъектами малого и среднего предпринимательства.

С нашей точки зрения необходимо в соответствующих составах административных правонарушений в особенной части КоАП РФ уменьшить размер ответственности субъектов малого и среднего предпринимательства, например, в виде штрафа и административного приостановления деятельности. Ведь, как уже было отмечено выше, данная категория субъектов предпринимательской деятельности зачастую не способна нести административную ответственность наравне с более конкурентноспособными с экономической точки зрения субъектами предпринимательской деятельности, которые не относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства. Также принятие данных мер обеспечат реализацию целей государственной политики в области развития малого среднего предпринимательства в Российской Федерации, указанные в части 2 статьи 6 ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Во-вторых, на данный момент времени в системе отечественного законодательства существует излишнее и бессистемное регулирование оснований привлечения субъектов предпринимательской деятельности к ответственности и проведения в отношении их проверок. На практике это приводит к тому, что подчеркнул Президент РФ в своём послании Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 года [4], где он отметил о необходимости избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. «Бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания». Также «половина дел (45 процентов), возбуждённых в отношении предпринимателей прекращается, не доходя до суда».

Если обратиться к статьям УК РФ [5] (далее – УК РФ), можно в некоторых вопросах констатировать излишнюю криминализацию.

Например, есть общая статья 159 УК РФ «Мошенничество». При этом есть ряд разновидностей мошенничества со статьи 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования» по статью 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

На наш взгляд, общая статья 159 УК РФ может охватить составы в статьях 159.1–159.6 УК РФ. И если даже в некоторых сферах мошенничества в данной статье обнаружатся пробелы в правовом регулировании, то можно эту статью допол-

нить отдельными поправками, а не вводить различные новые составы, сущность которых одна и та же – мошенничество. Излишняя криминализация в данном случае приводит к тому, что, преследуя цель охватить все сферы жизни, где может присутствовать мошенничество, законодатель, наоборот сузил эту сферу, введя специальные составы в области мошенничества.

В результате на практике у правоохранительных органов возникает проблема с квалификацией составов преступлений, в нашем случае, на примере мошенничества. Следовательно, большой процент уголовных дел, действительно, может не дойти до суда. Хотя физическое лицо или лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, действительно, совершили преступление, но не понесли за это наказания.

Или наоборот излишняя криминализация в данном примере создает дополнительные неясности для правоохранительных органов в том смысле, что при квалификации мошенничества определённого вида правоохранительные органы могут необоснованно и незаконно возбудить уголовное дело в отношении физического лица или группы физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, хотя они на самом деле не совершали преступление, потому что они, например, на самом деле попадают под состав административного правонарушения на основании статьи 7.27 КоАП РФ.

В-третьих, субъекты предпринимательской деятельности привлекаются к налоговой ответственности, что в ряде случаев приводит к их разорению. Если обратиться к статьям 75 и 122 НК РФ [6] (далее НК РФ), можно констатировать большой размер ответственности в совокупности в виде пени и штрафа от суммы неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора, страховых взносов).

Размер штрафа за неуплату доходит до 40%. Более того, в соответствии с частью 4 статьи 108 НК РФ привлечение организации к ответственности за налоговое правонарушение не освобождает должностных лиц от иной ответственности, предусмотренной законами РФ. Следовательно, если по вине должностного лица организация не уплатила налог (сбор, штраф, страховой взнос), она всё равно будет привлечена к налоговой ответственности. Вина организации в совершении такого правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения (ч. 4 ст. 110 НК РФ).

Также если у налогоплательщика – организации возникнут финансовые трудности временно-го характера, что повлечёт частичную или полную неуплату налога (сбора, штрафа, страховых взносов), это не повлияет на уменьшения размера ответственности.

Более того, если организация, осознавая про финансовые трудности и про то, что не сможет уплатить налог (сбор, штраф, страховой взнос)

в законные сроки, заблаговременно подаст заявление в налоговый орган о предоставлении отсрочки или рассрочки по уплате налога (сбора, штрафа, страховых взносов) на основании статьи 64 НК РФ, то с учётом обширного перечня обязательных требований в данном вопросе, организации, скорее всего, откажут, что опять в будущем приведёт к привлечению организации к вышеуказанной налоговой ответственности.

В отличие от НК РФ в части 3 статьи 4.1 КоАП РФ закреплено, что при назначении административного наказания юридическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, *имущественное и финансовое положение юридического лица*, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

Почему положение про учёт имущественного и финансового положения организации при привлечении её к налоговой ответственности не закрепили в НК РФ, вопрос остаётся открытым.

На основании вышеизложенного, выработаем некоторые предложения по совершенствованию законодательного регулирования по исследуемому вопросу.

1. Необходимо более широко учитывать категорию субъектов малого и среднего предпринимательства в вопросах привлечения к административной ответственности и в соответствующих составах административных правонарушений в особенной части КоАП РФ уменьшить размер ответственности субъектов малого и среднего предпринимательства, исходя из их положения по сравнению с более сильными и конкурентноспособными с экономической точки зрения субъектами предпринимательской деятельности, которые не относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства.

2. Следует сделать уклон в законодательном регулировании в пользу гражданско-правовых механизмов привлечения субъектов предпринимательской деятельности к ответственности путём решения вопросов излишней криминализации в УК РФ, а также исключения некоторых составов из КоАП РФ, которые не на самом деле не отвечают требованиям общественной опасности.

3. В НК РФ внести изменения, которые уменьшат размер штрафа при привлечении к налоговой ответственности за частичную или полную неуплату налога (сбора, штрафа, страховых взносов) и которые позволят учитывать имущественное и финансовое положение организации при привлечении её к ответственности.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. С. 1–5.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федер. за-

кон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. 18.02.2019. № 7. Ст. 711. (ред. от 01.04.2020).

3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006. (ред. от 27.12.2019).
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета, № 38, 21.02.2019.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. 07.05.2018. № 19. Российская газета 04.12.2019. № 273. (ред. от 01.04.2020).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 03.08.1998. № 31. Ст. 3824. 30.09.2019. № 39. Ст. 5375. (ред. от 01.04.2020).

ABOUT SOME OF THE COMPLEXITIES IN THE LEGAL REGULATION LEGAL RESPONSIBILITY OF SUBJECTS OF BUSINESS

Shakhov N.V., Shakhova A.M.
Eastern Federal University

The subject of the study is the legal responsibility of business entities. The purpose of this article is to identify and reflect difficulties in the legal regulation of certain issues of legal liability of business entities with a further proposal for their correction. The research methodology consisted of a comparative, formal legal, analytical methods, a systematic approach. The paper analyzes the relevant legislation and reveals the difficulties in legal regulation in matters of legal liability of business entities. Based on the results obtained, conclusions are drawn in the form of put forward proposals to introduce some amendments to the legislation governing the issues of bringing to account business entities.

The findings can be used in further research to improve legal regulation in matters of bringing to account business entities.

Keywords: business entities, small and medium-sized businesses, legal entities, individual entrepreneurs, liability, bringing to responsibility.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. С. 1–5.
2. The Code of administrative offences of the Russian Federation: Feder. law of 30.12.2001 No. 195-FZ // The law was Growing. Confederations. 07.01.2002. No 1 (part 1). Article 1. 18.02.2019. No 7. Article 711. (ed. from 01.04.2020).
3. On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation: Feder. law No. 209-FZ of 24.07.2007 // The law was Growing. Confederations. 30.07.2007. № 31. St. 4006. (edited on 27.12.2019).
4. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 20.02.2019 // Rossiyskaya Gazeta, no. 38, 21.02.2019.
5. The criminal code of the Russian Federation: Feder. law No. 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. no. 25. St. 2954. 07.05.2018. no. 19. Rossiyskaya Gazeta 04.12.2019. No 273. (ed. from 01.04.2020).
6. Tax code of the Russian Federation (part one): fader. law No. 146-FZ of 31.07.1998 // Coll. the legislation Grew. Confederations. 03.08.1998. No. 31. St. 3824. 30.09.2019. No. 39. St. 5375. (edited on 01.04.2020).

Процессуальные вопросы установления требований уполномоченного органа в делах о банкротстве, основанных на решении налогового органа о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения

Барков Вячеслав Михайлович,

заместитель начальника правового отдела, Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 5
E-mail: vm201821018@yandex.ru

В статье рассматривается порядок установления требований уполномоченного органа, основанных на решении налогового органа о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения применительно к статьям 71, 100 Закона о несостоятельности (банкротстве), анализируется возможность приостановления производства по требованию уполномоченного органа в случае обжалования решения налогового органа в судебном порядке.

Ключевые слова: установление требований, приостановление производства по заявлению, решение налогового органа, вступление решения налогового органа в силу.

Установление требований кредиторов в реестре требований кредиторов должника осуществляется в соответствии с требованиями статей 71, 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту также – Закон о несостоятельности (банкротстве)), в соответствии с которыми, вне зависимости от наличия разногласий относительно предъявленных требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, арбитражный суд обязан проверить их обоснованность.

Кредитор, заявивший о своих требованиях должен предоставить суду достаточные и достоверные доказательства наличия и возникновения задолженности.

Вместе с тем, если требование кредитора основано на вступившем в законную силу судебном акте, то исходя из принципа общеобязательной силы судебных актов, поступившие возражения от лиц, имеющих право их заявлять, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, а заявления о таких разногласиях подлежат возвращению без рассмотрения, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром (ст. 16 Закона о несостоятельности (банкротстве), ст. 69 АПК РФ).

Возникает вопрос, подлежат ли дополнительной проверке арбитражным судом требования уполномоченного органа, основанные на решении налогового органа о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности (далее по тексту также решение налогового органа) вступившего в силу.

Отвечая на данный вопрос, следует понимать, что решение о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения, является ненормативным актом налогового органа (органа, осуществляющего государственную функцию по администрированию налоговых платежей). Вступление в силу и порядок исполнения, которого изложены в Налоговом Кодексе Российской Федерации (далее по тексту также – НК РФ).

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 101.3 НК РФ решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонару-

шения или решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения подлежит исполнению со дня его вступления в силу.

Согласно п. 9 ст. 101 НК РФ итоговое решение по налоговой проверке вступает в силу по истечении одного месяца со дня его вручения налогоплательщику или его представителю. Указанный срок исчисляется на следующий день после даты вручения решения налогоплательщику, а истекает срок в соответствующее дату вручения число следующего месяца (п.п. 2, 5 ст. 6.1 НК РФ).

Если решение налогового органа обжалуется в специальном порядке, предусмотренном Налоговым Кодексом РФ, то оно согласно положениям, п. 1 ст. 101.2 НК РФ вступает в силу в части, не отмененной вышестоящим налоговым органом, и в не обжалованной части со дня принятия вышестоящим налоговым органом решения по апелляционной жалобе.

Из приведенных норм права следует, что решение подлежит исполнению по истечении тридцати дней после его вручения налогоплательщику либо в день вынесения решения по апелляционной жалобе вышестоящим налоговым органом. Не трудно догадаться, что в случае неисполнения решения добровольно, налоговый орган будет взыскивать недоимку в принудительном порядке, предусмотренном НК РФ.

В свою очередь, порядок исполнения решения о привлечении к ответственности за совершение налогового нарушения в отношении налогоплательщика, признанного банкротом, установлен Законом о несостоятельности (банкротстве), в зависимости от вида задолженности – подлежащей включению в реестр требований кредиторов по сроку возникновения, либо признания ее текущим платежом.

Установленная Законом о банкротстве обязанность суда осуществлять проверку обоснованности заявленных требований для их включения в реестр требований кредиторов не предусматривает право суда рассматривающего дело о банкротстве конкретного должника проверять законность ненормативных правовых актов налоговых органов, на основании которых начислены обязательные платежи, поскольку их обжалование производится в специальном порядке, предусмотренном главой 24 АПК РФ. Суду, рассматривающему дело о несостоятельности (банкротстве) такие полномочия не предоставлены.

Следовательно, уполномоченному органу для установления своих требований основанных на решении налогового органа достаточно предоставить суду только вступившее в силу решение с доказательствами отсутствия оплаты.

Таким образом, при рассмотрении требований уполномоченного органа, основанных на решении налогового органа о привлечении (отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения суд проверяет вступило ли указанное решение в силу, было ли оно

оплачено, а также определяет очередность удовлетворения задолженности, основанной на этом решении. При этом проверка законности и обоснованности самого решения о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения, являющегося основанием возникновения задолженности подлежащей включению в реестр требований кредиторов должника, судом проводится не должна.

При рассмотрении вопроса обоснованности требований уполномоченного органа основанных на вступивших в силу решениях налогового органа, но обжалуемых в судебном порядке по правилам главы 24 АПК РФ, распространена практика, при которой суды руководствуясь ст. 58 Закона о банкротстве и статьями 143, 144 АПК РФ приостанавливают производство по требованию до вступления в законную силу судебного акта по рассмотрению обоснованности решения инспекции, указывая при этом на обязанность суда приостановить производство по рассматриваемому требованию, изложенную в ст. 143 АПК РФ [1, с 2, 2, с 2, 3, с 1, 4, с 2].

С данной позицией сложно согласиться ввиду правовой позиции изложенной в статьях 101, 101.2, 101.3 НК РФ, согласно которой обжалование вступившего в силу решения налогового органа в арбитражном суде по правилам главы 24 АПК РФ не приостанавливает его действия, за исключением случая принятия арбитражным судом обеспечительных мер в рамках ст.ст. 90, 199 АПК РФ.

Приостановление производства по делу возможно в случае если в рамках самостоятельного производства у суда находятся дела, требования по которым связаны по основаниям их возникновения и имеется риск принятия противоречащих друг другу судебных актов.

Следовательно, арбитражный суд обязан приостановить производство по делу не потому что имеется не рассмотренный спор в порядке конституционного, гражданского, уголовного или административного судопроизводства, а ввиду невозможности рассмотрения спора до решения по другому вопросу.

В данном случае невозможность рассмотрения дела до разрешения другого дела означает необходимость установления в другом деле фактов, имеющих преюдициальное значение для того дела, производство по которому должно быть приостановлено.

Необоснованное приостановление производства по обособленному спору в деле о банкротстве должника может повлечь нарушения прав уполномоченного органа. Так, например, уполномоченный орган будет лишен права принимать вопросы на собрании кредиторов, обжаловать сделки должника.

Таким образом, вступившее в силу решение налогового органа которое обжалуется в арбитражном суде и действие которого не приостановлено, подлежит исполнению вне зависимости от согласия либо не согласия с ним лиц, участвующих

щих в деле. С учетом того, что общество находится в процедуре банкротства налоговый орган исходя из положений пункта 2 статьи 63, пункта 1 статьи 81, пункта 1 статьи 94, пункта 1 статьи 126 Закона о несостоятельности (банкротстве) не вправе применять к задолженности, возникшей до возбуждения дела о банкротстве меры принудительного взыскания, предусмотренные ст. ст. 69, 46, 47 НК РФ. [8, с. 12]. Следовательно, решение налогового органа в процедуре банкротства должника подлежит исполнению не иначе как путем включения задолженности указанной в нем в реестр требований кредиторов должника.

В случае если после установления судом недоимки по налогам в реестре требований кредиторов должника, решение налогового органа, являющееся основанием возникновения задолженности, включенной в реестр требований кредиторов должника будет признано незаконным, то определение о включении указанной задолженности подлежит пересмотру по правилам главы 37 АПК РФ в связи с вновь открывшимися обстоятельствами [5, с. 6, 6, с 7].

Таким образом, если судом, рассматривающим законность решения налогового органа, не были приняты обеспечительные меры, то суд, рассматривающий в деле о банкротстве требование уполномоченного органа, основанное на таком решении не вправе приостанавливать производство по нему. По данному вопросу сложилась положительная судебная практика на уровне Верховного суда Российской Федерации (см. определение ВС РФ от 02.03.2020 по делу № 305-ЭС20-57).

Литература

1. Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 21.10.2014 по делу № А64-4027/14.
2. Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 05.06.2018 № А43-26391/16.
3. Определение Арбитражного суда города Москвы от 02.11.2018 по делу № А40-29553/17-124-39 «Б».
4. Определение Арбитражного суда города Москвы от 28.06.2019 по делу № А40-56258/19-70-56 «Б».

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2019 № А40-29553/2017.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2019 по делу № А40-56258/2019.
7. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016).

PROCEDURAL ISSUES OF ESTABLISHING THE REQUIREMENTS OF THE AUTHORIZED BODY IN BANKRUPTCY CASES BASED ON THE DECISION OF THE TAX AUTHORITY ON BRINGING (REFUSAL TO BRING) TO RESPONSIBILITY FOR COMMITTING A TAX OFFENSE

Barkov V.M.

Interdistrict Inspectorate Federal tax service largest taxpayers № 5

The article discusses the procedure for establishing the requirements of the authorized body based on the decision of the tax authority on bringing (refusal to attract) to responsibility for committing a tax offense in relation to articles 71, 100 of the Insolvency (Bankruptcy) Law, analyzes the possibility of suspension of proceedings at the request of the authorized body in case of appeal court decisions.

Keywords: establishment of requirements, suspension of proceedings upon application, decision of the tax authority, entry into force of the decision of the tax authority.

References

1. Ruling of the Commercial court of the Tambov region of 21.10.2014 in case no. А64-4027/14.
2. Definition of Arbitration court of Nizhny Novgorod region 05.06.2018 № А43-26391/16.
3. Definition of Arbitration court of Moscow from 02.11.2018 on business № А40-29553/17-124-39 «B».
4. Definition of Arbitration court of Moscow from 28.06.2019 on business № А40-56258/19-70-56 «B».
5. The decision of Arbitration court of the Moscow district from 13.05.2019 № А40-29553/2017.
6. The decision of Arbitration court of the Moscow district from 30.10.2019 in the case № А40-56258/2019.
7. Review of judicial practice on issues related to the participation of authorized bodies in bankruptcy cases and the bankruptcy procedures applied in these cases (approved By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 20.12.2016).

Некоторые аспекты выявления коррупционных рисков при проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих

Матвеев Евгений Викторович,

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики управления, Уральский государственный юридический университет
E-mail: tipu@list.ru

Семенов Владимир Дмитриевич,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики управления, Уральский государственный юридический университет, Председатель ассоциации «Уральский окружной ресурсный центр государственной и муниципальной службы»
E-mail: v.d.semenov@yandex.ru

Рассохин Анатолий Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Уральского государственного юридического университета, аккредитованный эксперт Министерства юстиции РФ на проведение антикоррупционной экспертизы нормативно правовых актов и их проектов
E-mail: anatolii.rassohi@mail.ru

В научной статье рассматриваются правовые проблемы и механизм совершенствования выявления коррупционных рисков при проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в системе государственной и муниципальной службы. Авторы, опираясь на действующее законодательство, дают анализ механизма практического выявления коррупционных рисков при проверке выявления несоответствия доходов и расходов гражданских служащих. Представлен алгоритм проведения проверок сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в системе государственной и муниципальной службы и пути оптимизации в организационном плане коррупционных рисков. Обоснованы конкретные предложения и меры по совершенствованию законодательства по минимизации коррупционных рисков.

Ключевые слова: коррупционные риски, коррупция, доход физического лица, противозаконная комбинация, проверка достоверности сведений, механизм минимизации коррупционных рисков.

Обращаясь к Федеральному собранию 15 января 2020 года, Президент РФ Путин В.В. подчеркнул, важности государственной службе, без полутоннов и исключений [10]. Опыт зарубежных государств подтверждает необходимость усиления требований к лицам государственной службе в целях, снижения уровня коррупционных рисков: усовершенствование механизма подбора и расстановки кадров, использование современных информационных технологий, выведение контроля и надзора на более жесткий уровень, упрощением бюрократического процесса и внедрением института этических норм.

Важным направлением деятельности государственных органов по минимизации коррупционных рисков является разработка системы мониторинга по оценке коррупционных рисков. В подготовленных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации [12] методических рекомендациях по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций, ставится вопрос о регламентировании административных процедур на дополнительные стадии с независимыми друг от друга должностными лицами. На наш взгляд, в данной ситуации увеличивается бюрократическая составляющая, а также непонятно каким образом, независимые должностные лица будут взаимодействовать. Возможно, в данном случае речь идёт о координирующей роли органов прокуратуры.

На основании действующего законодательства гражданские, муниципальные служащие в период с 1 января до 30 апреля представляют сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих а себя, супругу(супруга) и малолетних детей (далее справка о доходах). По данным Росстата численность служащих замещавших должности гражданской службы в федеральных государственных органах, на конец сентября 2016 года составляла 38 тыс. человек. На региональном уровне (в федеральных государственных органах и государственных органах субъектов РФ) на конец сентября 2016 года работали 682,2 тыс. человек. На должностях муниципальной службы было занято 307,6 тыс. человек (64,5% от общей численности занятых в органах местного самоуправления и избиркомах муниципальных образований) [13]. Если мы добавим справки на супруга (супругу), несовершеннолетних детей, лиц претендующих на замещение вакантных должностей, формирования кадрового резерва, то на кадровые и над-

зорные органы ложится огромный массив информации, в рамках контроля за соответствием расходов и доходов указанных лиц.

Указ Президента РФ от 02.04.2013 N309 (ред. от 13.05.2019) [9] устанавливает, что справки заполняются собственноручно или с использованием программного обеспечения в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации. Поэтому формальный признак проверок зачастую имеет место. Тщательно, как показывает практика сведения о доходах и расходах проверяются при поступлении на государственную или муниципальную службу, при запросах правоохранительных органов и выявлении коррупционных правонарушений.

Как показывает практика, за один год государственный служащий может иметь расходы по нескольким сделкам, превышающие в несколько раз больше размер общего дохода лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки.

Проведенные нами подсчеты, показывают, что гражданский служащий может осуществлять неопределенное количество сделок, каждая из которых не превышает уровень общего дохода лица и его супруги (супруга) за три последних года, супруги в праве не отчитываться по каждой из них. Данная схема может использоваться не только в отношении движимого, но и в том числе недвижимого имущества, что создает коррупционные риски.

Представленную комбинацию, законность которой вызывает определённые сомнения, можно выявить при помощи справки о доходах. Так как приобретение ряда движимого и недвижимого имущества отражается в строке имущественные обязательства. Возникает вопрос, имеется ли на данный момент качественный контроль позволяющий раскрыть вышеуказанную схему, либо если он отсутствует, значит необходимо вводить его. На основании статьи 8 ФЗ РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 16.12.2019 г.) «О противодействии коррупции», сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей обязаны представлять представителю нанимателя (работодателю) лица, перечисленные в данной статье. Статья закрепляет отсылочную норму, содержание которой определяет, что порядок представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера устанавливается федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными актами Центрального банка Российской Федерации [2]. В правоприменительной практике учредитель или уполномоченное лицо осуществляет контроль за сведениями о доходах и расходах в соответствии Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. N230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих го-

сударственные должности, и иных лиц их доходам» [3]. Закон закрепляет перечень должностных лиц, за которыми осуществляется контроль, а также основания для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещающего (занимающего) должность.

Проверку и контроль за расходами и доходами осуществляют многочисленные инстанции от правоохранительных органов до отдельных подразделений финансовых уполномоченных.

Основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица, замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является поступление в органы прокуратуры Российской Федерации материалов, предусмотренных частью 6 статьи 16 настоящего Федерального закона [3].

В части контроля за сведениями о доходах и расходах муниципальных служащих, то полномочия проверки отнесены к сотрудникам кадровой службы, что раскрывается в Федеральном Законе от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». В свою очередь, понятие организации контроля и проверки на уровне субъекта РФ, сведений более широко раскрывается, например, в Положении, утвержденным Указом Губернатора Свердловской области от 10.12.2012 № 920-УГ, «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей муниципальной службы в Свердловской области, и муниципальными служащими в Свердловской области, и соблюдения муниципальными служащими в Свердловской области требований к служебному поведению». В соответствии с Положением, по решению представителя нанимателя (работодателя) проверку осуществляет подразделение кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений или должностное лицо кадровой службы, ответственное за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений [11].

Проверка сведений о доходах и расходах может осуществляться на основании достаточной информации, которая представляется, как мы отмечали из различных источников. Например:

- при подаче справок в кадровый орган;
- приложение справки в личное дело сотрудника;
- передача справок в государственные органы по запросам;
- в процессе возвращения справок руководителю с возможными замечаниями из органов в отдел (управление) кадров;
- в период подготовки и рассмотрения выявленных нарушений гражданским служащим законодательства, комиссией по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов;
- в ходе составления и передачи заключения нанимателю (представителю нанимателя).

После трех лет справки передаются по акту из кадровых органов в архив.

Стоит отметить, что лица входящие в кадровую службу не являются квалифицированными специалистами, а такие органы как прокуратура, налоговая федеральная служба, судебных приставов осуществляют проверку предоставленных сведений зачастую с целью сопоставления с данными и извлечением части информации в рамках своих полномочий.

На наш взгляд, по формальному признаку данные, не противоречащие требованиям к заполнению формы справок и не вызывающих противоречия со сверяемой информацией фактически могут нести за собой коррупционные риски, выявление которых может осуществлять только при более глубоком анализе. Так же, в рамках защиты и конфиденциальности персональных данных перед отправлением уведомления в государственный орган о проверки справок о доходах, расходах, состоянием имущества и обязательствах имущественного характера, кадровая служба должна получить согласие от каждого сотрудника, чья справка подготовлена на передачу в соответствующий орган. Соответственно несогласие сотрудника будет являться тем последствием, при котором проверка предоставленных им данных не будет возможна из-за отсутствия установленных в них правонарушений и примет состояние стагнации еще на стадии подготовки.

В системе контроля и проверок сведений о доходах и расходах, необходим специализированный орган. Именно такой способ противодействия коррупции закреплен в статье 36 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года (Российская Федерация подписала Конвенцию ООН против коррупции 09.12.2003 года, ратифицировала Конвенцию 08.03.2006 года (N40-ФЗ)). В соответствии с первым заявлением, указанным до подписания, Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении деяний, признанных преступными согласно статье 15, пункту 1 статьи 16, статьям 17–19, 21 и 22, пункту 1 статьи 23, статьям 24, 25 и 27 Конвенции, в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 42 Конвенции. Так же Россией не ратифицирована и ранее указанная статья 36 [7]. Создание специализированного органа позволит более эффективно предупреждать, пресекать и выявлять правонарушения, при условии, если такой орган (лицо) будет обеспечен необходимой самостоятельностью, с тем чтобы имелась возможность выполнять свои функции максимально эффективно и без какого-либо ненадлежащего влияния. Сам процесс создания специализированного органа повлечет за собой большое количество издержек, привлечением дополнительных ресурсов, колоссальных затрат из государственного бюджета и потребует долгого процесса становления. В связи с этим возможна более упрощенная форма создания такого института путем

реформирования уже существующего органа государственной власти. Например, таким объектом контроля может выступить и Федеральная налоговая служба, в структуре которой возможно создание отдела по борьбе с коррупцией с привлечением и трудоустройством в него лиц, обладающих надлежащей квалификацией и ресурсами для выполнения своих задач. Так же для повышения эффективности необходимо становление и повышение координации такого отдела с другими органами власти, в том числе с полицией, следственным Комитетом Российской Федерации и органами прокуратуры, в которых возникает необходимость выделения отдельной категории сотрудников, выполняющих координацию с отделом ФНС по борьбе с коррупцией.

В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 310 (ред. 13.05.2019), справке о расходах лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, иного лица по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) и об источниках получения средств, за счет которых совершена указанная сделка. Указанное условие обозначено в самой справке – «справка подается, если сумма сделки превышает общий доход лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки, вместе со справками о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», – учитывается сумма лишь одной сделки, что может и будет отрицательно влиять на прозрачность расходов государственного служащего и лиц его замещающих [9].

Чтобы максимально повысить эффективность борьбы с коррупцией недостаточно только одного создания специализированного органа, такое структурное изменение должно сочетаться с ужесточением ответственности за противоправные деяния и четким взаимодействием. Особо место в деятельности специализированного органа должны занимать использование новых информационных ресурсов. Предлагаем также разработать административный регламент деятельности специализированного органа по проверке «Сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Целями данного регламента будут являться:

- формирование методологии проведения анализа сведений, направленного на оценку объективности и соразмерности имущественного положения отдельных категорий лиц их доходам;
- выявление признаков и коррупционных рисков представления недостоверных или неполных сведений, конфликта интересов, иных нарушений положений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции;

- обеспечение соблюдения государственным (муниципальными) служащими, работниками, на которых распространяется обязанность представлять сведения, требований антикоррупционного законодательства.

Отметим преимущества специализированного органа:

- высокая компетентность специалистов, отвечающих за осуществление функций проверки сведений о доходах, а также персональная ответственность;
- освобождение государственных структур, от выполнения ими несвойственных функций;
- стандартизация, формализация и программирование системы проверок и контроля процессов;
- исключение дублирования и параллелизма в выполнении управленческих функций;
- уменьшение потребности в специалистах широкого профиля в других государственных органах власти.

В данном случае, возникают проблемы, которые также требуют решения:

- чрезмерная заинтересованность в реализации целей и задач «своих» и корпоративных интересов;
- системный обмен информацией в поддержании постоянных взаимосвязей между различными уровнями власти и правоохранительными органами;
- возможна чрезмерная централизация;
- относительно застывшая организационная форма.

Возвращаясь к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в статье 20, где незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, признается уголовно наказуемым деянием [8]. Термин публичное должностное лицо, указанный в настоящей конвенции, является широким и может в себя включать так же и тех лиц, в обязанности которых не входит декларирование доходов, расходов, состояния имущества и обязательствах имущественного характера. Однако Конвенция дает возможность государству-участнику самому определять термин «публичное должностное лицо» в рамках внутреннего законодательства, применять его в соответствующей области правового регулирования. Данная статья не используется Россией, однако именно такой подход к ужесточению ответственности позволит наиболее эффективно противодействовать коррупционным проявлениям. В данном случае такие нововведения повлекут за собой не только изменения содержания уголовного законодательства, но и также его принципов, а именно принципа невиновности. С одной стороны, принцип виновности предусмотрен законодательством в рамках противодействия коррупции, с другой стороны отвергается уголовным кодексом. Возможно, в таком случае будет необходим поиск компромисса.

На сегодняшний день, контроль над гражданскими служащими в области представления ими личных доходов и расходов эффективен не в полном объеме, поскольку при данной системе существуют проблемы самого контроля, наличие в нем коррупциогенных рисков, а также проблемы правоприменительной практики в судах при разрешении вышеназванных в работе категории дел. Вследствие чего возникают актуальные проблемы при выявлении коррупциогенных факторов.

Представляется, что совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации по выявлению коррупционных рисков в системе государственной и муниципальной службы способствовали бы следующие меры.

1. Внести изменения в ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в соответствии с которыми при невозможности обращения в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых государственным служащим не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры вправе обратиться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации денежных средств затраченных государственным служащим на приобретение вышеназванного имущества. Так же считаем, что в случае если цена, указанная в договоре гражданско-правового характера, является существенно заниженной относительно среднерыночной стоимости, прокурорам необходимо решать вопрос о необходимости заявления перед судом ходатайства о назначении оценочной экспертизы стоимости приобретенного государственным служащим имущества в соответствии со статьей 79 ГПК РФ [1]. Таким образом, будет устранена проблема применения судами аналогии закона с фикцией потерпевшего.

2. Внести изменения в ст. 26 ФЗ от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности»: добавить в текст действующей статьи слово «обязаны». Это позволит органам прокуратуры беспрепятственно получать информацию об открытых и закрытых счетах проверяемого лица в рамках осуществления надзорной проверки в рассматриваемой сфере.

Предлагаемые меры по снижению издержек контроля:

- внести поправки в действующее законодательство о противодействии коррупции, изменяющие условия представления сведений о доходах государственным служащим (устранить отчетность по доходам, полученных из государственного бюджета), что так же позволит масштабно сэкономить ресурсы как государ-

ственного аппарата, так и прокуратуры РФ в частности.

Минимизации выявленных в ходе исследования коррупционных рисков, на наш взгляд, будут способствовать следующие меры:

- расширить круг субъектов, в отношении которых лицо обязано предоставить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, применяя по аналогии термин «близкие родственники» из Семейного Кодекса РФ (установленный в законодательстве круг подотчетных субъектов является слишком узким, что дает возможность государственному служащему осуществлять коррупционные схемы через таких близких родственников как родители, совершеннолетние дети и т.д.), а также дополнительно нормативно закрепить определение близких родственников в соответствующем Федеральном законе;
- расширить перечень сделок, расходы в соответствии с которыми представляются государственным служащим, посредством замены ограниченного круга сделок общим понятием сделки. Следовательно, необходимо нормативное закрепление определения понятия сделки в соответствующем Федеральном законе. Содержание такого понятия должно быть аналогичным содержанию определению сделки в Гражданском Кодексе РФ, что не только расширит перечень совершаемых государственным служащим действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, за которые последний будет обязан отчитываться, но и обеспечит единство правоприменительной практики.

Для выявления нарушений в рамках ограничений и запретов, при представлении государственным служащими и иными лицами, на которых возложена эта обязанность, достоверных и полных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера считаем необходимым разработать пошаговый алгоритм проверки этих данных.

Таким образом, рассмотренный правовой механизм выявления коррупционных рисков при проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих позволяет решить ряд правоохранительных задач, но он нуждается в дальнейшем совершенствовании, в целях эффективного противодействия коррупции.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. 02 декабря 2019). СПСКонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. 16.12.2019) «О противодействии коррупции». СПСКонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. 03 августа 2018 г.) «О контроле за соот-

ветствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» СПСКонсультантПлюс.

4. Федеральный Закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. 16.12.2019) СПСКонсультантПлюс.
5. Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. 19.12.2016) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». СПСКонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности». СПСКонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // «Российская газета» от 21 марта 2006 г. № 56, в Собрании законодательства Российской Федерации от 20 марта 2006 г. № 12 ст. 1231.
8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). СПСКонсультантПлюс.
9. Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 (ред. от 13.05.2019) «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции») / СПСКонсультантПлюс.
10. Стенограмма Послания Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] Режим доступа <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html>
11. Указ Губернатора Свердловской области от 10.12.2012 № 920-УГ (ред. 14.02.2017) «Об утверждении Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей муниципальной службы в Свердловской области, и муниципальными служащими в Свердловской области, и соблюдения муниципальными служащими в Свердловской области требований к служебному поведению». СПСКонсультантПлюс.
12. Письмо Минтруда России от 22.07.2013 № 18-0/10/2-4077 «О проведении оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций» (вместе с «Методическими рекомендациями по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций»). СПСКонсультантПлюс.
13. Сколько в России государственных и муниципальных служащих. [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/3188724>

SOME ASPECTS OF IDENTIFYING CORRUPTION RISKS WHEN CHECKING INFORMATION ABOUT INCOME, PROPERTY AND PROPERTY OBLIGATIONS OF CIVIL SERVANT

Matveev Y.V., Semenov V.D., Rassokhin A.V.
Ural state law University

The scientific article discusses legal problems and the mechanism for improving the detection of corruption risks when checking information about income, property and property obligations in the system of state and municipal services. The authors, based on the current legislation, analyze the mechanism of practical detection of corruption risks when checking for inconsistencies between income and expenses of civil servants. The article presents an algorithm for checking information about income, property and property obligations in the system of state and municipal services and ways to optimize corruption risks in the organizational plan. Specific proposals and measures to improve legislation to minimize corruption risks are substantiated.

Keywords: corruption risks, corruption, income of an individual, illegal combination, verification of information reliability, mechanism for minimizing corruption risks.

References

1. Civil procedure code of the Russian Federation of 14.11.2002 N138-FZ (ed. December 02, 2019). Stsconsultants.
2. Federal law No. 273-FZ of 25.12.2008 (ed. 16.12.2019) "On combating corruption". Stsconsultants.
3. Federal law of 03.12.2012 N230-FZ (ed. August 3, 2018) "On control of compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their income" Spskonsultantplus.
4. Federal Law No. 25-FZ of 02.03.2007 "On municipal service in the Russian Federation" (ed. 16. 12. 2019) Spskonsultantplus.
5. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 (ed. 19.12.2016) "On the state civil service of the Russian Federation". Stsconsultants.
6. Federal law of August 12, 1995 N144-FZ (ed. 02.08.2019) "On operational search activity". Stsconsultants.
7. Federal law of March 8, 2006 N40-FZ "On ratification of the United Nations Convention against corruption" / "Rossiyskaya Gazeta" of March 21, 2006 N56, in the Collection of legislation of the Russian Federation of March 20, 2006 N12 art. 1231.
8. United Nations Convention against corruption (adopted in new York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary session of the 58th session of the UN General Assembly). Stsconsultants.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2013 N309 (ed. of 13.05.2019) "On measures to implement certain provisions of the Federal law" on anti-corruption "(together with "Regulations on the procedure for sending requests to the Federal service for financial monitoring when conducting checks to counter corruption") / Spskonsultantplus.
10. Transcript of Putin's Address to the Federal Assembly [Electronic resource]. [доступнаhttp://prezident.org/tekst/stenogrammaposlanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html](http://prezident.org/tekst/stenogrammaposlanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html)
11. Decree of the Governor of the Sverdlovsk region of 10.12.2012 N920-UG (ed. 14. 02. 207) "On approval of the Regulations on verification of reliability and completeness of information submitted by citizens applying for positions of municipal service in the Sverdlovsk region, and municipal employees in the Sverdlovsk region, and compliance by municipal employees in the Sverdlovsk region requirements for official behavior". Stsconsultants.
12. Letter of the Ministry of labor of Russia dated 22.07.2013 N18-0/10/2-4077 "On the assessment of corruption risks arising in the implementation of functions" (together with "Guidelines for assessing corruption risks arising in the implementation of functions"). Stsconsultants.
13. How many state and municipal employees are there in Russia? [Electronic resource] access Mode <https://www.kommersant.ru/doc/3188724>

Геодезическое обеспечение проведения судебной землеустроительной экспертизы

Олейник Анатолий Михайлович,

к.т.н., доцент, кафедра геодезии и кадастровой деятельности,
ФГБУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
E-mail: oleynik_an@mail.ru

Подковырова Марина Анатольевна,

к.с.-х.н., доцент, кафедра геодезии и кадастровой
деятельности, ФГБУ ВО «Тюменский индустриальный
университет»
E-mail: Podkovyrova54@mail.ru

Толстов Владимир Борисович,

генеральный директор, ООО «Научно-производственная
фирма Сфера-Т»
E-mail: svera-t@mail.ru

В статье рассмотрены этапы выполнения инженерно-геодезических работ при проведении судебной землеустроительной экспертизы земельных участков, находящихся на территории земель, относящихся к категории: земли населенных пунктов. Разработана технологическая схема выполнения инженерно-геодезических работ при инструментальном методе (геодезический метод, метод спутниковых геодезических определений) контроля границ объекта/объектов землеустроительной экспертизы и математической обработки результатов геодезических измерений. Приведено экспертное заключение по результатам исследований границ земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, судебная экспертиза, инженерно-геодезические работы, оценка точности.

Введение. В процессе использования земель могут происходить столкновения (конфликтные ситуации) интересов отдельных сторон по поводу разрешенного использования земельных участков, местоположения смежных границ земельных участков, размеров предоставляемых участков, порядка их предоставления и т.п. Сторонами земельных споров могут быть различные субъекты: собственники, землепользователи, землевладельцы, другие физические и юридические лица, органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления [19]. Субъект, считающий свое право нарушенным, имеет возможность его защиты путем обращения в судебные органы за разрешением возникшего разногласия в судебном порядке.

Для разрешения земельных споров в судебном порядке, необходимо участие лиц, обладающих специальными знаниями не только в данной области познания, но и смежных областях. Такими лицами являются эксперты, обладающие специальными знаниями и назначенные в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). Только эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями [2, 5, 12]. Неотъемлемой частью проведения исследования в составе судебной землеустроительной экспертизы является определение местоположения земельных участков, содержащихся в правоустанавливающих документах, картографических материалах, с установлением границ на местности посредством определения координат характерных (поворотных) точек способами, обеспечивающими точность их определения относительно пунктов межевой (геодезической) сети для данной категории земель. Для этого необходимо выполнить комплекс инженерно-геодезических работ с применением точных инструментов и программных вычислительных комплексов.

Объект и методы исследования. Объект землеустроительной экспертизы состоит из земельных участков с кадастровыми номерами 72:17:2301003: XX, 72:17:2301003: X и из объекта капитального строительства «Автомобильная дорога общего пользования местного значения» с кадастровым номером 72:17:0000000: XXXX, находящиеся на территории земель поселений в на-

селённом пункте Червишево Тюменской области. Червишево – это село на южной окраине Тюмени.

Расположение исследуемых участков при проведении землеустроительной экспертизы показано на рисунке 1.

Рис. 1. Границы территории производства работ (источник: публичная кадастровая карта Росреестра)

Основанием для проведения данной экспертизы является Определение суда, в котором судом поставлены вопросы, для разрешения которых назначена судебная землеустроительная экспертиза, т.е. является своеобразным техническим заданием для судебного эксперта [5, 12]. Определение суда выносилось в результате проведения судебного заседания по ходатайству сторон или решению суда о назначении судебной землеустроительной экспертизы по иску о признании результатов кадастровых работ недействительными, исключений сведений из ЕГРН, уточнении границ земельного участка.

При проведении межевых работ установлено, что фактические границы земельного участка пересекаются с границами ранее учтенных земельных участков, внесенных в ЕГРН: со смежным земельным участком с кадастровым номером 72:17:2301003: X и с объектом капитального строительства «Автомобильная дорога общего пользования местного значения» с кадастровым номером 72:17:0000000: XXXX, входящих в состав земель населённых пунктов. Границы между земельными участками установлены с нарушениями. При установлении границ земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX, были нарушены требования ст. 39 ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», что делает результаты кадастровых работ по установлению границ земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X недействительными и подлежат отмене результатов межевания в судебном порядке.

Определением суда о назначении судебной землеустроительной экспертизы по данному объекту были поставлены следующие вопросы:

1. Установить на местности местоположение границ и площадь земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX.
2. Соответствует или нет фактическое расположение границ земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX сведениям, содержащимся в правоустанавливающих документах?
3. Установить на местности местоположение границ и площадь земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X.
4. Соответствует или нет фактическое расположение границ земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X сведениям, содержащимся в государственном кадастре недвижимости и правоустанавливающих документах?
5. Установить на местности местоположение границ и площадь объекта недвижимости: автомобильная дорога общего пользования местного значения с кадастровым номером 72:17:0000000: XXXX, принадлежащего на праве собственности Червишевское МО Тюменского района Тюменской области?
6. Соответствует или нет фактическое расположение объекта недвижимости: автомобильная дорога общего пользования местного значения с кадастровым номером 72:17:0000000: XXXX сведениям, содержащимся в государственном кадастре недвижимости и правоустанавливающих документах?
7. Имеются ли пересечения границ земельных участков с кадастровыми номерами 72:17:2301003: XX и 72:17:2301003: X, 72:17:0000000: XXXX. Если имеется, то определить площадь такого наложения, и определить, со стороны какого участка имеет место нарушение границ.
8. В случае выявления несоответствия фактических размеров и границ земельных участков определить, координатам каких точек должна соответствовать граница между данными земельными участками.
9. Имеется ли реестровая ошибка в сведениях о пересечении границ земельных участков с кадастровыми номерами 72:17:2301003: XX и 72:17:2301003: X, 72:17:0000000: XXXX? Если реестровая ошибка имеется, указать способы её устранения, указать какие координаты точек должны соответствовать смежной границе земельных участков после её устранения.
10. Соответствует ли межевой план от 26.06.2017 года, подготовленный в результате выполнения кадастровых работ в связи с уточнением местоположения границы и площади земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX правоустанавливающим документам на этот земельный участок и требованиям, предъявляемым к межевым планам? В случае выявления несоответствия, указать, в чём оно заключается.

Экспериментальная часть/постановка эксперимента. Подготовительные работы для прове-

дения судебной землеустроительной экспертизы начинаются с изучения определения суда, искового заявления, материалов и документов, содержащихся в гражданском деле правового, землеустроительного, градостроительного назначения по объектам исследования. На основе проведенного анализа, эксперт устанавливает судебно-экспертную задачу (идентификационную, диагностическую и др.) при решении которой будет достигнута цель: проведение полного, обоснованного исследования по поставленным судом вопросам, формирование заключения эксперта.

Полнота исследования должна обеспечивать использование экспертом всех доступных ему технических средств, методов, методик исследования при выполнении: натурного обследования, выполнения комплекса топографо-геодезических работ, графически-аналитических построений при сравнительном исследовании [5].

Обоснованность исследования должна обеспечивать уверенность в надежности и пригодности выбранного метода, возможности получения с помощью данного метода (методики) необходимого достоверного результата.

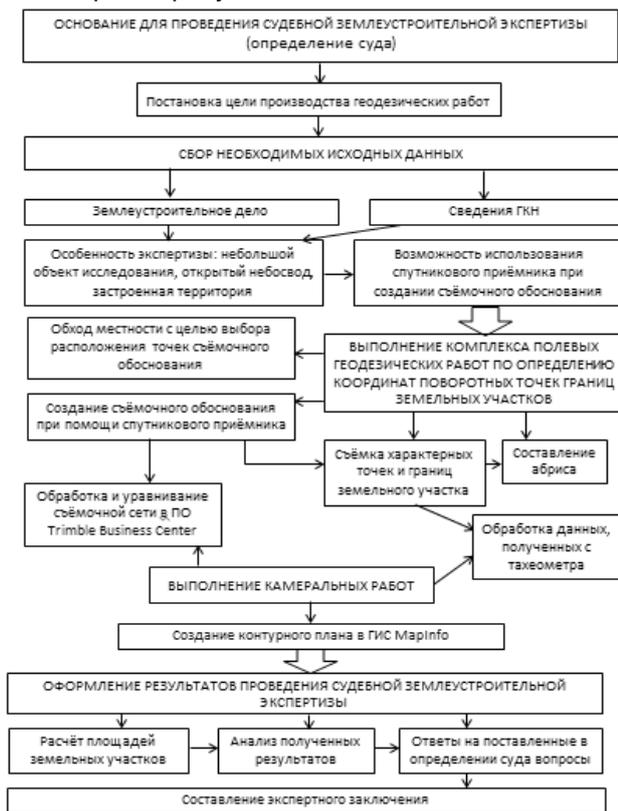

Рис. 2. Технологическая схема выполнения работ

В соответствии с условиями местности, количества и расположением исходных геодезических пунктов, конфигурации и площади земельных участков для выполнения съёмки их границ был выбран инструментальный геодезический метод [6, 10], при котором съёмочное обоснование создается при помощи геодезических спутниковых измерений [3, 4], а съёмка характерных точек земельных участков, а также зданий и строений, находящихся на них, выполняется электронным тахеометром полярным способом [17].

Состав работ при проведении землеустроительной экспертизы на данном объекте приведён на рисунке 2.

При проектировании съёмочного обоснования выбран метод относительных спутниковых определений. Рекомендации по выбору метода развития съёмочного обоснования и метода относительных спутниковых определений в зависимости от масштаба съёмки приведены в инструкции [4]. Исходя из требований инструкции для создания планового съёмочного обоснования на объекте экспертизы применен метод быстрой статики.

Расчёт средней квадратической ошибки (СКО) m^0 местоположения точки съёмочного обоснования относительно базовой станции зависит от расстояния между ними, вида спутникового приёмника, метода измерений и может быть выполнен по приближенной формуле [1, 4]:

$$m_0 = K_1(\text{мм}) + K_2(\text{мм})D(\text{мм})10^{-6},$$

где K_1 и K_2 – коэффициенты;
 D – расстояние между базовой станцией и точкой съёмочного обоснования.

Для данного объекта экспертизы при наибольшем расстоянии по прямой около 20 км от точек съёмочного обоснования до базовой станции, приняв $K_1=5$ мм и $K_2=1$ мм в соответствии с формулой (1) СКО составит:

$$m_0 = 5 \text{ мм} + 1 \text{ мм} \times 10^{-6} \times 20000000 \text{ мм} = 25 \text{ мм} = 0,25 \text{ м}.$$

При определении координат характерных точек границ земельного участка способом полярным координат ошибка в положении характерной точки m^1 , полученная из непосредственных инструментальных измерений в полевых условиях, зависит от ошибок угловых и линейных измерений и вычисляется по формуле [7, 8, 11, 16]:

$$m_1 = \sqrt{m_S^2 + \left(\frac{m_\beta}{\rho}\right)^2 S^2 + m_c^2},$$

где m_β – средняя квадратическая ошибка измерения угла;

m^S – средняя квадратическая ошибка измерения линии;
 S – длина линии от исходной точки съёмочного обоснования до определяемой точки;

m^c – средняя квадратическая ошибка центрирования инструмента над точкой.

При ее съёмке способом полярных координат с применением электронного тахеометра, дающего точность измерения угла $m_\beta = 5''$ и расстояния $m^S = 3$ мм, при расстоянии от точки съёмочного обоснования до снимаемой точки $S = 100$ м и ошибкой центрирования 0,5 мм, в соответствии с формулой (2) получим:

$$m_1 = \sqrt{(3\text{мм})^2 + \left(\frac{5}{206265}\right)^2 (100000\text{мм})^2 + (0,5\text{мм})^2} = 4\text{мм} = 0,004 \text{ м}.$$

Таким образом, СКО m^1 местоположения характерной точки земельного участка относительно ближайшей базовой станции составит:

$$M_t = \sqrt{m_0^2 + m_1^2} = \sqrt{(0,025\text{ м})^2 + (0,004\text{ м})^2} = \sqrt{0,000661} = 0,025\text{ м}.$$

Полученные результаты вычислений свидетельствуют о том, что выбранный метод спутниковых определений и геодезические инструменты обеспечивают необходимую точность определения координат границ земельного участка, равную 0,10 м [6, 15].

После предрасчёта точности, обоснования методики выполнения работ и изучения всех материалов, необходимых для начала экспертного исследования, эксперт назначает дату и время выполнения полевых инженерно-геодезических работ с обязательным уведомлением заинтересованных лиц.

Полевые работы начинаются с рекогносцировки, заключающейся в обходе местности и выборе мест расположения точек съёмочного обоснования [11]. Места расположения точек выбираются таким образом, чтобы обеспечить взаимную видимость между ними и видимость на все точки объекта съёмки, их относительную долговременность, а также отсутствие помех для приема радиосигналов спутниковым приёмником [4]. На объекте было закреплено две базисные линии 100–200 и 300–400.

Для сокращения времени выполнения измерений применялась двухштативная система. Сущность которой заключается в одновременном определении координат одной из точек съёмочного обоснования (например, с точки 100 базиса) спутниковым приёмником и съёмки характерных точек земельного участка тахеометром со второй точке съёмочного обоснования (например, с точки 200 базиса), исключения грубых ошибок центрировки и наведения.

Ориентировочное значение продолжительности наблюдений на точке при применении быстрого статического метода зависит от требуемой точности, длины базовой линии и применяемого приёмника [4].

Съёмка характерных точек и границ земельного участка, как было отмечено ранее, производилась способом полярных координат.

После завершения измерений тахеометр и спутниковый приёмник менялись местами, не снимая с точек штативы, на которых они были установлены.

Одновременно со съёмкой земельного участка вёлся абрис в соответствии с условными знаками для масштаба 1:500.

После полевых работ выполнялась камеральная обработка результатов. Технологическая схема выполнения камеральной обработки полевых измерений инструментальным методом приведена на рисунке 3.

Ошибки в плановом положении пунктов съёмочного обоснования, полученные после обработки, составили 0,007–0,009 мм. Фактическая точность съёмки границ земельных участков и сооружений на нем составила 0,03–0,05 м. Полученные ошибки в положении точек съёмочного обоснования и границ земельных участков близки к расчетным.

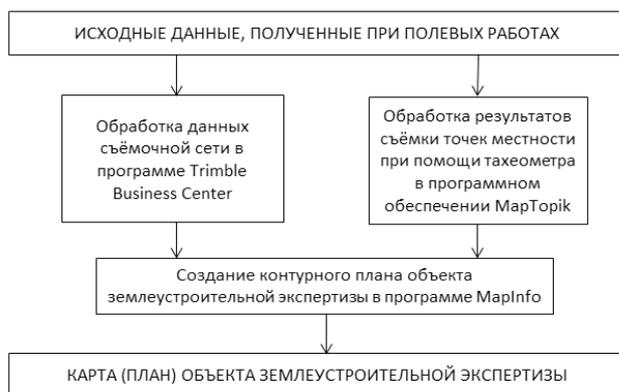

Рис. 3. Технологическая схема камеральной обработки

Площади земельных участков были вычислены по координатам угловых точек. Точность определения площади зависит от следующих факторов: величины площади земельного участка, вытянутости земельного участка и СКО определения координат поворотных точек земельного участка [9, 15].

Исходя из полученной точности определения координат точек получена СКО определения площади земельного участка по формуле [6]:

$$M_p = M_t \times \sqrt{P} \times \sqrt{\frac{1+K^2}{2K}},$$

где P – площадь земельного участка;

K – коэффициент вытянутости земельного участка;

M_t – средняя квадратическая ошибка положения поворотной точки.

$$M_p = 0,05\text{ м} \times \sqrt{1381,96\text{ м}^2} \times \sqrt{\frac{1+2^2}{2 \times 2}} = 2,08\text{ м}^2.$$

Для земельного участка, являющегося объектом землеустроительной экспертизы, абсолютное расхождение ΔP между вычисленной его площадью $P_{\text{выч}}$ и площадью, указанной в документе, удостоверяющем права на землю или правоустанавливающим документе ($\Delta P = P_{\text{выч}} - P_{\text{док}}$) не должно превышать величину допустимого расхождения $\Delta P_{\text{доп}}$, рассчитанную по формуле [6]:

$$\Delta P_{\text{доп}} = 3,5 M_t \times \sqrt{P_{\text{док}}},$$

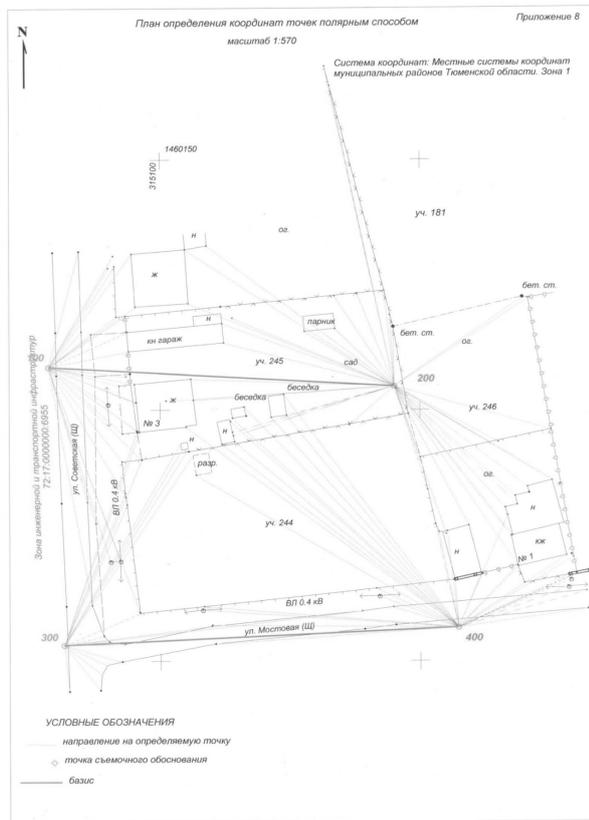
где M_t – средняя квадратическая ошибка положения поворотной точки;

$P_{\text{док}}$ – площадь, указанная в документе, удостоверяющем права на землю.

Допустимое расхождение определения площади объекта землеустроительной экспертизы, вычисленное по формуле (4), не должно превышать:

$$\Delta P_{\text{доп}} = 3,5 \times 0,1\text{ м} \times \sqrt{1487,32\text{ м}^2} = 13,50\text{ м}^2.$$

Расхождение площади, указанной в правоустанавливающем документе и вычисленной, в ходе судебной экспертизы, составило 72 м². Как видно из вычислений, абсолютное расхождение между вычисленной площадью земельного участка и площадью, указанной в правоустанавливающем документе, больше допустимого расхождения.

Рис. 4. План определения координат точек полярным способом

Рис. 6. План границ земельного участка 246 по сведениям ГКН

Рис. 5. План фактических границ исследуемых участков 245 и 246

Рис. 7. План местоположения автомобильной дороги общего пользования в районе исследуемых земельных участков

Рис. 8. План границ земельного участка 246 после исправления реестровой ошибки

На завершающем этапе проведения экспертизы экспертом составляется заключение и представляются материалы, подтверждающие факт проведения землеустроительной экспертизы:

- 1) план определения координат точек полярным способом (рисунок 4);
- 2) план фактических границ исследуемых участков 245 и 246 с ведомостями координат углов землепользований и вычисленными площадями (рисунок 5) [14];
- 3) план границ земельного участка 246 по сведениям ГКН с ведомостью координат углов и вычисленной площадью земельного участка, образованного от пересечения границ (рисунок 6);
- 4) план местоположения автомобильной дороги общего пользования в районе исследуемых земельных участков (рисунок 7) [18];
- 5) план границ земельного участка 246 после исправления реестровой ошибки (рисунок 8);
- 6) ведомость координат опорных точек в местной системе координат Муниципальных районов Тюменской области в Зоне № 1 [13];
- 7) журнал полевых наблюдений с тахеометра по проведённой экспертизе.

Выводы. Проведенное экспертное исследование в отношении объекта землеустроительной экспертизы с применением геодезических методов позволило сформировать экспертное заключение по вопросам, поставленным в определении суда:

- местоположение фактических границ земельного участка (координаты характерных по-

воротных точек) с кадастровым номером 72:17:2301003: XX (участок 245), площадью 1382 м² установлено геодезическим методом и соответствует сведениям которые содержатся в Чертеже границ земель (см. рисунки 4, 5);

- местоположение фактических границ земельного участка (координаты характерных поворотных точек) с кадастровым номером 72:17:2301003: X (участок 246), площадью 1370 м², установлено геодезическим методом и не соответствует местоположению границ земельного участка, содержащемуся в государственном кадастре недвижимости (см. рисунки 4–6);
- местоположение фактических границ части земельного участка с кадастровым номером 72:17:0000000: XXXX, под существующей автодорогой общего пользования определено Планом местоположения автомобильной дороги общего пользования в районе исследуемых земельных участков и входит в состав территориальной зоны: зона инженерной и транспортной инфраструктур (Т1) и соответствует местоположению этой зоны сведения, о которой содержится в государственном кадастре недвижимости (см. рисунок 7);
- площадь земельного участка, образованного от пересечения границ земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX (участок 245), сведения о которых содержатся в ГКН, с фактическими границами земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X (участок 246), составляет 72 м². Нарушение границ имеет место со стороны земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X (участок 246). Реестровая ошибка исправляется путем внесения сведений о границах земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: X (участок 246) на основании подготовленного межевого плана по исправлению реестровой ошибки (см. рисунок 8);
- межевой план от 26.06.2017 года, подготовленный кадастровым инженером в результате выполнения кадастровых работ в связи с уточнением местоположения границы и площади земельного участка с кадастровым номером 72:17:2301003: XX (участок 245) соответствует правоустанавливающим документам на данный земельный участок и требованиям, предъявляемым к межевым планам.

Литература

1. Авакян В.В. Прикладная геодезия: технологии инженерно-геодезических работ. – М.: «Амалданик», 2012.-330 с.
2. Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы [Текст]: учебн. пособие / А.Ю. Бутырин М: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006. – 224 с.
3. Генике А.А. и др. Глобальные спутниковые системы определения местоположения и их при-

- менение в геодезии. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст]: учебное пособие / А.А. Генике, Г.Г. Побединский – М.: Картогеоцентр. – 2004. – 355 с.
4. ГКИНП (ОНТА)-02–262–02. Инструкция по развитию съемочного обоснования и съемке ситуации и рельефа с применением глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS. Технические требования. – Введ. 2002–03–01. – М.: ЦНИИГАиК, 2002. – 70 с.
  5. Зинин А.М. и др. Судебная экспертиза [Текст]: учебн. пособие / А.М. Зинин, Н.П. Майлис – М.: Право и закон; Юрайт-издат, 2002. – 320 с.
  6. Инструкция по межеванию [Электронный ресурс]: технические требования. – Введ. 1996–04–08. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901864177>. (30.03.2020).
  7. Ключин Е.Б. и др. Инженерная геодезия [Текст]: учебник для вузов / Е.Б. Ключин, М.И. Киселев, Д.Ш. Михелев, В.Д. Фельдман – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 480 с.
  8. Левчук Г.П. Прикладная геодезия. Основные методы и принципы инженерно-геодезических работ [Текст]: учебник для вузов / Г.П. Левчук, В.Е. Новак, В.Г. Конусов – М.: Недра, 1981–438 с.
  9. Маслов А.В. Способы и точность определения площадей [Текст]: – М.: Геодезиздат, 1995. – 63 с.
  10. Методические рекомендации по проведению межевания объектов землеустройства [Электронный ресурс]: технические требования. – Введ. 2003–02–17. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901949791>. (30.03.2020).
  11. Неумывакин Ю.К. и др. Земельно-кадастровые геодезические работы [Текст]: учебник для вузов / Ю.К. Неумывакин, М.И. Перский – М.: – КолоС, 2005. – 184 с.
  12. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 31 мая 2001 г. N73-ФЗ – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12123142/> (30.03.2020).
  13. Об образовании Местных систем координат муниципальных районов Тюменской области [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Тюменской области. – Введ. – 21.05.2008 г. № 138-п. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/906600619> (30.03.2020).
  14. Об установлении формы карты-плана территории и требований к её подготовке, формы акта согласования местоположения границ земельных участков при выполнении комплексных кадастровых работ и требований к его подготовке [Электронный ресурс]: приказ Министерства экономического развития РФ от 21 ноября 2016 г. № 734 – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102420969&rdk=0&empire=> (30.03.2020).
  15. Об утверждении требований к точности и методам определения координат характерных точек границ земельного участка, требова-
- ний к точности и методам определения координат характерных точек контура здания, сооружения или объекта незавершенного строительства на земельном участке, а также требований к определению площади здания, сооружения и помещения [Электронный ресурс]: приказ Министерства экономического развития РФ от 1 марта 2016 г. № 90 – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71274166/> (30.03.2020).
16. Олейник А.М. Аналитическая подготовка геодезических данных для перенесения границ землепользования на местность: Методические указания. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. – 20 с.
  17. Олейник А.М., Ковкова А.С. Разработка проекта опорной межевой сети на территорию муниципального образования (на примере Чикчинского муниципального образования Тюменского района)/Материалы межрегиональной научно-методической конференции «Аграрная наука в условиях модернизации и инновационного развития АПК России», посвященной 85-летию Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени Д.К. Беляева. Т. 1. – Иваново: ФГБОУ ВО Ивановская ГСХА, 2015. – С. 286–291.
  18. Телицын В.Л., Олейник А.М., Николаев А.Ф. Основы картографии: Учебник. – Тюмень: ТИУ, 2018. – 268 с.
  19. Шаламыгина А.С. Экспертиза земельных участков, границ земельных участков и территории в границах земельного участка как отдельный вид экспертиз [Текст]: судебная экспертиза / А.С. Шаламыгина. – Волгоград: ВА МВД России, 2013, № 1 (33). – 46–52 с.

GEODESIC SECURITY OF JUDICIAL LAND MANAGEMENT EXAMINATION

Oleinik A.M., Podkovyrova M.A., Tolstov V.B.

Industrial University of Tyumen, OOO «Scientific-Production Firm Sphere-T»

The article discusses the stages of the implementation of engineering and geodetic work during the judicial land survey of land plots located on the territory of lands belonging to the category: land of settlements. A technological scheme for performing engineering and geodetic works was developed using the instrumental method (geodetic method, satellite geodetic determination method) for monitoring the boundaries of the object / objects of land surveying expertise and mathematical processing of the results of geodetic measurements. An expert opinion on the results of studies of the boundaries of land.

Keywords: land plot, forensic examination, engineering and geodetic works, accuracy assessment.

References

1. Avakian V.V. Applied geodesy: technologies of engineering and geodetic works. – Moscow: "Amaldanik", 2012. – 330 p.
2. Butyrin A. Yu. Theory and practice of judicial construction and technical expertise [Text]: textbook. manual / A. Yu. Butyrin M: JSC "publishing House "Gorodets", 2006. – 224 p.
3. Genike A. A. et al. Global satellite positioning systems and their application in geodesy. 2nd ed., reprint. and add. [Text]: textbook / A.A. Genike, G.G. Pobedinsky-M.: Kartgeotsentr. – 2004. – 355 p.

4. GCYP (ONTA)-02-262-02. Instructions for the development of shooting justification and shooting the situation and terrain using global navigation satellite systems GLONASS and GPS. Specifications. "Yes," I said. 2002-03-01. – M: Tsnigaik, 2002. – 70 p.
5. Zinin A.M. et al. Forensic examination [Text]: textbook. manual / a.m. Zinin, N. p. Mailis-M.: Law and law; yurayt-izdat, 2002. – 320 p.
6. Instructions for surveying [Electronic resource]: technical requirements. – Introduced 1996-04-08. – access Mode: <http://docs.cntd.ru/document/901864177>. (30.03.2020).
7. Klyushin E. B. et al. Engineering geodesy [Text]: textbook for universities / E.B. Klyushin, M.I. Kiselev, D. sh. Mikhelev, V.D. Feldman-M.: Publishing center "Academy", 2004. – 480 p.
8. Levchuk G.P. Applied geodesy. Basic methods and principles of engineering and geodetic works [Text]: textbook for universities / G. p. Levchuk, V.E. Novak, V.G. Konusov-M.: Nedra, 1981-438 p.
9. Maslov A.V. Methods and accuracy of determining areas [Text]: – Moscow: Geodesizdat, 1995. – 63 p.
10. Methodological recommendations for surveying land management objects [Electronic resource]: technical requirements. "Yes," I said. 2003-02-17. – access Mode: <http://docs.cntd.ru/document/901949791>. (30.03.2020).
11. Neumyvakin Yu. K. and others. Land and cadastral geodetic works [Text]: textbook for universities / Yu.K. Neumyvakin, M.I. Persky-M.: – Kolos, 2005. – 184 p.
12. About the state forensic expert activity in the Russian Federation [Electronic resource]: Feder. law of may 31, 2001 N73-FZ-access Mode: <http://base.garant.ru/12123142/> (30.03.2020).
13. On the formation of Local coordinate systems of municipal districts of the Tyumen region [Electronic resource]: Decree Of the government of the Tyumen region. – Vved. – 21.05.2008 g. № 138-p. – access Mode: <http://docs.cntd.ru/document/906600619> (30.03.2020).
14. About establishment of the form of the map-plan of the territory and requirements to its preparation, the form of the act of approval of the location of borders of land plots when performing complex cadastral works and requirements to its preparation [Electronic resource]: order of the Ministry of economic development of the Russian Federation of November 21, 2016 No. 734-access Mode: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102420969&rdk=0&&empire=> (30.03.2020).
15. About the approval of requirements for accuracy and methods for determining the coordinates of characteristic points of land boundaries, requirements for accuracy and methods for determining the coordinates of characteristic points of the contour of a building, structure or object of unfinished construction on a land plot, as well as requirements for determining the area of a building, structure and premises [Electronic resource]: order of the Ministry of economic development of the Russian Federation dated March 1, 2016 No. 90-access Mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71274166/> (30.03.2020).
16. Oleynik A.M. Analytical preparation of geodetic data for transferring land use boundaries to the terrain: Methodological guidelines. – Tyumen: TSOGU, 2012. – 20 p.
17. Oleynik A. M., Kovkova A.S. Development of the project of the reference boundary network on the territory of the municipality (on the example of the Chikchinsky municipal formation of the Tyumen district)/Materials of the interregional scientific conference "agrarian science in the conditions of modernization and innovative development of agriculture of Russia", dedicated to the 85th anniversary of the Ivanovo state agricultural Academy named after D.K. Belyaev. Vol. 1. – Ivanovo: Ivanovo state agricultural Academy FSBEI, 2015. – P. 286-291.
18. Telitsin V. L., Oliynyk, A. M., Nikolaev, A.F. Fundamentals of cartography: Textbook. – Tyumen: TIU, 2018. – 268 p.
20. Shalamygina A.S. Expertise of land plots, boundaries of land plots and territories within the boundaries of the land plot as a separate type of expertise [Text]: forensic expertise / A.S. Shalamygina. – Volgograd: VA Ministry of internal Affairs of Russia, 2013, № 1 (33). – 46-52 C.

Энергоэффективная экономика и энергетическая безопасность в Соединенных Штатах Америки: экономико-правовые аспекты

Васильченко Анна Ивановна,

канд. юрид. наук, кафедра экономической безопасности,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет
E-mail: vasilcanna@yandex.ru

Целью исследования является изучение опыта Соединенных Штатов Америки в реализации программы повышения энергосбережения и энергоэффективности. США имеют большой опыт в построении энергоэффективной экономики, поскольку необходимость принятия мер, направленных на повышение энергетической эффективности, была продиктована энергетическим кризисом семидесятых годов, в период которого обострилась проблема зависимости страны от энергоресурсов. В статье рассматриваются правовые и экономические меры, применяемые в США в целях обеспечения энергетической и экономической безопасности. Автор говорит о важности эффективного хозяйствования в энергетике как об условии обеспечения экономической безопасности государства. По мнению автора, анализ опыта иностранных государств в сфере энергосбережения может быть полезен в российских условиях, поскольку Россия, как и США, является страной с одной из самых энергоемких экономик мира. В работе используются как общенаучные, так и специальные правовые методы исследования, а именно, системный, логический, диалектический, исторический, сравнительно-правовой, наблюдение и описание, анализ документов и другие общепринятые методы научного познания.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая безопасность, экономическая безопасность, энергетическая эффективность, энергосбережение, зарубежный опыт, энергетическое право.

Общие положения. Энергия является одной из основ существования и развития общества, а важность эффективного и рационального ее использования признается во всем мире. Уже сейчас очень остро стоит вопрос о природных энергетических ресурсах, нехватка которых будет все сильнее ощущаться в недалеком будущем. По данным Международного Энергетического агентства, мировой суточный объем потребления нефти в 2019 году превысил 100 млн баррелей. Если это количество нефти поместить в железнодорожные цистерны, то длина такого состава в 7 раз превысит расстояние от Земли до Луны. При этом себестоимость добычи нефти и газа постоянно растет. «Сжигать нефть – то же самое, что топить печь ассигнациями», – справедливость высказывание Д.И. Менделеева подтверждается и в современных условиях. Проблема разумного, экономного энергопотребления в настоящее время актуальна для всех крупнейших экономик мира. Россия является одной из самых энергоемких экономик мира, на производство одной единицы продукции в России затрачивается в 2, 5 раза больше энергии, чем в среднем в мире [1], поэтому проблема снижения энергозатрат требует скорейшего решения. В последнее десятилетие в России предпринимаются меры по повышению энергетической эффективности экономики, поскольку энергоэффективная экономика необходима для поддержания должного уровня экономической безопасности государства. В Стратегии экономической безопасности такие меры названы в качестве обязательных для нейтрализации угроз устойчивому экономическому развитию [2]. Наше государство делает первые шаги в направлении обеспечения энергосбережения и повышения энергоэффективности, поэтому, на наш взгляд, целесообразно учитывать опыт государств, в которых построение энергоэффективной экономики происходит на протяжении более длительного времени. В числе таких государств – Соединенные Штаты Америки.

Нормативная база. Последствием ряда решений в ходе реализации внешней политики США в 1970-х стал масштабный энергетический кризис, который привел к общенациональному осознанию зависимости Америки от иностранной нефти и к реализации угроз экономической безопасности не только организаций-участников рынка, но и государства в целом. В качестве главной меры по противодействию кризису Конгресс США избрал фор-

мирование нового законодательства. Принятие ключевых нормативных актов, регулирующих деятельность по энергосбережению, стало основой для реализации государственной программы энергосбережения (State energy conservation program – SECP), контроль за которой должен был осуществлять вновь созданный Департамент энергетики США. В настоящее время в США последовательно реализуется государственная энергетическая программа, которая была создана на основе SECP. В число базовых нормативных актов государственной энергетической программы входят:

- Закон об энергетической политике и охране окружающей среды 1975 года [3] – один из самых значимых актов федерального законодательства в области энергосбережения, в рамках которого были приняты программы по содействию энергосбережению в сфере федерального строительства и основных отраслях промышленности во всех штатах.
- Закон об энергосбережении и производстве 1976 года [4] продолжил линию, обозначенную Законом об энергетической политике и энергосбережении 1975 года, установив стимулы для энергосбережения и использования возобновляемых источников энергии, а также предоставив гарантии по займам для реализации программ энергосбережения при проектировании и строительстве.
- Закон о совершенствовании государственных программ в области энергоэффективности 1990 года [5] установил стимулы для штатов к разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение энергоэффективности и инвестиционной привлекательности в сфере альтернативной энергетики.
- Закон об энергетической политике (EPA Act) 1992 года [6] урегулировал вопросы предоставления финансирования Департаментом энергетики для повышения энергосбережения государственными и местными органами власти. EPA Act также признал решающую роль штатов в регулировании вопросов энергосбережения и внедрении новых энергетических технологий, а также расширил полномочия штатов в части разработки энергетической политики. В настоящее время действует редакция EPA Act от 2005 года [7], в которой содержатся положения, касающиеся использования альтернативного топлива и развития инфраструктуры объектов альтернативной энергетики.
- Закон об энергетической независимости и безопасности 2007 года [8] содержит положения, предусматривающие увеличение поставок возобновляемых источников энергии и повышение стандартов экономии топлива до 35 миль на галлон к 2020 году.

Безусловно, государственная энергетическая программа учитывает государственное устройство США. Так, на федеральном уровне установлены рамочные требования и приняты базовые нормативные акты; штатам, в свою очередь, даны

широкие полномочия по выбору инструментов регулирования.

Инструменты обеспечения энергосбережения и повышения энергоэффективности. В 2018 году общее потребление энергии в США достигло рекордного уровня в 101 квадриллион британских тепловых единиц (БТЕ), что примерно на 0,3% выше, чем предыдущий рекордный уровень потребления в 2007 году. Следовательно, для экономики США, как для одной из самых крупных и энергоемких экономик мира, жизненно необходимо реализовывать стратегию энергоэффективности. В настоящее время стратегия повышения энергоэффективности наиболее активно реализуется в таких секторах экономики как жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, строительство, теплоснабжение и когенерация, производство бытовой техники и оборудования. В зависимости от сектора экономики, используются те или иные инструменты повышения энергоэффективности.

Одним из таких инструментов в сфере жилищно-коммунального хозяйства является установление целевых показателей энергоэффективности для предприятий указанной сферы [9]. Полномочия по определению целевых показателей принадлежат штатам; при этом штаты могут устанавливать как объем обязательного ежегодного увеличения экономии энергии в процентах (1% или 2% увеличения экономии каждый год) или 20% экономии в совокупности к 2025 году. Несмотря на то, что установление целевых показателей варьируется от штата к штату, использование такого инструмента вносит существенный вклад в общий энергетический портфель государства. Следует отметить, что на первоначальном этапе обязанность увеличивать расходы на программы повышения энергоэффективности не вызывала поддержки у предприятий, которые непосредственно реализуют основной продукт коммунальных услуг в США – электроэнергию или газ. В то время как переменные издержки коммунального предприятия изменяются пропорционально объему продаж, постоянные издержки, связанные с обслуживанием потребителей, не изменяются. Таким образом, снижение объема продаж ввиду процессов экономии энергоресурсов приводит к снижению выручки. Упущенная выгода делает бизнес менее прибыльным, а само предприятие – менее привлекательным для инвесторов. Наличие указанных факторов дестимулирует предприятия коммунальной сферы, вынуждая не участвовать в программах, которые помогают потребителям более эффективно использовать энергию. По этой причине штаты применяют механизмы, которые созданы для смягчения сдерживающих факторов при инвестировании в повышение энергоэффективности, в виде возмещения прямых затрат на реализацию программы повышения энергоэффективности, компенсации упущенной выгоды либо стимулирования инвестиций в программы повышения энергоэффективности.

Помимо установления целевых показателей энергоэффективности, в качестве правового ин-

струмента повышения энергоэффективности широко используются энергосервисные контракты (energy saving performance contract – ESPC). Энергосервисный контракт представляет собой долгосрочный контракт между энергосервисной компанией и крупным потребителем энергии. Энергосервисная компания – организация, которая проводит энергоаудит, осуществляет планирование и финансирование энергосервисных мероприятий, контролирует установку и эксплуатацию энергосберегающего оборудования, а взамен получает регулярные платежи от обслуживаемой организации, как в виде фиксированных платежей, так и в процентах от достигнутой экономии. Контракт также может содержать условие, согласно которому энергосервисная компания предоставляет гарантию в отношении достижения того или иного уровня экономии энергии.

Следующим распространенным инструментом, применение которого оказывает положительное влияние на экономику энергетики США, являются стандарты энергоэффективности зданий, строений, сооружений. Стандарты разрабатываются двумя организациями: Советом по международным строительным нормам и правилам (International Code Council – ICC) и Американским обществом инженеров по отоплению, охлаждению и кондиционированию воздуха (American Society of Heating, Refrigerating and Air-Conditioning Engineers – ASHRAE). В 1975 году ASHRAE опубликовало Стандарт 90.1 «Энергосбережение при проектировании зданий» [10]. Поскольку в то время не существовало ни одного национального стандарта, указанный стандарт создавался с учетом возможности применения в сфере энергосбережения. В результате Стандарт 90.1, который регулярно обновляется, был широко принят в качестве набора эталонных требований, предъявляемых к энергоэффективности зданий. EPAct 1992 обязал все штаты принять энергетические кодексы, устанавливающие требования энергоэффективности для коммерческой и жилой недвижимости, нормы которых должны были соответствовать стандарту ASHRAE. Однако в 1994 году был учрежден Совет по международным строительным нормам и правилам (International Code Council – ICC) в качестве «некоммерческой организации для разработки единого набора комплексных и согласованных национальных строительных норм и правил» [11]. Четыре года спустя Совет по международным строительным нормам и правилам принял первую редакцию Международного кодекса энергосбережения (International Energy Conservation Code – IECC). На данный момент действует IECC в редакции 2018 года. Анализирует реализацию штатами энергетической политики другая общественная организация – в частности, специально учрежденная в 1980 году некоммерческая организация – Американский совет по энергоэффективной экономике (American council for energy-efficient economy – ACEEE) [12]. ACEEE осуществляет аналитическую и консультационную деятельность, со-

трудничает с бизнесом, чиновниками, общественными и другими организациями, проводит конференции и семинары для специалистов. Следует отметить, что общественным организациям в построении энергоэффективной экономики США отведена существенная роль. Те или иные решения в сфере энергетической политики зачастую принимаются штатами на основе консультаций и докладов некоммерческих организаций.

В настоящее время каждый штат вправе выбрать: принять стандарт, предложенный ICC или ASHRAE либо разработать собственный как в отношении коммерческих, так и жилых строений, в том числе установить требования, превышающие требования стандартов ASHRAE и ICC. По состоянию на декабрь 2019 года стандарты энергоэффективности в строительстве введены в действие во всех штатах, кроме Аляски и Миссисипи [13]. По данным Американского совета по энергосберегающим технологиям, введение новых стандартов энергоэффективности в строительстве к 2019 году позволило сократить потребление энергии примерно на 40% по сравнению с показателями 2000 года [14].

В качестве инструмента, стимулирующего граждан и организации выполнять требования энергосбережения, широко применяется программа «Энерджи Стар» (The Energy star). «Энерджи стар» – это совместная программа Агентства по охране окружающей среды США и Департамента энергетики США, в рамках которой осуществляется добровольная сертификация и маркировка товаров, зданий, строений, сооружений. Агентство по охране окружающей среды США аккредитует организации, которые осуществляют независимую экспертизу объектов на предмет соответствия требованиям энергосбережения. В свою очередь, физические или юридические лица вправе участвовать в программе и добровольно представлять на экспертизу объекты. В случае, если экспертом будет установлено соответствие объекта требованиям, объект маркируется графическим изображением – зарегистрированным товарным знаком «Энерджи стар». В настоящее время к программе «Энерджи стар» присоединилась Канада, Австралия, Новая Зеландия, Евросоюз. Наличие маркировки «Энерджи стар» является конкурентным преимуществом, так как в США активно пропагандируется экономное энергопотребление и товар, произведенный с применением новейших энергосберегающих технологий является наиболее предпочтительным. Кроме того, участие в программе благоприятно сказывается на деловой репутации организаций и в ряде штатов дает право на получение налоговых льгот. По данным официального сайта программы, более 800 предприятий коммунальной сферы, органов власти штатов и местных органов власти, а также некоммерческих организаций используют «Энерджи стар» в целях повышения эффективности. В целом по стране предприятия коммунальной сферы в 2018 инвестировали 8 млрд долл. США в программы повышения энергоэффективности [15].

Вывод. Соединенные Штаты Америки добились значительного повышения уровня энергоэффективности за годы, прошедшие после энергетического кризиса семидесятых. За это время была построена и апробирована система инструментов энергосбережения и повышения энергоэффективности на федеральном уровне, уровне штатов и местном уровне, среди которых требования к энергоэффективности зданий, строений, сооружений, нормы экономии топлива, а также стандарты производства оборудования и электроприборов. Так, в 2010 году в результате мер по энергосбережению была сохранена электроэнергия в объеме 113 тераватт/час, а в 2018 – уже 198 тераватт/час [16]. Большинство штатов внедрили программы повышения энергоэффективности в сфере электроэнергетики и газовой сфере, что также позволяет достигать экономии и повышать инвестиционную привлекательность указанных отраслей. Отличительной чертой процесса реализации программы энергосбережения в США является то, что этот процесс сопровождается работой над повышением уровня культуры энергопотребления среди граждан и предпринимательского сообщества. В построение энергоэффективной экономики активно вовлекаются общественные организации, ведется пропаганда и стимулирование экономного потребления. Сочетание правовых и экономических мер дало результат в виде постепенного повышения уровня экономии энергии, что позволяет на данный момент оценивать опыт США в построении энергоэффективной экономики как положительный. Такая программа энергоэффективности соответствует государственному устройству и особенностям общественного уклада США, поэтому слепое ее копирование в России не приведет к должному результату. Однако, нельзя забывать, что между экономической безопасностью государства и его отношением к расходованию энергоресурсов существует прямая связь, и анализ иностранного опыта борьбы с последствиями экономического кризиса, обусловленного в определенной степени ресурсозависимостью, бесспорно, способствует построению модели повышения энергосбережения, которая будет эффективна для нашего государства.

Литература

1. Статистический ежегодник мировой энергетики 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html> (дата обращения: 15.03.2020).
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N20 ст. 2902.
3. Закон об энергетической политике и охране окружающей среды 1975 года. The Energy Policy and Conservation Act of 1975 (P.L. 94–163) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-845/pdf/COMPS-845.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
4. Закон об энергосбережении и производстве 1976 года. The Energy Conservation and Production Act of 1976 (P.L. 94–385) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Energy%20Conservation%20And%20Production%20Act.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Закон о совершенствовании государственных программ в области энергоэффективности 1990 года. The State Energy Efficiency Programs Improvement Act of 1990 (P.L. 101–440) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg1006.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
6. Закон об энергетической политике (EPAAct) 1992 года. The Energy Policy Act (EPAAct) of 1992 (P.L. 102–486) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://afdc.energy.gov/files/pdfs/2527.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
7. Закон об энергетической политике (EPAAct) 2005 года. The Energy Policy Act (EPAAct) of 2005 (P.L. 109–58) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ferc.gov/enforcement/enforceres/EPAAct2005.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
8. Закон об энергетической независимости и безопасности 2007 года. The Energy Independence and Security Act of 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ140/pdf/PLAW-110publ140.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Официальный сайт Американского совета по энергоэффективной экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://database.aceee.org/state/energy-efficiency-resource-standards> (дата обращения: 15.03.2020).
10. Jarnagin, Ron. «Energy profile: Where have we been, and where are we headed?» Consulting Specifying Engineer, Dec. 01. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://m.csemag.com/index.php?id=2832&tx_ttnews\[tt_news\]=40209&cHash=28f2450f4c1b15c4f5086ac882f7be6a](http://m.csemag.com/index.php?id=2832&tx_ttnews[tt_news]=40209&cHash=28f2450f4c1b15c4f5086ac882f7be6a). (дата обращения: 15.03.2020).
11. Официальный сайт Американского национального института стандартизации (American national standards institute) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.standardsportal.org/usa_en/sdo/icc.aspx (дата обращения: 15.03.2020).
12. Официальный сайт Американского совета по энергоэффективной экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aceee.org/about-us> (дата обращения: 15.03.2020).
13. Официальный сайт Департамента энергетики США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.energycodes.gov/> (дата обращения: 15.03.2020).
14. Официальный сайт Американского совета по энергоэффективной экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aceee.org/>

aceee.org/program/state-policy (дата обращения: 15.03.2020).

15. Официальный сайт программы «Энерджи стар» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.energystar.gov/about/origins_mission/energy_star_numbers (дата обращения: 15.03.2020).
16. Официальный сайт национального управления информации в сфере энергетики [Электронный ресурс].

AN ENERGY EFFICIENT ECONOMY AND ENERGY SECURITY IN THE UNITED STATES: ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

Vasilchenko A.I.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article deals with the experience of the United States of America in application some measures to increase energy efficiency and save energy resources. The United States has an extensive experience in building an energy-efficient economy, because in seventies the US faced with energy crisis that highlighted the problem of the national dependence on energy resources. The article discusses the legal and economic measures used in the United States to ensure energy and economic security. The author talks about the importance of efficient management in the energy sector as a condition for ensuring the economic security. The author uses both general scientific and special legal research methods, systemic, logical, dialectic, historical, comparative legal, observation and description, analysis of documents and other generally accepted methods of scientific knowledge.

Keywords: energy, energy security, economic security, energy efficiency, energy conservation, foreign experience, energy law.

References

1. Statistical Yearbook of World Energy 2019 [Electronic resource]. Access mode: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html> (accessed date: 03/15/2020).
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 N208 "On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period until 2030" // Collection of laws of the Russian Federation of May 15, 2017 N20 of Art. 2902.
3. The Law on Energy Policy and Environmental Protection, 1975. The Energy Policy and Conservation Act of 1975 (P.L. 94–163) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-845/pdf/COMPS-845.pdf> (accessed: 03.15.2020).

4. The law on energy conservation and production of 1976. The Energy Conservation and Production Act of 1976 (P.L. 94–385) [Electronic resource]. Access mode: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Energy%20Conservation%20And%20Production%20Act.pdf> (accessed 15.03.2020).
5. The law on improving state programs in the field of energy efficiency of 1990. The State Energy Efficiency Programs Improvement Act of 1990 (P.L. 101–440) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg1006.pdf> (access date: 03/15/2020).
6. Energy Policy Act (EPAcT) of 1992. The Energy Policy Act (EPAcT) of 1992 (P.L. 102–486) [Electronic resource]. Access mode: <https://afdc.energy.gov/files/pdfs/2527.pdf> (accessed March 15, 2020).
7. Energy Policy Act (EPAcT) 2005. The Energy Policy Act (EPAcT) of 2005 (P.L. 109–58) [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ferc.gov/enforcement/enforce-res/EPAcT2005.pdf> (access date: 03/15/2020).
8. The Energy Independence and Security Act 2007. The Energy Independence and Security Act of 2007 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ140/pdf/PLAW-110publ140.pdf> (accessed: 03/15/2020).
9. Official site of the American Council on an energy-efficient economy [Electronic resource]. Access mode: <https://database.aceee.org/state/energy-efficiency-resource-standards> (accessed: 03/15/2020).
10. Jarnagin, Ron. "Energy profile: Where have we been, and where are we headed?" Consulting Specifying Engineer, Dec. 01. 2010. [Electronic resource]. Access mode: [http://m.csemag.com/index.php?id=2832&tx_ttnews\[tt_news\]=40209&cHash=28f2450f4c1b15c4f5086ac882f7be6a](http://m.csemag.com/index.php?id=2832&tx_ttnews[tt_news]=40209&cHash=28f2450f4c1b15c4f5086ac882f7be6a). (Date of treatment: 03/15/2020).
11. The official website of the American National Standards Institute (American national standards institute) [Electronic resource]. Access mode: https://www.standardsportal.org/usa_en/sdo/icc.aspx (accessed March 15, 2020).
12. Official site of the American Council on an energy-efficient economy [Electronic resource]. Access mode: <https://www.aceee.org/about-us> (accessed date: 03/15/2020).
13. The official website of the US Department of Energy [Electronic resource]. Access mode: <https://www.energycodes.gov/> (access date: 03/15/2020).
14. Official site of the American Council on an energy-efficient economy [Electronic resource]. Access mode: <https://www.aceee.org/program/state-policy> (accessed date: 03/15/2020).
15. The official website of the Energy Star program [Electronic resource]. Access mode: https://www.energystar.gov/about/origins_mission/energy_star_numbers (accessed: 03/15/2020).
16. The official site of the national energy information management [Electronic resource].

Проблемы правового регулирования основания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Васягина Марина Михайловна,

канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России)
E-mail: wasjagina_mm@mail.ru

В статье рассмотрены проблемные и дискуссионные аспекты применения основания для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Автор предлагает закрепить в ч. 1 ст. 79 УК РФ исправление осужденного в качестве обязательного основания для его условно-досрочного освобождения. В работе обоснован вывод о недопустимости передачи полномочий по условно-досрочному освобождению из компетенции суда в общественные наблюдательные комиссии.

Ключевые слова: уголовное наказание, условно-досрочное освобождение, основания, суд, осужденный.

Институт условно-досрочного освобождения – это один из важных и широко применяемых институтов российского права. За последние 5 лет судами было рассмотрено 584 334 ходатайства осужденных об условно-досрочном освобождении, в среднем ежегодно за тот же период судами было условно-досрочно освобождено 51 тыс. осужденных, т.е. ежегодно освобождается по основаниям, предусмотренным ст. 79 УК РФ около 8,8% от общего количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы. При этом общее количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы существенно сокращается: за последние 5 лет на 15,4%. Вместе с сокращением общего числа осужденных сокращается и количество подаваемых ежегодно обращений об условно-досрочном освобождении: за 5 лет на 24,7%. Несколько выросла (с 41% до 49,4%) доля удовлетворяемых ходатайств об условно-досрочном освобождении [1].

Приведем также финансовые показатели работы Федеральной службы исполнения наказания за последние 5 лет: расходы федерального бюджета на содержание системы органов ФСИН выросли на 10,8% (с 276 до 305,7 млрд руб.). В целом по объемам бюджетного финансирования ФСИН РФ занимает шестое место среди всех ведомств и третье среди силовых органов. В 2017 г. в пересчете на одного осужденного расходы государства составили примерно 400 тыс. руб. в год [2]. Данные цифры свидетельствуют о необходимости совершенствования института условно-досрочного освобождения, который позволяет сократить расходы государства по контролю за отбыванием наказания теми осужденными, которые не представляют общественной опасности в силу своего исправления и действий по возмещению причиненного преступлением ущерба.

Ст. 79 УК РФ закрепляет ряд обстоятельств, одновременное наличие которых является основанием для принятия судом решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. К ним отнесены:

- 1) признание судом того, что для исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного ему наказания;
- 2) полное или частичное возмещение осужденным причиненного преступлением вреда, определенного решением суда;

3) фактическое отбытие осужденным определенной законом доли срока наказания, которая должна быть не меньше 6 месяцев.

Рассмотрим содержание первых двух оснований и проблемы, возникающие при их применении.

Первое основание для условно-досрочного освобождения сформулировано в ч. 1 ст. 79 УК РФ следующим образом: признание судом того, что «для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания». В судебных решениях используется также схожая формулировка «лицо встало на путь исправления и не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» [3].

Данная формулировка справедливо критикуется в научной литературе. Например, И.И. Евтушенко обращает внимание на то, что в этом основании не закреплена необходимость исправления (или значительного прогресса на пути к исправлению) осужденного на момент принятия решения об его условно-досрочном освобождении [4]. Д.А. Щерба также указывает на то, что окончательное достижение цели уголовной ответственности по смыслу ч. 1 ст. 79 УК РФ необходимо не до, а после условно-досрочного освобождения [5]. Согласимся с мнением ученых. Действительно, использование в формулировке основания фразы «для исправления не нуждается» означает незавершенность данного процесса на момент принятия решения об условно-досрочном освобождении. Это означает, что на момент освобождения осужденного цель наказания – исправление осужденного, оказывается недостигнутой. При этом, очевидно, что после условно-досрочного освобождения осуществление исправительного воздействия на осужденного законом не предусмотрено. Таким образом, буквальное толкование ч. 1 ст. 79 УК РФ означает, что институт условно-досрочного освобождения противоречит ч. 2 ст. 43 УК РФ, закрепляющей цели наказания.

Считаем, что данное противоречие необходимо устранить, закрепив в ч. 1 ст. 79 УК РФ в качестве обязательного основания для условно-досрочного освобождения исправление осужденного. Для этого в ч. 1 ст. 79 УК РФ фразу «если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» необходимо заменить на: «если судом будет признано, что осужденный исправился и не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания».

Дополнительную сложность в толковании рассматриваемого основания придает и отсутствие четких критериев оценки степени исправления осужденного. В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ под исправлением осужденного следует понимать «формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Как видим, данное понятие определяет не итог деятель-

ности по исправлению, а его процесс – на это указывает использование в определении глаголов «формировать» и «стимулировать». Однако, данное определение позволяет выделить признаки, характеризующие цель процесса исправления – исправившийся осужденный уважительно относится к охраняемым законом ценностям, действующим в обществе нормам, правилам, традициям и его поведения является правопослушным.

Очевидно, что оценить степень исправления осужденного можно только посредством оценки его поведения. Критерии такой оценки раскрывает ч. 4.1 ст. 79 УК РФ: поведение осужденного, его отношение к труду и учебе во время отбывания наказания, наличие у него поощрений и взысканий, отношение осужденного к совершенному преступному деянию, степень возмещения, заглаживания причиненного вреда. Подлежит учету также позиция органов и должностных лиц, исполняющих наказание, о степени исправления осужденного и целесообразности (наличия оснований) его условно-досрочного освобождения.

Вторым основанием для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания закон в ч. 1 ст. 79 УК РФ называет полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, в размере, установленном решением суда. В ч. 4.1 ст. 79 УК РФ в числе обстоятельств, подлежащих учету судом при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении, названо частичное или полное возмещение причиненного ущерба или совершенное иным образом заглаживание вреда, причиненного преступлением.

В научной литературе данное основание критикуется за его недостаточную конкретизированность в законодательстве. Так, А.И. Дроздов, А.В. Орлов задаются следующим вопросом, можно ли сам факт начала возмещения вреда (независимо от размера фактически выплаченной суммы) рассматривать как достаточное основание для условно-досрочного освобождения. Авторы отвечают на него отрицательно и считают необходимым законодательное закрепление конкретного минимального размера возмещения вреда, который необходимо возместить осужденному для получения права на условно-досрочное освобождение [6]. Далее, ученые обращают внимание на то, что рассматриваемое условие ставит осужденных в неравные условия, т.к. по преступлениям экономической и коррупционной направленности, как правило, устанавливаются наибольшие размеры вреда, а по ряду тяжких и особо тяжких преступлений, например, в сфере оборота наркотиков, размеры исков о возмещении материального ущерба минимальные или вообще гражданские иски не подаются. Также не учитывают формулировки закона и то обстоятельство, сам ли осужденный производил выплаты или за него родственники выплатили сумму иска.

Действительно, нередко на практике возникают ситуации, когда осужденный в течение

нескольких лет работал и изо всех сил старался возместить причиненный преступлением ущерб, но сумел «погасить» лишь 10–15% иска [7]. Тем более, что во многих исправительных учреждениях либо отсутствует возможность для трудоустройства для некоторой части осужденных, либо осужденные, трудоустроенные администрацией, зарабатывают настолько незначительные суммы, что невозможно за их счет существенно возместить ущерб.

Мы не согласны с позицией А.И. Дроздова, А.В. Орлова о необходимости конкретизации закона в части установления конкретных критериев расчета минимального размера возмещения ущерба, необходимого для возникновения у осужденного права на условно-досрочное освобождение. Проиллюстрированное выше различие материального положения осужденных, условий, в которых они отбывают наказания, свидетельствует о том, что установление наличия вышеуказанного условия должно находиться в компетенции суда, который обязан будет учесть все вышеуказанные особенности. На данной позиции основаны и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления от 21 апреля 2009 г. № 8: «Если в судебном заседании установлено, что осужденным принимались меры к возмещению причиненного преступлением вреда (материального ущерба и морального вреда), однако в силу объективных причин вред возмещен лишь в незначительном размере, то суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания только на этом основании» [8].

Анализ судебной практики показал, что суды субъектов РФ и Верховный Суд РФ выступают против формального подхода при оценке размера возмещенного преступлением вреда для принятия решения об условно-досрочном освобождении. Так, например, Волжский районный суд Самарской области 20 мая 2016 г. отказал в условно-досрочном освобождении М.В.В., указав на наличие непогашенного материального иска. Президиум Самарского областного суда данное решение отменил, направил дело на новое рассмотрение, сославшись на п. 7 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ и указав, что осужденный «трудоустроен на должность «формовщик изделий из вспенивающихся материалов». К труду относится добросовестно. К работам по благоустройству территории учреждения, без оплаты труда в соответствии со ст. 106 УИК РФ относится добросовестно, выполняет в полном объеме. ... Имеет два исполнительных листа на общую сумму 251 193 рубля, погашено 5585 рублей 81 копейка» [9]. Таким образом, как мы видим погашение лишь 2% от размера вреда, установленного судом, не препятствует условно-досрочному освобождению, если поведение осужденного свидетельствует о принятии им мер к возмещению причиненного вреда.

Президиум Нижегородского областного суда отменил решение Борского городского суда Нижегородской области, который отказал в удовлетворении ходатайства осужденного лишь на том основании, что из общей суммы 408 тыс. гражданского иска из зарплаты осужденного взыскано лишь 28572 руб. По мнению кассационной инстанции данный факт сам по себе не препятствует условно-досрочному освобождению, нижестоящий суд обязан был исследовать в целом сведения о поведении осужденного, чтобы сделать вывод о наличии оснований для применения положений ст. 79 УК РФ [10].

Вместе с тем, если осужденный, получающий зарплату в исправительном учреждении не выплачивает средства в пользу потерпевшего по гражданскому иску, это является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении. Например, на данное обстоятельство сослались Волосовский районный суд Ленинградской области 14 мая 2013 г. и Кежемский районный суд Красноярского края 15 февраля 2013 г., отказывая в удовлетворении ходатайств об условно-досрочном освобождении осужденных Ш. и М. [11] Тем более рассматриваемое условие должно считаться несоблюденным, если осужденный уличается в умышленном уклонении от погашения иска (например, он скрывает имущество, доходы, уклоняется от работы и т.д.). Эти факты должны служить препятствием к условно-досрочному освобождению. В качестве примера приведем дело в отношении осужденного Г. Как было установлено 20 августа 2018 г. Емельяновским районным судом Красноярского края осужденный уклоняется от работы, с заявлением о трудоустройстве в администрацию исправительной колонии не обращался. Как пояснил Г. в судебном заседании, иски он намерен выплачивать после освобождения. В результате суды первой и апелляционной инстанции пришли к обоснованному выводу об отсутствии законных оснований для условно-досрочного освобождения Г. [12]

В завершение отметим, что на IX Всероссийском съезде судей, прошедшем 8 декабря 2016 г. № 1 [13] было внесено предложение передать наблюдательным комиссиям в субъектах РФ полномочия судов общей юрисдикции по принятию решений об условно-досрочном освобождении. В обоснование данной идеи судьи ссылаются, во-первых, на необходимость учета при решении данного вопроса не только правовых, но и социальных последствий данного решения, во-вторых, на необходимость расширить участие общественности (общественный контроль) в решении вопросов обоснованности дальнейшего нахождения осужденного в местах отбывания наказания; в-третьих, на важность снижения служебной нагрузки судей. Все приведенные доводы мы считаем неубедительными.

Мы считаем недопустимой передачу исключительно важных для достижения целей наказания

полномочий из компетенции суда общественным наблюдательным комиссиям. Именно в судебном заседании создаются оптимальные условия, обеспечивающие открытое, независимое и защищенное от коррупционного влияния рассмотрение всех обстоятельств, характеризующих степень исправления осужденного, и установление всех предусмотренных законом оснований и условий для принятия решения об условно-досрочном освобождении. На наш взгляд, полномочия, влияющие на исполнение приговора и определение срока отбывания наказания, должны находиться в исключительной компетенции суда.

Литература

1. Число лиц, содержащихся в местах лишения свободы (2000–2018 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/10–11.doc> (дата обращения 03.04.2020 г.); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5ю> (дата обращения 03.04.2020)
2. Расходная часть федерального бюджета Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsin.su/budget/rashod.php> (дата обращения 03.04.2020)
3. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 21.08.2017 № 44у-106/2017 // Документ официально опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
4. Евтушенко И.И. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация: монография. Волгоград, 2005. С. 59.
5. Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2007. С. 15.
6. Дроздов А.И., Орлов А.В. Условно-досрочное освобождение: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 141; Ефимов М.А. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким. М., 1981. С. 7.
7. Теслова Е. Условно-досрочное освобождение привяжут к возмещению ущерба // Известия. 2013. 22 октября.
8. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 // Российская газета. 2019. № 75.
9. Постановление Президиума Самарского областного суда от 15.12.2016 № 44у-225/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

[regular/doc/6QwKCVcphbWJ/](https://sudact.ru/regular/doc/6QwKCVcphbWJ/) (дата обращения 03.04.2020)

10. Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 01.11.2017 N44У-146/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eu33EXN9O3J4/> (дата обращения 03.04.2020)
11. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 8. С. 27.
12. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 20 декабря 2018 г. по делу № 22–7713/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ow58HZUq7vHl/> (дата обращения 03.04.2020)
13. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 1 // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 1. С. 27.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF GROUNDS FOR CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM SERVING A SENTENCE

Vasyagina M.M.

Central Volga Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice)

The article deals with the problematic and debatable aspects of applying the grounds for parole from serving a sentence. The author proposes to fix the correction of a convicted person in part 1 of article 79 of the criminal code as a mandatory basis for his conditional early release. The paper substantiates the conclusion that it is unacceptable to transfer the powers of parole from the jurisdiction of the court to public monitoring commissions.

Keywords: criminal punishment, parole, grounds, court, convicted person.

References

1. The number of persons held in places of deprivation of liberty (2000–2018 years) [Electronic resource]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/10–11.doc> (accessed 03.04.2020); Summary statistics on the activities of Federal courts of General jurisdiction and justices of the peace for 2014–2018. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5ю> (accessed 03.04.2020)
2. Expenditure part of the Federal budget of the Federal penitentiary service [Electronic resource]. URL: <http://www.fsin.su/budget/rashod.php> (accessed 03.04.2020)
3. Resolution of the Presidium of the Khabarovsk regional court of 21.08.2017 No. 44u-106/2017 // The document was not officially published. Access from the legal reference system “Consultant Plus”.
4. Yevtushenko I.I. Parole of convicted persons to imprisonment and their resocialization: monograph. Volgograd, 2005. P. 59.
5. Shcherba D.A. Parole from serving a sentence: questions of theory and practice: autoref. Diss. ... Cand. the faculty of law. Sciences. Khabarovsk, 2007. P. 15.
6. Drozdov A. I., Orlov A.V. Parole: criminal-legal and criminal-Executive aspects // Current problems of Russian law. 2017. no. 12. P. 141; Efimov M.A. Conditional early release from punishment and replacement of the unserved part of the punishment with a more lenient one. M., 1981. P. 7.
7. Teslova E. Conditional early release will be tied to compensation for damages // News. 2013. October 22.
8. On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacement of the unserved part of the sentence with

- a milder type of punishment: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.04.2009 No. 8 // Russian newspaper. 2019. № 75.
9. Resolution of the Presidium of the Samara regional court of 15.12.2016 No. 44u-225/2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6QwKCVcphbWJ/> (accessed 03.04.2020)
  10. Resolution of the Presidium of the Nizhny Novgorod regional court of 01.11.2017 N44U-146/2017 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eu33EXN9O3J4/> (accessed 03.04.2020)
  11. Review of judicial practice of conditional early release from serving a sentence (approved Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.04.2014) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. no. 8. P. 27.
  12. Appeal decision of the Krasnoyarsk regional court of December 20, 2018 in case No. 22–7713 / 2018 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ow58HZUq7vHI/> (accessed 03.04.2020)
  13. On the main results of the functioning of the judicial system of the Russian Federation and the priority directions of its development at the current stage: Resolution of the IX all-Russian Congress of judges of 08.12.2016 No. 1 // Bulletin of the Higher qualification Board of judges of the Russian Federation, 2017, no. 1, P. 27.

Уголовная ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность

Воробьев Александр Сергеевич,

аспирант, кафедра уголовно-процессуального права и криминалистики, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста РФ), адвокат Московской городской коллегии адвокатов «Насимов и партнеры»
E-mail: advokat_lex@bk.ru

В статье автор исследует проблему вмешательства в адвокатскую деятельность при осуществлении защиты по уголовным делам. На основании доктринальных источников и статистических данных обосновывается актуальность указанной проблемы. По мнению автора, а также ряда ученых в настоящее время гарантии независимости адвоката недостаточно, что приводит к практикам вмешательства в адвокатскую деятельность с целью противодействия осуществлению надлежащей защиты. Для решения поднятой проблемы предлагается криминализовать вмешательство в любой форме в адвокатскую деятельность по аналогии с уголовной ответственностью за вмешательство в деятельность суда, прокурора, следователя и дознавателя.

Ключевые слова: адвокат, гарантии независимости адвоката, право на защиту, юридическая помощь.

Обеспечение граждан квалифицированной юридической помощью является обязательством государства на основании статьи 48 Конституции Российской Федерации РФ. При этом в любой сделке сторонам необходимо понимать содержание взаимных обязательств друг перед другом, чтобы каждой стороне достигнуть целей сделки. Юридическая помощь – это значимое социальное благо как для населения, так и для государства. В связи с этим возникает уместный вопрос: а каким образом государство должно обеспечить реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь? Попробуем ответить на этот вопрос.

Социологи права отмечают, что ни одно государство в современном мире не может обойтись без корпуса профессиональных юристов, благодаря деятельности которых обеспечивается существование «базовых правовых институтов, таких как уголовная ответственность, договоры и собственность» [2, с. 5]. Действительно, общественные отношения в 21 веке настолько сложные, что их регулирование и нормальное развитие невозможно без нормативной базы и соответствующих профессиональных людей. Применительно института квалифицированной юридической помощи, то здесь сфера интересов общества и государства. Гражданам юридическая помощь может потребоваться в силу решения бытовых споров, уголовного преследования и т.п., а государству необходимо надлежащие функционирование правовых систем для обеспечения жизнедеятельности. Институт адвокатуры и адвокатской деятельности является как бы агентом между обществом и государством, который реализует права и запросы одних и вторых.

Уголовная правоприменительная практика является конфликтной средой, где интересы государства и частных граждан пересекаются (в случае уголовного преследования). При этом, необходимо констатировать, что в настоящее время встречаются случаи вмешательства в адвокатскую деятельность при осуществлении защиты по уголовным делам в целях воспрепятствования надлежащей защиты. В научной литературе высказываются различные точки зрения на проблему давления на адвокатов со стороны должностных лиц. По мнению Ю.И. Стецовского беззаконие в отношении адвоката ставит под угрозу обеспечение доступа к правосудию и других прав. [7, с. 25]. Ю.П. Соловьева в своей статье приводит многочисленные способы нарушений прав адвокатов [8]. Н.А. Колоколов делает вывод о том, что в обществе преобладают негативные убеждения, выражающиеся в мнении о том, что адвокаты явля-

ются пособниками преступников [4]. Как справедливо отмечает М.В. Ходилина в диссертационном исследовании отмечает о недостаточных гарантиях прав адвокатов [9, с. 43].

Согласно данным Совета ФПА РФ за 2017–2019 гг., в отчетном периоде выросло количество нарушений профессиональной тайны адвокатов. Незаконные вызовы адвокатов на допрос в 2017 г. составили 168 случаев, в 2018 г. – 223 случая (+55), выросло число незаконных обысков в жилых (служебных) помещениях адвокатов с 34 – в 2017 г. до 40 – в 2018 г. [1] При этом количество обращений адвокатов в правоохранительные органы и суды с каждым годом увеличивается: 2231 в 2017 г., 3212 в 2018 г [1].

Как видно из отчета ФПА и представленных мнений, проблема вмешательства в адвокатскую деятельность при осуществлении защиты по уголовным делам является достаточно актуальной. Незаконные обыски, вызовы на допросы, возбуждение уголовных дел наносят серьезный урон адвокатской деятельности, тем самым лишая доверителей получить юридическую помощь и обеспечить доступ к правосудию. То обстоятельство, что в настоящее время отсутствует уголовная ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность нивелирует значение института квалифицированной юридической помощи по уголовным делам. При этом тот факт, что должностные лица, производящие незаконные процессуальные действия в отношении адвокатов при последующем признании незаконности этих действий не несут никакой ответственности, не может не удивлять. При этом такая практика продолжается на протяжении 18 лет с момента принятия Закона об адвокатской деятельности. Как установлено в п. 3 ст. 2 Федерального Закона об адвокатской деятельности государство обязано обеспечивать гарантии независимости адвокатской деятельности. Статьей 18 Закона об адвокатской деятельности предусмотрены основные гарантии независимости адвокатской деятельности, согласно которой запрещено какое-либо вмешательство в адвокатскую деятельность. При этом никаких реальных защитных механизмов в действующем законодательстве не предусмотрено.

Полагаем, что отсутствие уголовной ответственности за вмешательство в деятельность адвоката говорит о декларативности гарантий независимости адвоката. Как отмечают исследователи, в ряде государств постсоветского пространства (Республика Литва, Кыргызская Республика, Украина, Республика Казахстан) [5, с. 189] в законодательстве об адвокатуре закреплены не только гарантии независимости адвокатов, но и ответственность за создание препятствий законной адвокатской деятельности. По мнению ряда ученых прогрессивным является законодательство Республики Казахстан. Как справедливо отмечает С.П. Фурлет, что в Республике Казахстан адвокатская деятельность в уголовном кодексе рассматривается как часть правосудия, соответственно

вмешательство в адвокатскую деятельность равно совершению преступления против правосудия [8]. Далее автор в своем исследовании приводит позитивные последствия введения уголовной и административной ответственности за вмешательство в адвокатскую деятельность в республике Казахстан, связанные с снижением случаев незаконного вмешательства должностных лиц в деятельность адвокатов, а также повышения эффективности защиты прав и свобод доверителей при оказании юридической помощи [8].

По нашему мнению, вмешательство в деятельность адвоката необходимо криминализовать. Например, А.В. Рагулин в качестве паровых мер предлагает внести в Уголовный кодекс «Статью 294.1. Незаконное воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката либо незаконное вмешательство в эту деятельность» [5, с. 372]. Полагаем, что необходимо внести изменения в статью 294 Уголовного кодекса РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования.

Объектом преступлений по этой статье, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом (ч. 1), а также деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование уголовных дел и надзор за ним (ч. 2) [3]. Объективная сторона преступлений характеризуется как вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда, прокуратуры и органов предварительного расследования. Стоит отметить, что реализация процессуальных прав не является преступным деянием в соответствии с указанной статьей. Данное преступление по конструкции состава является формальным, то есть оконченным с момента совершения оказанных действий, независимо от наступления последствий. Субъектом данных преступлений может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона характеризуется наличием прямого умысла и специальной цели – воспрепятствование осуществлению правосудия [3].

Согласно анализу санкций данных преступлений указанные деяния без отягчающих признаков являются преступлениями небольшой тяжести. В случае совершения преступления с использованием служебного положения, то максимальное наказание в виде лишения свободы увеличивается до трех лет, что является преступлением средней тяжести.

Таким образом, мы считаем, что необходимо внести изменения в статью 294 Уголовного кодекса РФ, добавив статью 2.1, предусматривающую уголовную ответственность за вмешательство в деятельность адвоката. Для этого статью изложить в следующей редакции:

1. УК РФ статья 294. Воспрепятствование осуществлению правосудия, производству предварительного расследования и адвокатской деятельности.

2. Часть 2.1: «Вмешательство в какой бы то ни было форме в адвокатскую деятельность в целях воспрепятствования оказания квалифицированной юридической помощи наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев».
3. В часть 3 статьи 294 внести следующие изменения: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй и второй со значком один настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения...».

По нашему мнению, указанные изменения будут являться реальным обеспечением независимости прав адвокатов и создадут дополнительные правовые барьеры для третьих лиц, имеющих умысел на воспрепятствование адвокатской деятельности.

Литература

1. Отчет «О деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апреля 2017 года по апрель 2019 года» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации: <https://parf.ru> (дата обращения – 01 апреля 2020 г.).
2. Бочаров Т. Моисеева Е. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии // Тимур Бочаров, Екатерина Моисеева. – изд 2-е испр. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 278 с.
3. Бриллиантов А.В., Галахова А.В., Давыдов В.А. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. 278 с. // СПС «Консультант Плюс».
4. Колоколов Н.А. Вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля: критерии законности // Адвокатская практика. 2016. N5. С. 3–7. СПС «Консультант Плюс».
5. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики Дис. ... док. юрид. наук. Москва, 2015. – 462 с.
6. Соловьева Ю.И. Проблемы реализации профессиональных прав адвокатов // Адвокат. 2016. N8. С. 5–13. // СПС «Консультант Плюс».

7. Стецовский Ю.И. Защита адвоката от уголовного преследования // Адвокат. 2007. N 9. – 2 с.
8. Фурлет С.П. Об уголовной и административной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвокатов в Республике Казахстан // Адвокатская практика. 2016. N3. С. 59–64. // СПС «Консультант Плюс».
9. Ходилина М.В. Правовая позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации): Дис. канд. юрид. наук. М. 2013. – 243 с.

THE ROLE OF NEUROLINGUISTIC PROGRAMMING IN THE PRACTICE OF A LAWYER FOR THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

Vorobyov A.C.

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

In this article, the author explores the problem of interference in the legal profession in criminal cases. On the basis of doctrinal sources and statistical data, the relevance of this problem is justified. According to the author, as well as a number of scientists, currently there are not enough guarantees of the independence of the lawyer, which leads to practices of interference in the legal profession in order to prevent the implementation of proper protection. To solve the problem raised, it is proposed to criminalize interference in any form in the legal profession by analogy with criminal liability for interference in the activities of the court, Prosecutor, investigator and inquirer.

Keywords: the lawyer, guarantees of the independence of counsel, the right to protection, legal assistance

References

1. Report "On the activities of the Council of the Federal chamber of lawyers of the Russian Federation for the period from April 2017 to April 2019" // Official website of the Federal chamber of lawyers of the Russian Federation: <https://parf.ru> (accessed April 01, 2020).
2. Bocharov T. Moiseeva E. To be a lawyer in Russia: sociological research of the profession // Timur Bocharov, Ekaterina Moiseeva. – 2nd edition of ISPR. – Saint PETERSBURG: European University Press in Saint Petersburg, 2017. – 278 p.
3. Brilliant A.V., Galakhova A.V., Davydov V.A. and others. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation. Special part. Sections X–XII: in 4 vols. (article by article) / ed. V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2017. Vol. 4. 278 p. // SPS "Consultant plus".
4. Kolokov N.A. Summoning a lawyer for questioning as a witness: criteria of legality // Law practice. 2016. N5. P. 3–7. SPS "Consultant Plus".
5. Ragulin A.V. Professional rights of a lawyer-defender in the Russian Federation: issues of theory and practice Dis. ... Doc. the faculty of law. Sciences. Moscow, 2015. – 462 p.
6. Solovyova Yu.I. Problems of realization of professional rights of lawyers // Lawyer. 2016. N8. P. 5–13. // SPS "Consultant Plus".
7. Stetsovsky Yu.I. Protection of the lawyer from criminal prosecution // Lawyer. 2007. N9 – 25 p.
8. Furlet S.P. on criminal and administrative responsibility for obstructing the legal activities of lawyers in the Republic of Kazakhstan // Law practice. 2016. N3. P. 59–64. // SPS "Consultant Plus".
9. Khodilina M.V. Legal position of the lawyer-defender (problems of formation and implementation): Dis. kand. jurid. nauk. M. 2013. – 243 p.

О криминологической характеристике преступлений, связанных с наркотиками на примере Елабужского района Республики Татарстан

Жадан Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru

Статья посвящена вопросам криминологической характеристики преступлений, связанных с наркотиками в Елабужском районе Республики Татарстан на основе анализа законодательства и иных правовых актов, официальной статистики России и Республики Татарстан за 2019 год в сравнение с прошедшими годами, теоретических положений науки криминологии, материалов из средств массовой информации и следственной практики, научных подходов и авторского понимания. На основе правовых актов дана характеристика классификации наркотиков и других веществ, к ним приравняемых, указываются уголовно-правовые нормы, определяющие преступления, связанные с наркотиками, а на основе официальных данных проводится сравнительный криминологический анализ преступлений, связанных с наркотиками в Республике Татарстан и Елабужском районе Республики Татарстан, в том числе называются проблемы и приводятся примеры по борьбе с преступлениями данной категории. По результатам проведенного исследования сделан вывод, что преступления, связанные с наркотиками в Елабужском районе Республики Татарстан, как в России и Республике Татарстан, имеют отрицательные структурные изменения, что обуславливает необходимость последовательной и эффективной деятельности всех правоохранительных и иных государственных органов в части системной деятельности по профилактике и борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, преступления, связь, наркотик, анализ, законодательство, правовые акты, статистика, положения, материалы, подходы.

Российская Федерация (далее – Россия, РФ), ее территории и регионы, в том числе субъекты РФ, города и иные поселения людей, характеризуются различными показателями (например, социально-экономическими, этно-культурными и т.д.), в том числе и криминогенной ситуацией, которая включает состояние общественного порядка и безопасности, а также криминологическую характеристику преступности в целом и отдельных ее видов преступлений.

В научной литературе и средствах массовой информации (далее – СМИ) вопросам анализа криминологической характеристики преступности в России в целом, ее соответствующих видов преступлений, в том числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, как в целом России, так и в отдельных ее регионах [1–3], посвящено много публикаций и материалов, что не лишает возможности продолжить исследование и предложить авторское понимание некоторых вопросов о криминологической характеристике преступности и преступлений, связанных с наркотиками за 2019 год в России и Республике Татарстан (далее – РТ), характеристики указанных преступлений в Елабужском районе РТ в сравнении с прошедшими годами.

Общепризнано в криминологической науке, что для рассмотрения криминологической характеристики преступности и отдельных ее видов принято анализировать такие показатели, как состояние, динамика, удельный вес, структура и т.д., которые и будут частично использованы для характеристики преступлений, связанных с наркотиками. При этом для характеристики преступности и преступлений, связанных с наркотиками используются и такие термины, как «преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков», «преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ», «преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров», «преступления в сфере незаконного оборота наркотиков», «наркопреступность» и другие.

Автор данного исследования будет использовать термин «преступления, связанные с наркотиками», который включает и такие термины, как «наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры и аналоги», и «новые потенциально опасные психоактивные вещества».

Закономерны вопросы: что означает термин «наркотик»; как действует вещество на психику человека; какие вещества признаются наркотиками; какие предусматриваются классификации

наркотиков и других веществ к ним приравниваемых; какие правовые акты определяют вещества как наркотики и другие к ним приравниваемые; какие общественно опасные деяния относятся к преступлениям, связанным с наркотиками; какая в России и Республике Татарстан за 2019 год криминогенная ситуация в части преступности в целом и преступлений, связанных с наркотиками в сравнение с прошедшими годами; какие криминологические показатели характеризуют преступления, связанные с наркотиками в Елабужском районе РТ?

Термин «наркотик» происходит от греческого слова «*narkótikys*» и означает «онемение» [4]. При этом определенное вещество, действуя на психику человека и притупляет боль и/или приносит наслаждение наркопотребителю. В свою очередь потребление указанного вещества приводит к зависимости потребителя, который испытывает потребность в регулярном приеме этих веществ, а в случае отсутствия испытывает физические страдания «ломку» или психический дискомфорт в виде депрессии, тревоги, бессонницы и т.д. [4].

В словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой под термином «наркотики» понимает сильнодействующие – природные и синтетические – вещества, приводящие в возбужденное состояние, парализующие центральную нервную систему и способные вызывать наркоманию [5].

В юридическом словаре под термином «наркотики» (наркотические средства) понимается группа веществ различного происхождения (природные, синтетические), злоупотребление которыми приводит к развитию наркомании [6].

Следует отметить, что единого и унифицированного определения понятия «наркотики» в международно-правовых актах (например, Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и т.д.) нет, а формулируется совокупность признаков, которые предлагают классификации природных и синтетических веществ, растений, лекарственных средств или препаратов как наркотических.

В ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [7] (далее – ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») определяются нормативные понятия терминов «наркотические средства», «психотропные вещества», «прекурсоры ...», «аналоги ...», «новые потенциально опасные психоактивные вещества» (далее – НПОПВ) и другие (всего 32 понятия терминов).

ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» также определяет перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России и называет списки I, II, III и IV и таблицы прекурсоров I, II и III, которые утверждаются Правительством РФ по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию

в сфере здравоохранения, и федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, перечень подлежит официальному опубликованию (ст. 2); также решается вопрос по определению перечня растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры и подлежащих контролю в РФ, но еще согласовывается с федеральным органом исполнительной власти в области сельского хозяйства (ст. 2.1); перечень НПОПВ, оборот которых в РФ запрещен, предусматривает такие вещества, которые вызывают у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, следовательно опасны для его жизни и здоровья, и уполномоченными органами государственной власти РФ не установлены санитарно-эпидемиологические требования и меры контроля за их оборотом. Решение о включении вещества в Реестр принимается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. Сам Реестр и решения о включении веществ должны быть официально опубликованы и размещены (опубликованы) на официальном сайте этого органа в сети «Интернет» (ст. 2.2).

В ст. 59 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусматривается ответственность должностных лиц и граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушение данного закона в соответствии с законодательством РФ. При этом устанавливается уголовная ответственность за введение в пищевые продукты или напитки наркотических средств или психотропных веществ без уведомления лица, для которого они были предназначены (п. 5 ст. 59), материальная ответственность за ущерб, причиненный юридическому лицу, возлагается на работника указанного юридического лица, если неисполнение или ненадлежащее исполнение им трудовых обязанностей повлекло хищение либо недостачу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров. Данный работник в соответствии с законодательством РФ о труде несет материальную ответственность в размере 100-кратного размера прямого действительного ущерба, причиненного юридическому лицу в результате хищения либо недостачи наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров (п. 6 ст. 59).

В свою очередь конкретные наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, а также НПОПВ определяются в постановлении Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [8].

В постановлении Правительства РФ устанавливается конкретный перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в России, в том числе Список I определяет наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, кото-

рые в России запрещены в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ; Список II определяет наркотические средства и психотропные вещества, которые в России ограничены и в отношении них установлены меры контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ; Список III определяет психотропные вещества, которые в России ограничены и в отношении них допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ; Список IV определяет прекурсоры, которые в России ограничены и в отношении них устанавливаются меры контроля в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ; Таблица I определяет прекурсоры, которые в России ограничены и в отношении них устанавливаются особые меры контроля; Таблица II определяет прекурсоры, которые в России ограничены и в отношении них устанавливаются общие меры контроля; Таблица III определяет прекурсоры, которые в России ограничены и в отношении них допускается исключение некоторых мер контроля [8].

В постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [9] устанавливается значительный, крупный и особо крупный размер наркотических средств и психотропных веществ и т.д., который учитывается и влияет на квалификацию предъявляемого обвинения по ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса РФ [10] (далее – УК РФ).

В части НПОПВ, то к ним относятся вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ и оборот которых в России запрещен, о чем указывается ст. 2.2 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Реестр НПОПВ определяется ведомственным приказом МВД России на основании предложений Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России.

К НПОПВ прежде всего относятся спайсы (миксы), представляющие собой курительную смесь из трав, обработанных химикатами, которые постоянно меняется и зачастую поставщики добавляют вместо JWH-018 и CP-47,497 более дешевые яды, а поэтому когда несовершеннолетний пробует покурить микс и ждет эффекта как от марихуаны, а на деле получает поражение головного мозга и психоз [11] и другие вещества.

Представляет практический интерес вопрос: какие общественно опасные деяния определяются как преступления, связанные с наркотиками?

В указании Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [12], дается перечень № 3 «Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ». Согласно перечню № 3 к преступлениям, связанным с наркотиками относятся следующие нормы УК РФ – ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 230, 231, 232, 233, 234.1 (без дополнительных условий) и другие нормы.

В УК РФ глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» предусматривает, в том числе и преступления, связанные с наркотиками, к которым относятся уголовно-правовые нормы, в которых определяются такие общественно опасные деяния, как ст. 228 «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов ...», 228.1 «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов ...», 228.2 «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», 228.3 «Незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ ...», 228.4 «Незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ ...», 229 «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ ...», 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений ...», 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», 231 «Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры», 232 «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств ...», 233 «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств ...» и 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ».

В России согласно официальной статистике за 2019 год зарегистрировано 2024 337 преступлений, что на 32 805 больше, в сравнение с аналогичным периодом 2018 года (+1,6%) [13] (далее – АППГ). Снова в России, как это было в 2015–2016 годы, наблюдается тенденция увеличения регистрируемых преступлений за счет 53 субъектов РФ, в том числе увеличилось количество зарегистрированных преступлений в Республике Север-

ная Осетия – Алании (+31,9%), Республике Адыгея (+14,7%), Республике Татарстан (+14,3%), Чеченской Республике (+13,5%) и других.

В Республике Татарстан за 2019 год всего зарегистрировано 49839 преступлений и динамика по сравнению АППГ составила рост преступлений (+14,3%) [13, 14], и занимает одно из «лидирующих» мест в России по числу регистрируемых преступлений, что в 9 раз выше общероссийской тенденции.

Предметом данного исследования являются преступления, связанные с наркотиками за 2019 год в сравнение с прошедшими годами в России, Республике Татарстан и Елабужском районе РТ.

В России за 2019 год зарегистрировано преступлений, связанных с наркотиками 190197, динамика по сравнению АППГ составила (-5,0%), а в общей структуре преступности преступления данной категории занимают 9,4% [13].

В Республике Татарстан за 2019 год всего зарегистрировано 4224 преступления, связанные с наркотиками и динамика по сравнению АППГ составила (+12,5%) [14], что указывает на негативную тенденцию по сравнению с общероссийской. При этом сотрудниками правоохранительных органов РТ в 2019 году изъято 586,7 кг различных наркотических средств и психотропных веществ (в 2018 году – 1144,2 кг), в том числе синтетических наркотиков – 450,9 кг (76,9%) (и пресечена деятельность 9 лабораторий по изготовлению синтетических наркотиков), гашиша – 82 кг (14%), марихуана – 25 кг (4,3%), психотропных веществ – 15,1 кг (2,6%), маковой соломки – 7,6 кг (1,3%), сильнодействующих веществ – 3,1 кг (0,5%), других – 2,8 кг (0,4%) [15]. Также перекрыты 49 каналов транспортировки наркотиков (в 2018 г. – 41), в том числе 5 международных, из них 3 из Республики Беларусь и по 1 из Республики Казахстан и Чехии. Сотрудниками МВД по РТ совместно с УФСБ России по РТ и Татарстанской таможней пресечена контрабанда наркотиков и сильнодействующих веществ, в ходе которой выявлено 19 (в 2018 г. – 17) таких фактов (ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ) [15].

Для сравнения в Республике Татарстан зарегистрировано за 2015 год 4372 преступления, связанные с наркотиками, что на (+23,5%) больше по сравнению АППГ; за 2010 год – 4786 преступлений, связанных с наркотиками, что на (-15,7%) меньше по сравнению АППГ; за 2005 год – 3822 преступления, связанные с наркотиками [14].

Тем самым за 2019 год в Республике Татарстан зарегистрировано в сравнение с 2015 годом на 148 меньше преступлений, связанных с наркотиками; с 2010 годом – на 562 меньше преступлений, связанных с наркотиками; с 2005 годом – на 402 больше преступления, связанные с наркотиками.

По Елабужскому району РТ за 2019 год всего зарегистрировано 949 преступлений и динамика по сравнению АППГ составила (+10,0%), что вы-

ше общероссийской, но ниже республиканской тенденции. Из них за 2019 год зарегистрировано 81 преступление, связанное с наркотиками и динамика по сравнению АППГ составила (-28,3%) [14], что указывает на существенное снижение регистрируемых преступлений данной категории по сравнению с общероссийской и республиканской тенденциями.

Для сравнения в Елабужском районе РТ за 2018 год было зарегистрировано 113 преступлений, связанных с наркотиками, что на (+20,2%) больше по сравнению АППГ; за 2017 год было зарегистрировано 94 преступления, связанные с наркотиками, что на (-1,1%) меньше по сравнению АППГ; за 2016 год – 99 преступления, связанные с наркотиками, что на (+7,6%) больше по сравнению АППГ; за 2015 год – 92 преступления, связанных с наркотиками, что на (-25,8%) меньше по сравнению АППГ; за 2014 год – 124 преступления, связанные с наркотиками, что на (-8,1%) меньше по сравнению АППГ; за 2013 год – 135 преступлений, связанных с наркотиками, что на (+40,6%) больше по сравнению АППГ; за 2012 год – 96 преступления, связанные с наркотиками, что на (+29,6%) больше по сравнению АППГ; за 2011 год – 74 преступления, связанные с наркотиками, что на (+29,8%) больше по сравнению АППГ; за 2010 год – 57 преступления, связанные с наркотиками, что на (-36,7%) меньше по сравнению АППГ; за 2009 год – 90 преступления, связанные с наркотиками, что на (+45,2%) больше по сравнению АППГ; за 2008 год – 62 преступления, связанные с наркотиками, что на (+26,5%) больше по сравнению АППГ; за 2007 год – 49 преступлений, связанных с наркотиками, что на (-2,0%) меньше по сравнению АППГ; за 2006 год – 50 преступлений, связанных с наркотиками, что на (-12,3%) меньше по сравнению АППГ; за 2005 год – 57 преступлений, связанных с наркотиками [14].

Из указанных данных по Елабужскому району РТ за последние 15 лет в части регистрируемых преступлений, связанных с наркотиками прослеживается тенденция колебаний, то есть в один год число регистрируемых преступлений снижается, а на следующий год (или с 2008–2009 и 2011–2013 годы) – увеличивается.

Как было указано выше за 2019 год в Елабужском районе РТ зарегистрировано 81 преступление, связанное с наркотиками и динамика по сравнению АППГ составила (-28,3%), что указывает на снижение регистрируемых преступлений данной категории, в том числе и по сравнению с общероссийской и республиканской тенденциями.

В свою очередь структура преступлений, связанных с наркотиками за 2019 год в Елабужском районе РТ указывает на следующие показатели: 1) из 81 преступления, связанного с наркотиками 72 преступлений данной категории – это изготовление и хранение (-27,1%), 8 преступлений – сбыт наркотиков (-76,5%) и 1 преступление – склонение к употреблению; 2) в части характеристики лиц, совершивших преступления, связанные с нарко-

тиками задерживаются и обучающиеся за распространение наркотиков (в СМИ Елабужского района сообщалось, что в ходе рейдов были задержаны два студента, один из них осужден на 8 лет лишения свободы [16]; 3) изымались такие виды наркотических средств, как АКВ-48, N-метилэфедрон, ТНЖ, РВ-22F, метилэндиоксировалерон, а также новые виды наркосодержащих веществ, как «курительные смеси» («спайсы», РР-2201); 4) часто выявляются участки, где находятся посевы конопли, мака и других возможно наркосодержащих растений (в СМИ также сообщалось, что при проведении ОВД рейдов на территории района выявлено и уничтожено 11 очагов произрастания дикорастущей конопли, общей площадью в 870 кв.м.) [17], за 2018 год изъято более 25 килограммов мака [18]; при этом выращивание технической конопли (сорт *cannabis sativa*), используемой в качестве промышленного сырья разрешено, сорная конопля практически не содержит ТГК и только индийский вид конопли (сорт *cannabis indica* ддл) используется в качестве сырья для наркотических средств; выращивание мака однолетнего мака-самосейки, мака альпийского, мака атлантического, мака голостебельного возможно в качестве декоративного растения, а мака снотворный (*Papaver somniferum* L.), мака щетинконосный (*Papaver setigerum* D. C.), мака прицветниковый (*Papaver bracteatum* Lindl.) и мака восточный (*Papaver orientale* L.) запрещено); 5) за 2018 год из незаконного оборота сотрудниками ОВД было изъято 12,5 кг наркотических средств [16].

Представляют интерес для криминологической характеристики преступлений, связанных с наркотиками в Елабужском районе РТ и такие показатели как расследование и приостановление уголовных дел, процент раскрываемости преступлений указанной категории.

Для сравнения в Елабужском районе РТ за 2019 год было зарегистрировано 81 преступление, связанное с наркотиками, из них расследовано 31 и приостановлено 46 уголовных дел, процент раскрываемости составил 40,3%, что значительно ниже по сравнению с АППГ (-22,4%); за 2018 год – 113 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 47 и приостановлено 28 уголовных дел, процент раскрываемости составил 62,7%, что выше по сравнению с АППГ; за 2017 год – 94 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 52 и приостановлено 42 уголовных дел, процент раскрываемости – 55,3%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2016 год – 99 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 58 и приостановлено 40 уголовных дел, процент раскрываемости – 59,2%, что выше по сравнению с АППГ; за 2015 год – 92 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 46 и приостановлено 38 уголовных дел, процент раскрываемости – 54,8%, что выше по сравнению с АППГ; за 2014 год – 124 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 69 и приостановлено 55 уголовных дел, процент раскрываемости –

55,6%, что на одном уровне с АППГ; за 2013 год – 135 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 75 и приостановлено 60 уголовных дел, процент раскрываемости – 55,6%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2012 год – 96 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 64 и приостановлено 37 уголовных дел, процент раскрываемости – 63,4%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2011 год – 74 преступления, связанных с наркотиками, из них расследовано 45 и приостановлено 16 уголовных дел, процент раскрываемости – 73,8%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2010 год – 57 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 42 и приостановлено 7 уголовных дел, процент раскрываемости – 85,7%, что выше по сравнению с АППГ; за 2009 год – 90 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 53 и приостановлено 38 уголовных дел, процент раскрываемости – 58,2%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2008 год – 62 преступления, связанных с наркотиками, из них расследовано 42 и приостановлено 16 уголовных дел, процент раскрываемости – 72,4%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2007 год – 49 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 48 и приостановлено 8 уголовных дел, процент раскрываемости – 85,7%, что выше по сравнению с АППГ; за 2006 год – 50 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 25 и приостановлено 18 уголовных дел, процент раскрываемости – 58,1%, что ниже по сравнению с АППГ; за 2005 год – 57 преступлений, связанных с наркотиками, из них расследовано 43 и приостановлено 17 уголовных дел, процент раскрываемости – 71,7% [14].

Из указанных данных по Елабужскому району РТ за последние 15 лет в части регистрируемых преступлений, связанных с наркотиками, расследования и приостановления уголовных дел, а также процент раскрываемости прослеживается тенденция колебаний, т.е. в один год число регистрируемых преступлений снижается, а на следующий год (или с 2008–2009 и 2011–2013 годы) – увеличивается, а как следствие увеличивается количество расследуемых и приостановленных уголовных дел, а процент раскрываемости значительно снижается.

В подтверждение приведем пример из практики СО отдела МВД России по Елабужскому району РТ. В период с декабря 2016 года по 15 марта 2017 года, то есть до дня задержания, зарегистрировавшись в интернет-приложении «Telegram» в сети «Интернет» под никами «Маргарита Григорян» и «Кира Григорян» как было установлено в ходе расследования А.Б.В., на основе бесконтактного способа осуществлял незаконный сбыт синтетических наркотических средств на территории РТ, используя при этом мобильные устройства, имеющие доступ к сети «Интернет» и с помощью интернет-приложений и интернет-магазинов «Айва», имеющих возможности высокой степени защищенности и с помощью тексто-

вых сообщений договаривался с покупателями о незаконном сбыте наркотических средств; после получения уведомления-согласия на незаконное их приобретение и поступление оплаты, покупателям указывалось место расположения тайника с наркотическим средством в таких местах, в которых исключалась возможность случайного визуального его обнаружения посторонними лицами. В дальнейшем «Григорян», как организатор преступной группы, используя интернет-приложения «Telegram» выставлял информацию о возможных заработках, заинтересовывал высоким стабильным доходом, вовлек в преступную группу исполнителей преступной деятельности, используя их в качестве закладчиков наркотических средств.

А.Б.Б., как «Григорян» действуя умышленно, с целью дальнейшего сбыта из известных ему источников незаконно приобретал наркотические средства, обеспечивал их незаконное хранение в целях дальнейшего сбыта в известных ему местах; оставляло партии наркотических средств в заранее оборудованных тайниках, сообщая другим неустановленным лицам, осуществляющим закладки наркотических средств, места нахождения тайников с очередными партиями наркотических средств и давал им указания на размещение в виде закладок на территории РТ; получал от других неустановленных лиц, осуществляющих закладки наркотических средств, информацию о месте нахождения размещенных ими закладок с наркотическими средствами; подыскивал покупателей наркотических средств через интернет-магазин «Айва», от которых посредством безналичных денежных переводов в электронной платежной системе «QIWI» получал оплату из расчета 2200 рублей за 1 грамм наркотического средства, после чего сообщал им места закладок с наркотическими средствами.

А.Б.В., как организатор преступной группы связь с другими лицами поддерживал путем переписки в сети «Интернет», используя интернет-приложения «Telegram», для скоростного обмена сообщениями, установленное в мобильные телефоны членов организованной группы.

В ходе расследования было установлено 5 эпизодов с участием А.Б.В., в том числе в целях незаконного сбыта из известных ему источников незаконно реализовывал наркотическое средство – «смесь, содержащую 1-фенил-2-(пирролидин-1-ил)пентан-1-он (PVP) – производное наркотического средства N-метилэфедрон» массой не менее 0,76 грамма, которое в этот же период, действуя в соответствии с намеченными планами совместной преступной деятельности и в соответствии с распределением ролей, бесконтактным способом путем закладки, осуществленной в неустановленном следствием месте передавал и другим в целях последующего совместного незаконного сбыта.

Тем самым с декабря 2016 года до пресечения преступной деятельности и задержания 15 марта 2017 года А.Б.В. «с поличным», сформировалась организованная преступная группа, деятельность которой носила устойчивый характер, сопряжен-

ный с подчиненностью членов преступной группы организатору – «Григорян», который использовал средства и методы конспирации, имел каналы поставки и сбыта наркотических средств, четкое распределение ролей и сплоченность ее участников, членами которой были совершены ряд особо тяжких преступлений, связанных с незаконными операциями с наркотическими средствами в значительном и крупном размерах.

Таким образом, А.Б.В. совершил преступление, предусмотренное п.п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ – незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием сети «Интернет», организованной группой, в крупном размере [19].

Другие криминологические показатели, характеризующие преступления, связанные с наркотиками (например, причины и условия, способствующие совершению преступлений категории; криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления и т.д.) требуют самостоятельного рассмотрения, и не входят в предмет данного исследования.

Тем самым можно сделать вывод, что преступления, связанные с наркотиками в Елабужском районе РТ, как в России и Республике Татарстан, имеют отрицательные структурные изменения, что обуславливает необходимость осуществления последовательной и эффективной деятельности всех правоохранительных и иных государственных органов в части системной профилактики и борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков.

В целом проведенное исследование представляет анализ законодательства и иных правовых актов, официальной статистики, теоретических положений, материалов СМИ, следственной практики и научных подходов, а также авторское понимание криминологической характеристики преступлений, связанных с наркотиками в России, Республике Татарстан и Елабужском районе РТ.

Литература

1. Жевлаков Э.Н. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 7 (11). – С. 104–111.
2. Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия: учеб. пособие / Ю.М. Ермаков, С.А. Исаков [и др.] под ред. С.Я. Лебедева. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 340 с.
3. Ужахов А.С. Криминологическая характеристика и профилактика незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2012. – 24 с.
4. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия. – URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/medicina/NARKOTIK.html> (дата обращения: 07.04.2020).

5. Толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 07.04.2020).
6. Юридический словарь. – URL: <http://slovariki.org/uridiceskij-slovar/10804> (дата обращения: 07.04.2020).
7. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (в ред. от 26.07.2019 № 232-ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 07.04.2020).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 (в ред. от 13.03.2020 № 275) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19243/ (дата обращения: 07.04.2020).
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 (в ред. от 13.03.2020 № 275) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136206/ (дата обращения: 07.04.2020).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 07.04.2020 № 112-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
11. Вред спайса и последствия его употребления. – URL: <https://stopnarkotik.info/55-vred-spausa-i-posledstviya-ego-upotrebleniya.html> (дата обращения: 07.04.2020).
12. Указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (дата обращения: 07.04.2020).
13. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 год. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 07.04.2020).
14. Состояние и динамика преступности в Республике Татарстан и Елабужском районе за 2005–2019 годы. – Елабуга, 2020. – 75 с.
15. Казанский репортер. 21 февраля 2020 год. Преступность в Татарстане – 2019. Инфографика. – URL: https://kazanreporter.ru/post/4096_prestupnost-v-tatarstane-2019-infografika (дата обращения: 07.04.2020).
16. Новая Кама. 28 марта 2019 года. В Елабуге прошло заседание антинаркотической комиссии. – URL: <http://elabuga-rt.ru/index.php/news/tema-dnya/v-elabuge-proshlo-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii> (дата обращения: 07.04.2020).
17. Новая Кама. 15 сентября 2019 года. В Елабужском районе выявлено 11 мест, где росла конопля. – URL: <http://elabuga-rt.ru/news/novosti/v-elabuzhskom-rayone-vyyavleno-11-mest-gderosla-konoplya> (дата обращения: 07.04.2020).
18. Новая Кама. 23 мая 2019 года. В Елабуге за 2018 год полицейскими было изъято более 25 килограммов мака. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/211206743> (дата обращения: 07.04.2020).
19. Материалы уголовного дела СО отдела МВД России по Елабужскому району Республики Татарстан от 15.03.2017 года // Уголовное дело № 11801920027000052.

ON THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRUG-RELATED CRIMES USING THE EXAMPLE OF THE ELABUGA REGION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Zhadan V.N.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the criminological characteristics of drug-related crimes in the yelabuzhsky district of the Republic of Tatarstan based on the analysis of legislation and other legal acts, official statistics of Russia and the Republic of Tatarstan for 2019 in comparison with the past years, theoretical provisions of the science of criminology, materials from the media and investigative practice, scientific approaches and author's understanding. On the basis of legal acts, the classification of drugs and other substances equated to them is characterized, criminal law norms defining drug-related crimes are specified, and on the basis of official data, a comparative criminological analysis of drug-related crimes in the Republic of Tatarstan and the yelabuzhsky district of the Republic of Tatarstan is conducted, including problems and examples of combating crimes of this category. According to the results of the study, it is concluded that drug-related crimes in the yelabuzhsky district of the Republic of Tatarstan, as in Russia and the Republic of Tatarstan, have negative structural changes, which necessitates consistent and effective activities of all law enforcement and other state bodies in terms of systematic activities to prevent and combat crime in the field of illicit drug trafficking.

Keywords: criminological characteristics, crimes, communication, drug, analysis, legislation, legal acts, statistics, regulations, materials, approaches.

References

1. Zhevlakov E.N. Illegal turnover of new potentially dangerous psychoactive substances (comment to article 234.1 of the criminal code of the Russian Federation) // Bulletin of the Kutafin University (MSU). – 2015. – № 7 (11). – Pp. 104–111.
2. Drug Addiction and illicit drug trafficking. Questions of theory and practice of counteraction: studies. manual / Yu.M. Ermakov, S.A. Isakov [et al.] ed. by S. ya. Lebedev. – Moscow: unity-Dana, 2008. – 340 p.
3. Uzhakhov A.C. Criminological characteristics and prevention of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. Autoref. dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. Ryazan, 2012, 24 p.
4. Encyclopedia Of Circumnavigation. Universal popular science encyclopedia. – URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/medicina/NARKOTIK.html> (accessed: 07.04.2020).

5. Explanatory dictionary of the Russian language Efremova T.F.- URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 07.04.2020).
6. Legal dictionary. – URL: <http://slovariki.org/uridiceskij-slovar/10804> (date accessed: 07.04.2020).
7. The Federal law from 08.01.1998 n 3-FZ (in red from 26.07.2019 № 232-FZ) “On narcotic drugs and psychotropic substances”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (accessed: 07.04.2020).
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.06.1998 No. 681 (as amended on 13.03.2020 No. 275) “on approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19243/ (accessed: 07.04.2020).
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.10.2012 No. 1002 (as amended from 13.03.2020 No. 275) “on approval of significant, large and especially large sizes of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as significant, large and especially large sizes for plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances, for the purposes of articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal code of the Russian Federation”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136206/ (accessed: 07.04.2020).
10. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (as amended by from 07.04.2020 № 112-FZ) // Sz RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
11. Harm of spice and consequences of its use. – URL: <https://stop-narkotik.info/55-vred-spaysa-i-posledstviya-ego-upotrebleniya.html> (date accessed: 07.04.2020).
12. Instruction of the General Prosecutor’s office of Russia No. 35/11, Ministry of internal Affairs of Russia No. 1 of 24.01.2020 “on putting into effect lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/ (accessed: 07.04.2020).
13. Prosecutor General’s office of the Russian Federation. The state of crime in Russia for January-December 2019. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (accessed: 07.04.2020).
14. Status and dynamics of crime in the Republic of Tatarstan and Yelabuga district for the years 2005–2019. – Elabuga, 2020. – 75 p.
15. Kazan reporter. February 21, 2020. The crime rate in Tatarstan Republic – 2019. Infographics. – URL: https://kazanreporter.ru/post/4096_prestupnost-v-tatarstane-2019-infografika (accessed: 07.04.2020).
16. New Kama. March 28, 2019. A meeting of the anti-drug Commission was held in Yelabuga. – URL: <http://elabuga-rt.ru/index.php/news/tema-dnya/v-elabuge-proshlo-zasedanie-antinarkoticheskoy-komissii> (accessed: 07.04.2020).
17. New Kama. September 15, 2019. In the Yelabuga district, 11 places where cannabis grew were identified. – URL: <http://elabuga-rt.ru/news/novosti/v-elabuzhskom-rayone-vyyavleno-11-mest-gde-roslo-konoplya> (accessed: 07.04.2020).
18. New Kama. May 23, 2019. In Yelabuga in 2018, the police seized more than 25 kilograms of poppy. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/211206743> (accessed: 07.04.2020).
19. Materials of the criminal case FROM the Department of the Ministry of internal Affairs of Russia for the Yelabuzhsky district of the Republic of Tatarstan from 15.03.2017 // Criminal case no. 11801920027000052.

Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в Крымском регионе: анализ результатов анкетирования граждан, проживающих на территории Республики Крым и города Севастополя

Макаров Александр Петрович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», старший помощник прокурора Нахимовского района города Севастополя
E-mail: alexandr_mak@mail.ru

В статье приведен анализ результатов анкетирования граждан, проживающих на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь по вопросам распространения коррупционных преступлений и правонарушений в Крымском регионе.

Полученные результаты позволяют определить уровень восприятия коррупции населением региона, ее уровень и степень распространения, что в свою очередь учитывая региональные особенности позволяет выработать конкретные меры по повышению эффективности противодействия проявлениям взяточничества и коррупции.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, уровень восприятия коррупции, оперативно-розыскная деятельность, результаты оперативно-розыскной деятельности, выявление и раскрытие взяточничества, социологический опрос, анкетирование.

Уровень коррупции в стране определяет эффективность работы государственных органов, экономическое благополучие государства, политическую стабильность, а также уровень социальной справедливости и равенства граждан.

Оценить уровень коррупции представляется возможным по большинству критериев, в том числе по главным из них: по распространенности коррупции и эффективности борьбы с ней.

Международным антикоррупционным движением Transparency International на протяжении 8 лет проводится оценка и определяется составной индекс восприятия коррупции в государственном секторе, более чем 180 странах мира. По данным Transparency International в 2012 году Россия занимала 127 место в мире по уровню восприятия коррупции, а в 2019 году Россия по этому показателю уже занимала 137 место, разделяя указанную позицию с такими странами как Кения, Либерия, Ливан Мавритания, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай и Уганда¹.

По оценке международной организации, уровень восприятия коррупции России является идентичным уровню восприятия коррупции стран, экономический потенциал и уровень благополучия которых несравнимо ниже отечественного, что на наш взгляд является достаточно спорным и необъективным.

В чем же причина таких итогов борьбы с коррупцией в России, по мнению Transparency International, и возможно ли доверять результатам исследования этой международной организации?

В связи с этим, у практических работников правоохранительных органов и ученых возникла необходимость изучения общественного мнения среди граждан нашего государства по данному вопросу. С этой целью Генеральной прокуратурой России с участием МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФССП России, ФТН России в 2019 году проведен социологический опрос с целью оценки эффективности антикоррупционных мер по профилактике и противодействию коррупции в научных и образовательных организациях, в среде предпринимательского сообщества и граждан.

Согласно итогам социологического опроса, проведенного среди более чем 38 тысяч респон-

¹ Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137 место. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-balllovi-137-mesto.html> (дата обращения: 03.04.2020).

дентов – граждан нашей страны, а 74% опрошенных дали позитивную оценку государственной политике и считают, что принимаемые государственными органами меры по противодействию коррупции достаточными. Большинство респондентов (86,8%) одобряют проводимую государственную политику по ужесточению мер в отношении коррупционеров, при этом 86% из них полагают, что необходимо усиление мер, 12% считают, что принимаемые меры достаточны, 2% – указывают на избыточность мер¹.

В рамках научного исследования правовых основ и проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о взяточничестве в Крымском регионе автором в 2018–2019 годы проведено анкетирование работников прокуратуры, следователей и сотрудников оперативных подразделений². По итогам опроса сотрудников правоохранительных органов выяснено профессиональное мнение лиц – участников уголовного судопроизводства. Актуальность проведенного исследования определена наличием особенностей и специфики, связанных с вхождением в 2014 году данных субъектов в состав Российской Федерации³.

Крымский полуостров в 20 веке находился в составе Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в период с 1921–1945 гг.,⁴ входил состав РСФСР в 1945–1954 гг.⁵ и УССР в 1954–1991 гг.,⁶ а также находился в составе Украины в 1991–2014 гг.

Наиболее активным периодом формирования отличительных особенностей явилось нахождение Крымского полуострова в составе Украины, которое для жителей Крыма ознаменовалось наличием таких проблем как низкий уровень жизни населения, низкие заработные платы, безработица, бюрократия и коррупция чиновников на всех уров-

¹ Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 02.04.2020).

² Гармаев Ю.П., Макаров А.П. / Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в крымском регионе: анализ результатов анкетирования правоприменителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Научный журнал. Выпуск № 2. 2020. С. 138–141.

³ Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 27.12.2019) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://base.garant.ru/70618342/> (дата обращения: 16.01.2020).

⁴ Декрет ВЦИК и СНК от 18.10.1921 «Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике» – [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://istmat.info/node/46792> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵ Закон РСФСР от 25 июня 1946 г. Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1958 гг. (М., 1959. –С. 54).

⁶ Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 5.

нях власти. На протяжении более двух десятков лет формировалось и применялось национальное законодательство Украины, произошел переход от плановой к рыночной экономике, создавались регуляторы осуществления предпринимательской деятельности и предоставления государственных услуг, проведены реформы в сфере образования, здравоохранения правоохранительной системы, проведены и иные преобразования.

Все это послужило основой формирования устойчивых элементов менталитета населения, проживающего на Крымском полуострове, отразилось на правовом сознании граждан, позволило выработать у граждан типичные правила поведения, в том числе правового.

Выявление характерных особенностей правового сознания жителей Крыма, их отношение и восприятие коррупционных проявлений, а также анализ типичных поведенческих ситуаций по отношению к коррупции и взяточничеству, позволяют выработать эффективные средства противодействия этим общественно опасным явлениям. Ранее научные исследования причин и условий коррупции посредством опроса жителей Крымского региона не проводились.

В период с 2018–2019 годы автором проведено анкетирование жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь по указанной тематике. В анкетировании приняли участие 420 совершеннолетних граждан-респондентов, проживающих на территории Республики и г. Севастополя, за исключением профессиональных юристов. Специфика проведения анкетирования обусловлена необходимостью установления мнений рядовых граждан, которые непосредственно могут оценить принимаемые правоохранительными органами меры по противодействию коррупции в период нахождения граждан Республики Крым и города Севастополя в составе Российской Федерации.

Респондентам предложено оценить уровень эффективности применяемых антикоррупционных мер по противодействию коррупции в России, определить наиболее коррумпированные государственные органы, указать сферы распространения и причины проявления коррупции, а также ответить на вопросы аналогичного содержания с учетом специфики Крымского региона.

В анкетировании приняли участие 38% мужчин и 62% женщин, преимущественный возраст которых (48%) составил 18–29 лет.

Несмотря на принимаемые органами прокуратуры Республики Крым и города Севастополя ищерапывающие меры по выявлению нарушений при предоставлении государственными и муниципальными служащими сведений об имущественном положении, а также широкого освещения результатов борьбы с коррупцией и взяточничеством в средствах массовой информации, по мнению респондентов, одной из основополагающих причин недостаточной эффективности борьбы со взяточничеством и коррупцией в России (53%) и в Крым-

ском регионе (49%) является недостаточный контроль, за действиями чиновников, их доходами и расходами.

Примечательным является тот факт, что опрашиваемыми дана резко негативная оценка эффективности антикоррупционного законодательства России. Так, 61% респондентов указали на низкий уровень эффективности антикоррупционного законодательства РФ.

На вопрос: «Как Вы оцениваете эффективность деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов по борьбе с взяточничеством в России и в частности в Крымском регионе?» респонденты указали на низкий уровень эффективности оперативных подразделений – 59% и 62% соответственно.

Итоги проведенного автором исследования позволяют дополнить и уточнить результаты всероссийского социологического опроса по вопросам противодействия коррупции, а также выявить существенные особенности и отличия с учетом специфики региона.

На вопрос: «Как изменился уровень коррупции и взяточничества в регионе с момента воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией (с 18 марта 2014 года)?», 36% респондентов указали на рост уровня коррупции и взяточничества, 28% респондентов отметили тенденцию по уменьшению уровня коррупции и взяточничества в регионе, 32% не ощутили существенных изменений, 10% затруднились оценить результаты противодействия коррупции.

Поскольку взяточничество носит сугубо латентный характер, то выявление и раскрытие фактов взяточничества практически невозможно без использования оперативно-розыскных средств и методов.

Согласно проведенному опросу граждан Крымского региона 25% респондентам известно о регламентированной Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ возможности проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий для выявления и фиксации фактов взяточничества; 26% респондентам об этом стало известно из художественных фильмов, средств массовой информации, просветительской деятельности правоохранительных органов; а 46% респондентам не было известно о возможности проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий при осуществлении уголовного судопроизводства.

На вопрос: «Считаете ли Вы допустимым проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий в рамках Федерального закона «Об ОРД», 69% респондентов указали на положительное отношение к такой непроцессуальной деятельности, а также на ее эффективность при выявлении и раскрытии фактов взяточничества, 19% опрашиваемых указали на наличие иных эффективных средств и способов выявления и расследования фактов взяточничества, 6% негативно относятся к такой деятельности, поскольку считают, что

такая деятельность может сопровождаться нарушениями закона и ограничением конституционных прав граждан, 6% респондентов затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Наибольшую эффективность представляет собой информация, полученная непосредственно от лица, в отношении которого совершены действия по вымогательству взятки или должностного лица, которому поступило коррупционное предложение. При таких обстоятельствах ключевую роль играет степень содействия граждан правоохранительным органам. Содействие гражданами при осуществлении оперативно-розыскной деятельности предусмотрено оперативно-розыскным законом¹. При этом содействие должно осуществляться с согласия лица (конфидента) и носить добровольный характер.

По нашему мнению, содействие граждан правоохранительным органам, как гласное, так и негласное напрямую зависит от уровня доверия к правоохранительным органам, правового сознания граждан, сложившегося менталитета (национального, регионального), а также от эффективности реализации правоохранителями принципа неотвратимости наказания для лиц, совершивших противоправные действия.

С целью определения уровня восприятия коррупции и отношения к фактам взяточничества жителей Республики Крым и города Севастополя респондентам задан вопрос: «Обратитесь ли Вы в правоохранительные органы, если у Вас будут вымогать взятку?». На данный вопрос 19% респондентов указали, что обязательно обратятся в правоохранительные органы, 33% отметили, что при подобной ситуации они вероятно проинформируют правоохранительные органы, 19% респондентов сообщили, что обращение в правоохранительные органы безрезультатно, 9% респондентов сообщили, что не обратятся в правоохранительные органы по причине возможного наступления для них негативных последствий, 8% респондентов не сообщают о вымогательстве взятки по причине недоверия к правоохранительным органам, а 10% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Указанное свидетельствует о том, что около 36% респондентов категорически отказались в последующем обратиться в правоохранительные органы по факту вымогательства у них взяток, а 10% опрошенных не имеют по данному поводу сформированной на основе действующего законодательства гражданской позиции.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать соответствующие выводы:

1) Сложившаяся криминогенная обстановка на территории Крымского региона в период нахождения указанного региона в составе Украины послужила основой для формирования

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995 (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]. – режим доступа: // <https://base.garant.ru/10104229/> (дата обращения: 03.04.2020).

негативных особенностей и устойчивых коррупционных проявлений, при которых гражданам со стороны должностных лиц предъявлялись незаконные требования о передаче взятки, незаконных вознаграждений за выполняемые действия (бездействие).

- 2) По мнению опрошенных респондентов, одной из главных причин неэффективности борьбы со взяточничеством в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь является недостаточный контроль, за действиями чиновников, их доходами и расходами (49%). Данное утверждение имеет ряд обоснований. С целью восстановления экономики Республики Крым и города Севастополя, создания новых объектов инфраструктуры, улучшения условий жизни граждан указанного региона государством выделены большие объемы финансовых ресурсов на реализацию мероприятий, предусмотренных федеральной целевой программой по социально-экономическому развитию Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года и составляет 525007,62 млн¹.

Кроме того, на территории данного региона осуществляется реализация ряда национальных проектов. Учитывая объем привлекаемых средств (средств федерального бюджета, средств субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города Севастополя, внебюджетных средств) для развития Крымского региона вполне обоснованными являются опасения жителей данного региона относительно законности расходование бюджетных средств при реализации государственных программ.

По мнению автора, меры противодействия коррупции должны включать:

- усиление контроля федеральными органами антимонопольной службы при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;
- повышение эффективности прокурорского надзора за соблюдением федерального законодательства о контрактной системе, а также о противодействии коррупции в части исполнения государственными служащими предусмотренных законом запретов и ограничений, обязанности представлять сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера²;
- ориентация правоохранительных органов на выявление преступлений в сфере экономики при реализации мероприятий, предусмо-

¹ Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 № 790 (ред. от 12.12.2019) «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года». [Электронный ресурс]. – режим доступа: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167146/ (дата обращения: 04.04.2020).

² Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. – режим доступа: // <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 04.04.2020).

тренных федеральными целевыми программами и национальными проектами;

- повышение эффективности принимаемых государственными органами мер профилактики коррупционных правонарушений, а также минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

- 3) Результаты анкетирования граждан Крыма и города Севастополя показали, что примерно 36% респондентов не обратятся в правоохранительные органы в связи с вымогательством у них взятки, из-за опасения преследования со стороны коррупционеров, отсутствия эффективности борьбы со взяточничеством и доверия к правоохранительным органам.

Итоги полученных результатов анкетирования свидетельствует о необходимости дальнейшей активизации работы правоохранительных органов по проведению агитационной и разъяснительной работы, направленной на повышение правовой грамотности населения и формирования правового сознания граждан с целью минимизации коррупционных правонарушений и формирования нетерпимости к проявлениям взяточничества и коррупции.

Активизации также подлежит работа в сфере антикоррупционного просвещения в средствах массовой информации и сети Интернет, что свою очередь должно способствовать повышению уровня доверия граждан к правоохранительным органам и положительно влиять на уровень содействия граждан при выявлении и расследовании фактов взяточничества в Республике Крым и городе Севастополе.

Литература

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995 (ред. от 06.07.2016) [Электронный ресурс]. – режим доступа: // <https://base.garant.ru/10104229/> – (дата обращения: 03.04.2020).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. – режим доступа: // <https://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 04.04.2020). Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 02.04.2020).
3. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 27.12.2019) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://base.garant.ru/70618342/> (дата обращения: 16.01.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 11.08.2014 № 790 (ред. от 12.12.2019) «Об утверждении

федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года». [Электронный ресурс]. – режим доступа: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167146/ (дата обращения: 04.04.2020).

5. Закон РСФСР от 25 июня 1946 г. Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1958 гг. (М., 1959. –С. 54).
6. Декрет ВЦИК и СНК от 18.10.1921 «Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике» – [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://istmat.info/node/46792> (дата обращения: 03.04.2020).
7. Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-7523. Оп. 57. Д. 963. Л. 5.
8. Гармаев Ю.П., Макаров А.П. / Проблемы использования результатов ОРД по уголовным делам о взяточничестве в крымском регионе: анализ результатов анкетирования правоприменителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Научный журнал. Выпуск № 2. 2020. С. 138–141.
9. Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 02.04.2020).
10. Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137 место. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (дата обращения: 03.04.2020).

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIVE RESEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL CASES OF BRIBERY IN THE CRIMEAN REGION: ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE QUESTIONNAIRE OF CITIZENS LIVING IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE CITY OF SEVASTOPOL

Makarov A.P.

Kuban State Agrarian University

The article provides an analysis of the results of a survey of citizens living in the Republic of Crimea and the city of federal significance

Sevastopol on the spread of corruption crimes and offenses in the Crimean region.

The results obtained allow us to determine the level of perception of corruption by the population of the region, the level and extent of corruption, which, taking into account regional characteristics, will allow us to develop specific measures to increase the effectiveness of combating manifestations of bribery and corruption.

Keywords: bribery, corruption, the level of perception of corruption, operational investigative activities, the results of operational investigative activities, the identification and disclosure of bribery, a sociological survey, questionnaires.

References

1. Federal law “On operational and investigative activities” No. 144-FZ of 12.08.1995 (ed. from 06.07.2016) [Electronic resource]. – access mode: // <https://base.garant.ru/10104229/> (date of access: 03.04.2020).
2. Federal law of 25.12.2008 № 273-FZ (as amended on 16.12.2019) “On anti-corruption” [Electronic resource]. – access mode: // <https://base.garant.ru/12164203/> (date of access: 04.04.2020). Results of a sociological survey on evaluating the effectiveness of anti-corruption measures. [Electronic resource]. – mode of access: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (date accessed: 02.04.2020).
3. Federal constitutional law No. 6-FKZ of 21.03.2014 (ed. from 27.12.2019) “About acceptance to the Russian Federation Republic of Crimea and education in the Russian Federation new subjects – Republic of Crimea and city of Federal importance Sevastopol”. [Electronic resource]. – mode of access: <https://base.garant.ru/70618342/> (accessed: 16.01.2020).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.08.2014 No. 790 (ed. from 12.12.2019) “On approval of the Federal target program” Socio-economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol until 2022”. [Electronic resource]. – access mode: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167146/ (accessed: 04.04.2020).
5. The Law of the RSFSR of June 25, 1946 On the abolition of the Chechen-Ingush ASSR and the transformation of the Crimean ASSR into the Crimean region // Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938–1958 (Moscow, 1959-P. 54).
6. Decree of the VTSIK and SNK of 18.10.1921 “on the Autonomous Crimean Soviet Socialist Republic”- [Electronic resource]. – access mode: <http://istmat.info/node/46792> (accessed: 03.04.2020).
7. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 19.02.1954 “on the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the USSR” // State archive of the Russian Federation. F. R-7523. Op. 57. D. 963. L. 5.
8. Garmaev Yu. P., Makarov A.P. / Problems of using the results of the ORD in criminal cases of bribery in the Crimean region: analysis of the results of law enforcement questionnaires // Humanities, socio-economic and social Sciences. Scientific journal. Issue # 2. 2020. Pp. 138–141.
9. Results of a sociological survey on evaluating the effectiveness of anti-corruption measures applied. [Electronic resource]. – mode of access: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (date accessed: 02.04.2020).
10. Russia in the corruption perception Index 2019: 28 points and 137th place. [Electronic resource]. – access mode: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (accessed: 03.04.2020).

Особенности уголовно-правовой регламентации ответственности за причинение вреда здоровью лиц, занимающихся профессиональным спортом, в законодательстве зарубежных стран

Терещенко Владислав Сергеевич,

соискатель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, начальник юридической группы филиала ФАУ МО РФ «Центральный спортивный клуб армии»
E-mail: vladislavter@mail.ru

Статья содержит краткий обзор положений зарубежного законодательства и национального законодательства Российской Федерации, в том числе отечественной правовой доктрины по вопросам квалификации причинения вреда жизни и здоровью спортсменов. Проведенный анализ позволил выявить как недостаточность правового инструментария, имеющегося в российском законодательстве, так и избыточно мягкое отношение к сфере уголовно-правовой охраны жизни и здоровья спортсменов в законодательстве зарубежных стран.

Ключевые слова: спорт, преступления, травма, причинение по неосторожности, наказание.

Зарубежный опыт уголовно-правового регулирования ответственности лиц, профессионально занимающихся профессиональным спортом, представляет особый исследовательский интерес. Во-первых, процесс глобализации способствовал полноценному включению нашего государства в ряд интегративных международных объединений, и в этом качестве сформировался вектор дальнейшего развития российской уголовной политики. Во-вторых, в условиях активного противодействия распространению и использованию в ходе спортивных состязаний приборов, позволяющих фиксировать употребление психоактивных веществ, доказано, что такие преступления направлены на разрушение конкурентных отношений, а охрана здоровья спортсмена становится дополнительным объектом состава [1, с. 11]. В этой связи предлагается обратиться сперва к положениям отечественной правовой доктрины, а далее – к нормам зарубежного уголовного законодательства.

Правовая природа причинения вреда здоровью лиц, участвующих в спортивных состязаниях, остается дискуссионной. Так, еще в советский период некоторые авторы вообще не допускали применение в таких случаях уголовной ответственности [2, с. 370–371]. Отмечая, что в контактных видах спорта возможно причинение вреда здоровью спортсмена или даже наступление его смерти, ученые также заключают, что такие ситуации охватываются положениями ст. 41 УК РФ об обоснованном риске [3, с. 11], либо в данном случае имеется презумпция согласия потерпевшего на причинение вреда [4, с. 83–87]. Другие авторы возражают такому подходу и выдвигают контрдовод о том, что спортсмен не совершает рискованных действий для достижения общественно полезных целей, а руководствуется иными намерениями [5, с. 39–45]. Правильным представляется и тезис о невозможности применять в таких случаях положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния (причинение вреда здоровью, а тем более, наступление смерти, очевидно, не может быть итогом такого деяния) [6, с. 52–59].

В то же время, дискуссионным остается вопрос о том, можно ли квалифицировать вред здоровью или жизни спортсмена по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение умышленного преступления. Приверженцы такой идеи обосновывают ее буквальным толкованием уголовно-правовых норм, а равно прецедентами умышленного травмирования соперника

[7, с. 120–126]. Например, вспоминая известный «казус Майка Тайсона», а именно, боксерский поединок, во время которого Тайсон откусил сопернику ухо [8, с. 30–33]. В целом насилие может являться своеобразным компонентом занятия некоторыми видами спорта (например, в форме «сопровождающей агрессивности» [9, с. 493–499]). Однако переход проявлений агрессивности с глубоко целенаправленной деятельности (натиск, напор) на враждебную является недопустимым, хотя грань между ними достаточно тонкая (например, в октябре 2018 г. после боксерского поединка между российским спортсменом Х. Нурмагомедовым и ирландским боксером К. Макгрегором произошла массовая драка с участием обоих боксеров и представителей их тренерского штаба; в связи с данными обстоятельствами были вынесены решения дисциплинарного характера, поскольку это, очевидно, не имело отношения к поединку [10]).

И наконец, сторонники компромиссного подхода еще в советский период предлагали квалифицировать случаи спортивного травматизма по статьям УК РФ, устанавливающим ответственность за причинение вреда жизни и здоровью по неосторожности (например, по ст. 109, ст. 118 УК РФ) [11, с. 19].

Таким образом, в правовой доктрине сформировался широкий спектр мнений относительно особенностей квалификации общественно опасных посягательств на жизнь и здоровье спортсменов.

Исследование проблем квалификации травм, полученных при занятии спортом, было бы недостаточно полным без подробного анализа норм зарубежного законодательства в этой части. При том условии, что в большинстве случаев лица, причинившие вред жизни или здоровью потерпевших при занятии спортом, как правило, не подлежат уголовной ответственности [3, с. 10–11], уголовное законодательство зарубежных стран отличается существенной вариативностью.

Так, в ряде зарубежных государств законодательно закреплена уголовная ответственность за причинение смерти или вреда здоровью при осуществлении профессиональной деятельности. Например, ст. 211 УК Японии предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет к лицам, не проявившим заботливости, необходимой при осуществлении профессиональной деятельности, либо грубо нарушил установленные для нее правила. Хотя преимущественно такие нормы распространяются на различные профессиональные ошибки (например, врачебные), в целях охраны жизни и здоровья спортсменов такой подход также представляется уместным.

В законодательстве европейских стран, напротив, в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусматривается такое, как причинение вреда с согласия потерпевшего. Например, ст. 32 УК Швейцарии освобождает от уголовной ответственности лиц, причинивших вред при выполнении своих профессиональных обязанностей или действий, разрешенных законом или

регламентом. Аналогично ст. 122–4 УК Франции устанавливает, что лицо, совершившее разрешенное законом действие, не подлежит уголовной ответственности. Еще более однозначна в данном контексте ст. 42 УК Голландии, освобождающая от уголовной ответственности лиц, совершающих правонарушения при выполнении законных требований. Иными словами, если исходить из того, что спортивные состязания – это разрешенный вид деятельности, урегулированный правилами (в том числе, относящимися к силовым столкновениям, контактному сближению и иным ситуациям), то причинение вреда здоровью или жизни спортсменов носит случайный (ситуационный) характер, не контролируется вследствие эмоционального азарта и не имеет поэтому общественной опасности.

Ст. 44 УК Сан-Марино прямо предусматривает норму, освобождающую от уголовной ответственности лиц, которые при проведении спортивных состязаний своими действиями нанесли ущерб сопернику или иным лицам. Пределы применения этого обстоятельства, исключающего преступность деяния, прямо ограничены законным режимом проведения состязания или соревнования. Из этого ученые заключают, что вред жизни и здоровью, причиненный во время спортивных игр, по законодательству этой страны ненаказуем [12, с. 224–228]. Другие исследователи предлагают рецепцию этого опыта и обосновывают необходимость включения в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, такого, как причинение вреда жизни или здоровью по неосторожности во время спортивных соревнований или тренировочного процесса [13, с. 18–22].

Однако в данном случае можно привести некоторые возражения. Во-первых, ни одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния, включенных в главу 8 УК РФ, не подразумевают наличие неосторожной формы вины: по своей сути это умышленные действия, влекущие причинение вреда и ненаказуемые только в связи с социально полезной «подоплекой» (необходимая оборона – отражение посягательства, обоснованный риск – достижение общественно полезной цели, крайняя необходимость – устранение опасности и пр.). Даже физическое или психическое принуждение обладает в этом качестве рациональным зерном, поскольку лицо вынужденно совершает противоправные действия под влиянием силы, которой не может сопротивляться (принимает пассивные меры к избежанию дальнейшего принуждения). Во-вторых, с учетом агрессивного *modus operandi* (образа действий), практикующегося гласно или негласно во многих видах спорта, неосторожность в таких случаях не должна исключать уголовную ответственность. Конечно, «казус Тайсона» – это исключение, обоснованное не вполне адекватным поведением боксера, однако во многих других случаях можно видеть примеры преступного легкомыслия или преступной небрежности, приводящих к травмированию (нанесение с большой си-

лой удара во время игрового столкновения, умышленная подножка и др.). Именно это заставляет оценивать содеянное по фактически наступившим последствиям.

Обращаясь к законодательству некоторых других стран, можно отметить, что оно, как и российское, не предусматривает специальных привилегированных норм, распространяющихся на случаи спортивного травматизма. Так, ст. ст. 104, 114 УК Республики Казахстан вообще не раскрывают составообразующие признаки причинения смерти, а также вреда здоровью средней тяжести или тяжкого, по неосторожности. Аналогично ст. ст. 149, 157 УК Республики Молдова не акцентируют внимания на структуре составов таких преступлений. Ст. 135 УК Кыргызской Республики содержит квалифицирующий признак причинения смерти по неосторожности: исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, а в отношении неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью ст. 144 кодекса такой оговорки не делает.

При этом любая из перечисленных уголовно-правовых норм могут применяться в целях уголовно-правовой квалификации причинения вреда здоровью и жизни лиц, профессионально занимающихся спортом. В равной мере это относится и к ст. ст. 109, 118 УК РФ. Отсутствие специальной нормы, которую можно было бы использовать в подобных случаях, нельзя однозначно признать недостатком действующего законодательства, поскольку общая норма охватывает такие ситуации причинения вреда жизни и здоровью спортсменов.

Кроме того, можно отметить, что травматизм в спорте носит массовый характер (только в США спортивные травмы составляют 16% всех случаев повреждений, нанесенных детям и молодежи), а затраты на лечение спортсменов достигают огромных размеров, но несутся преимущественно страховыми компаниями [14, с. 586]. При таких обстоятельствах, а также с учетом отнесения уголовным законодательством деяний, предусмотренных ст. ст. 109, 118 УК РФ, к преступлениям небольшой тяжести, допускающим прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, наличие общих норм представляется достаточной базовой гарантией правовой охраны жизни и здоровья спортсменов.

Исходя из изложенного, зарубежный опыт правового регулирования причинения вреда жизни и здоровью спортсменов в большинстве случаев не дает положительного примера. Если использовать «матрицу», разработанную в законодательстве европейских государств, то любые травмы, полученные во время спортивных соревнований, не будут получать уголовно-правовую оценку. При этом наличие согласия потерпевшего на причинение вреда является достаточно спорным, а сам по себе законный характер поединка, в принципе, не исключает бесконтрольного проявления агрессии, грубого нарушения его правил или иных виновных действий.

Наличие общих норм, устанавливающих ответственность за причинение вреда здоровью или смерти по неосторожности, также не учитывает особенностей травмирования спортсменов во время игровых эпизодов, поэтому может рассматриваться только в качестве базовой, требующей дальнейшего развития, уголовно-правовой гарантии.

Подводя итог, можно заключить, что уголовно-правовая охрана жизни и здоровья профессиональных спортсменов в данный момент не сформировалась в российском законодательстве в полном объеме, и это препятствует надлежащему правовому реагированию в связи с нанесением серьезных травм во время соревнований.

Литература

1. Кутуев, А.Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных при использовании в спорте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Р. Кутуев. – М., 2019. – 162 с.
2. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1948. – 450 с.
3. Скворцов, А.А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни и здоровью при занятии спортом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2005 / А.А. Скворцов. – 175 с.
4. Расторопов, С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение / С.В. Расторопов // Преступление. Наказание. Исправление. Вестник Института. – 2015. – № 2. – С. 83–87.
5. Варданян, А.В., Безручко, Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний / А.В. Варданян, Е.В. Безручко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – 2. – С. 39–45.
6. Смирнов, А.М. О наличии общественной опасности деяний, совершенных в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.М. Смирнов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4. – С. 52–59.
7. Амиров, И.М. Особенности юридической ответственности в сфере спорта: к постановке проблемы / И.М. Амиров // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 120–126.
8. Трунов, И.Л. «Казус Майка Тайсона»: подлежат ли уголовной ответственности современные гладиаторы, наносящие вред жизни или здоровью / И.Л. Трунов // Юрист спешит на помощь. Приложение к «Российской газете». – 2015. – № 4. – С. 30–33.
9. Краев, Ю.В., Мерзликин, А.А. Проявление агрессии в спорте / Ю.В. Краев, А.А. Мерзликин // Московский экономический журнал. – 2018. – № 4. – С. 493–499.

10. Массовая драка после боя Макгрегора-Нурмагомедова // РБК [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2018/5bb9d3d69a794744465c22cd> (Дата обращения: 01.10.2019)
11. Дубовец, П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / П.А. Дубовец. – М.: Госюриздат, 1964. – С. 19.
12. Сокольский, Г.Ю. Причинение вреда жизни и здоровью в ходе спортивных соревнований по уголовному законодательству зарубежных стран / Г.Ю. Сокольский // Царскосельские чтения. – 2015. – № 1. – С. 224–228.
13. Белецкий, В.В., Печенкина, А.А., Дубинин, В.О. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью по неосторожности при занятиях профессиональным спортом / В.В. Белецкий, А.А. Печенкина, В.О. Дубинин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 4. – С. 18–22.
14. Платонов, В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов / В.Н. Платонов. – М.: Издательство «Спорт», 2019. – 656 с.

SPECIAL ASPECTS OF REGULATORY ACTIVITY FOR DETERMINATION OF LIABILITY AS A RESULT OF INFLICTION OF HARM BY PEOPLE, INVOLVED INTO PROFESSIONAL SPORT DOING, ACCORDING TO FOREIGN COUNTRIES LAW

Tereshchenko V.S.

University of the Prosecutor's office of the Russian Federation

The article provides a brief overview of the provisions of foreign law and domestic legal doctrine on the qualifications of causing harm to the life and health of athletes. The analysis made it possible to identify both the insufficiency of the legal tools available in the Russian legislation and the excessively soft attitude to the sphere of criminal legal protection of the life and health of athletes in the legislation of foreign countries.

Keywords: sports, crime, injury, negligence, punishment.

References

1. Kutuev, A.R. Criminal liability for the introduction, distribution and use of substances and (or) methods prohibited for use in sports: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.09 / A. R. kutuev. – M. 2019. – 162 p.
2. Shargorodsky, M.D. Crimes against life and health / M.D. Shargorodsky. – Moscow: Gosyurizdat, 1948. – 450 p.
3. Skvortsov, A.A. Criminal-legal assessment of harm to life and health in sports: dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.08. – Saratov, 2005 / A.A. Skvortsov. – 175 p
4. Rastoropov, S.V. Consent to causing harm to one's own health and its criminal and legal significance / S.V. Rastoropov // Crime. Punishment. Correction. Bulletin Of The Institute, 2015, No. 2, Pp. 83–87.
5. Vardanyan, A.V., Bezruchko, E.V. Legal assessment of harm to human health during sports competitions / A.V. Vardanyan, E.V. Bezruchko // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – 2. – Pp. 39–45.
6. Smirnov, A.M. On the presence of public danger of acts committed under circumstances that exclude criminality of the act / a.m. Smirnov // Legal science and law enforcement practice. – 2018. – № 4. – Pp. 52–59.
7. Amirov, I.M. Features of legal responsibility in the field of sports: to the problem statement / I.M. Amirov // Society and law, 2010, no. 4, Pp. 120–126.
8. Trunov, I.L. "Mike Tyson's Case": whether modern gladiators causing harm to life or health are subject to criminal liability / I.L. Trunov // the Lawyer rushes to the rescue. The Supplement to "Rossiyskaya Gazeta". – 2015. – № 4. – Pp. 30–33.
9. Kraev, Yu.V., Merzlikin, A.A. Manifestation of aggression in sports / Yu.V. Kraev, A.A. Merzlikin // Moscow economic journal. – 2018. – № 4. – Pp. 493–499.
10. Mass brawl after the McGregor-Nurmagomedov fight // RBC [electronic resource] – access Mode: URL: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2018/5bb9d3d69a794744465c22cd> (accessed: 01.10.2019)
11. Dubovets, P.A. Responsibility for bodily injuries in the Soviet criminal law / P.A. Dubovets. – Moscow: Gosyurizdat, 1964. – P. 19.
12. Sokolsky, G. Yu. Causing harm to life and health during sports competitions under the criminal legislation of foreign countries / G. Yu. Sokolsky // Tsarskoye Selo readings. – 2015. – no. 1. – Pp. 224–228.
13. Beletsky, V.V., Pechenkina, A.A., Dubinin, V.O. Criminal liability for causing harm to health by negligence when engaged in professional sports / V.V. Beletsky, A.A. Pechenkina, V.O. Dubinin // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2012, no. 4, Pp. 18–22.
14. Platonov, V.N. Motor qualities and physical training of athletes / V.N. Platonov. – Moscow: publishing house "Sport", 2019. – 656 p.

Основные направления развития уголовного права в сфере борьбы с финансированием экстремистской деятельности

Щебляков Евгений Степанович,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»
E-mail: esshcheblyakov@mail.ru

В настоящей статье проанализированы базовые основания привлечения к уголовной ответственности по фактам совершения деяний, связанных с финансированием экстремистской деятельности, а также рассмотрены основные трудности, с которыми приходится сталкиваться на практике при расследовании данного типа правонарушений, обусловленные способами совершения самого преступления.

Поскольку обеспечение государственной и общественной безопасности являются ключевым приоритетом российской политики национальной безопасности, развитие нормативно-правового регулирования и анализ правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму остаются одной из наиболее актуальных задач современного российского общества.

Ключевые слова: национальная безопасность, Уголовный кодекс Российской Федерации, субъект финансирования экстремизма, противодействие экстремизму.

Для выработки эффективных методик профилактики, и предотвращения преступлений экстремистского характера необходимо для начала сформировать четкое определение круга и криминалистической характеристики соответствующего вида преступлений. Во избежание разночтений и обусловленных ими злоупотреблений, в российском законодательстве закреплено однозначное определение понятия «экстремистская деятельность», которая, согласно Федеральному закону от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», представляет собой деятельность, направленную на насильственное изменение Российского конституционного строя, публичное оправдание или пропаганду терроризма, расовой, социальной, национальной или религиозной вражды, а также финансирование перечисленных деяний.

Необходимо отметить, что российское законодательство признает экстремистской деятельностью призывы насильственного изменения конституционного строя в самой Российской Федерации, но не относит, по крайней мере однозначно, аналогичные призывы касаемые конституционного устройства иных государств, в связи, с чем гипотетическое иностранное лицо, призывавшее к силовому изменению конституционного строя иностранного государства, либо осуществлявшее финансирование соответствующей деятельности, теоретически может быть не признано в России экстремистским, если при этом не было замечено в публичном оправдании или пропаганде насилия, вражды и терроризма.

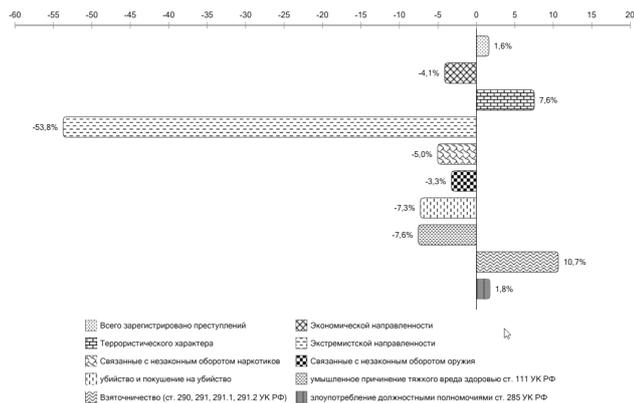
С 2014 года в отечественный Уголовный кодекс введена статья 282.3, предусматривающая уголовную ответственность конкретно за финансирование экстремистской деятельности.

Если обратиться к современному словарю экономических терминов и определений, то понятие «финансирование» раскрывается там как предоставление финансовых средств для каких-либо конкретных целей, в то время как Закон «О противодействии экстремистской деятельности» под финансированием понимает также и предоставление информационных услуг, услуг связи, учебной, полиграфической и материально-технической базы; при этом лицо, осуществляющее такое финансирование, должно понимать, что средства передаются экстремистской организации, либо предназначены для совершения экстремистских деяний [1].

Одним из институциональных звеньев системы противодействия экстремизму в России является Федеральная служба финансового мониторинга,

ведущая учет лиц и организаций, в отношении которых имеются данные о причастности к экстремистской деятельности, что помогает формировать доказательную базу при расследовании экстремистских преступлений [2].

Внутренняя российская политика, направленная на борьбу с экстремизмом носит комплексный характер на всех уровнях и ветвях власти, и, как показывают статистические данные, приносит определенных положительные результаты. В частности, согласно сведениям Генпрокуратуры число преступлений экстремистской направленности в 2019 году сократилось в нашей стране на 53,8% по отношению к 2018 году (рис. 1).

Рис. 1. Прирост (сокращение) по категориям преступности в России в 2019 году по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Если анализировать причины имеющейся положительной динамики снижения числа экстремистских преступлений, становится очевидным, что помимо эффективной работы спецслужб и правоохранительных органов, системная основа здесь как раз и была заложена законодательными изменениями 2014 года, направленными не только на ужесточение ответственности за экстремизм, но и на удар по его финансовому обеспечению.

Отдельно стоит обозначить, что Верховный суд России указывает на необходимость руководствоваться разъяснениями, п. 16 и 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» при квалификации преступлений, связанных с финансированием экстремизма. При этом в качестве действий по финансированию экстремизма в ч. 1 ст. 282.3 Уголовного кодекса обозначены не только выделение финансирования и оказание услуг финансового характера, но так же и действия, связанные с предоставлением и сбором различных материальных ресурсов, например таких, как экипировка и обмундирование, наряду с четким пониманием и осознанием того обстоятельства, что данные соответствующие ресурсы предназначены для совершения преступных экстремистских действий.

Аналогичное по своей сути определение преступного финансирования экстремистской деятельности прописано, также в ст. 3 Федерально-

го закона от 7.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».

Смысловая нагрузка понятия «средства» в данном случае проистекает из определения п. 1 ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, расшифровывающей их как «любого рода активы, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы, подтверждающие право на соответствующие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации и др.» [3].

Отечественное законодательство понимает под субъектом экстремистского преступного деяния вменяемое дееспособное физическое лицо старше 16 лет, в независимости от наличия, либо отсутствия у него российского гражданства. Важно и то, что виновное лицо должно осознавать, что его действия имеют своей конечной и очевидной целью финансирование именно преступной деятельности экстремистского характера. Иными словами, в данной части российское законодательство носит экстерриториальный характер, что позволяет осуществлять действия, направленные на санацию возможных экстремистских посягательств на интересы Российской Федерации, ее граждан и ее резидентов, не только на территории России и в отношении российских граждан, но и на территориях иных государств, и в отношении иностранных граждан или лиц, не имеющих гражданства.

Исполнителем преступного деяния, заключающегося в финансировании экстремизма, согласно составу преступления, указанному в ст. 282.3 Российского Уголовного кодекса, является лицо, финансирующее экстремистскую деятельность. Вместе с тем, по смыслу совершаемого деяния, его общественная опасность заключается еще и в том, что виновное лицо, предоставляя финансы, например, для создания или поддержания экстремистского сообщества, по сути, является соучастником в создании экстремистского сообщества, а также – и в организации деятельности экстремистской организации, что должно за собой повлечь и наказание по ст. 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса.

Анализ отечественных законодательных норм, направленных против экстремизма, позволяет заключить, что финансирование любой деятельности, носящей признаки экстремистской, является неотъемлемой, если не ключевой компонентой самой сути данной деятельности.

Не имея источников финансирования или материально-технической подпитки, а также привлекательного для определенных целевых групп идеологического сопровождения (а это тоже вопрос финансирования) не в состоянии стабильно существовать продолжительное время ни одна общественная структура, в т.ч. экстремистского толка, а значит, финансирование противоправной

экстремистской деятельности является деянием повышенной степени опасности, поскольку является фактором, провоцирующим преступление, либо благоприятствующим его совершению.

Положения ст. 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса предполагают отдельную степень ответственности для организаторов, подстрекателей и исполнителей экстремистских преступлений. Вместе с тем, данные статьи не предусматривают обособленного, специфического наказания для такой категории правонарушителей, как «пособник преступления», а ведь, как уже было отмечено выше, именно финансирование экстремистской деятельности как раз и носит большинство очевидных признаков пособничества. В частности, если речь идет о лице, предоставляющем средства для исполнения того, или иного противозаконного экстремистского деяния, то такая деятельность непосредственно стыкуется по всем юридическим параметрам с понятием пособничества, обозначенным в ч. 5 ст. 33 Российского Уголовного кодекса. Однако, отдельно стоит отметить, что за рамками определения понятия «пособник» в современном российском уголовном праве продолжает оставаться такая составляющая финансирования экстремизма, как оказание финансовых услуг.

Понятие «финансовая услуга» закреплено в п. 2 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и подразумевает банковские, страховые, лизинговые, услуги, услуги финансовых организаций, либо услуги на рынке ценных бумаг, из чего следует, что в отличие от пособничества, физическое лицо, оказывая финансовые услуги в целях осуществления экстремистских деяний, не предоставляет собственные средства для целей совершения преступления, а лишь создает благоприятные условия для размещения ресурсов, которые предназначены для совершения экстремистского противоправного деяния.

Таким образом, лицо, финансирующее экстремистскую деятельность, по сути, является полноценной разновидностью соучастника преступления, не относящегося ни к одному из видов соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), закреплённых в современной редакции ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Соответственно, на наш взгляд в современных российских реалиях назрела необходимость закрепления в перспективе на законодательном уровне такого понятия, как «пособничество в совершении экстремистской деятельности», в первую очередь, оговорив особую роль пособничества, проистекающую из преступных действий, связанных с финансированием экстремизма.

Литература

1. Крохмалев С.В. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности (новеллы законодательства) // Вестник

Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 56–58.

2. Тимофеев Е.В. Расследование преступлений, связанных с финансированием экстремизма // В Сборнике: Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства Материалы VI Международной научной конференции студентов и магистрантов. – 2017. – С. 109–110.
3. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // Собр. зак-ва РФ. – 2003. – № 12. – Ст. 1059.

GUIDELINES FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW IN THE FIGHT AGAINST THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES

Shcheblyakov E.S.

Krasnoyarsk State Agrarian University

This article analyses the basic grounds for criminal prosecution for acts related to the financing of extremist activities, as well as the main difficulties encountered in the investigation of this type of offence in practice due to the manner in which the offence itself was committed.

Since ensuring State and public security is a key priority of Russian national security policy, the development of regulatory and legal regulation and analysis of law enforcement practices in the field of countering extremism remains one of the most pressing tasks of modern Russian society.

Keywords: national security, Criminal Code of the Russian Federation, subject of financing of extremism, countering extremism.

References

1. Krokhmalev S.V. Criminal liability for crimes of an extremist nature (innovations of legislation)//Journal of the All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2015. – № 1 (33). – P. 56–58.
2. Timothy E.V. Investigation of crimes related to the financing of extremism//In the Collection: Organizational, Procedural and Forensic Support of Criminal Proceedings Materials of the VI International Scientific Conference of Students and Master Students. – 2017. – P 109–110.
3. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (adopted by General Assembly resolution 54/109 of 9 December 1999)//Sobr. Russian Federation. – 2003. – № 12. – St. 1059.

О необходимости закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ негласных следственных действий

Костенко Александр Борисович,

аспирант, кафедра уголовного процесса, Кубанский государственный университет
E-mail: kos.80@list.ru

В статье рассмотрены актуальные проблемы доказывания по уголовным делам в части использования возможностей оперативно-розыскных действий. Проведен анализ законодательства, мнений ученых процессуалистов по данному вопросу, а также приведен зарубежный опыт в этой сфере. Особое внимание в работе уделяется возможности реформирования уголовно-процессуального законодательства России путем добавления главы посвященной негласным следственным действиям.

Ключевые слова: процесс доказывания, доказательства, соби- рание доказательств, оперативно-розыскная деятельность, негласные следственные действия.

Раскрытие преступлений и изобличение виновных в их совершении лиц является одной из целей уголовного процесса. Следственные действия – это необходимый инструментальный следователя и дознавателя, осуществляющего предварительное расследование в рамках уголовного дела. От эффективности этого инструментария зависит, будет ли выполнена эта цель и в какие сроки. В настоящее время абсолютно точно можно сказать, что следователь в своей работе не может обойтись без возможностей оперативно-розыскной деятельности.

В.Ф. Луговик указывает, что последнее десятилетия характеризуется негативными тенденциями в области преступности: наиболее ярко проявляется профессионализм и организация криминальной среды, преступная деятельность переносится в виртуальное пространство, расширяется сфера применения новых информационных технологий, распространяются экстремистские и террористические преступления и т.д. и они могут быть обнаружены только с помощью негласных сил, инструментов и методов [1].

Следует признать, что «преступное сообщество» в своей деятельности необычайно быстро берет на «вооружение» возможности и технологии, которые предоставляет современная промышленность и электроника. Оно не обременено необходимостью следовать каким-либо правилам, морально-этическим нормам или санкционировать свои действия.

Как отмечает А.Е. Шарихин, российская организованная преступность давно провозгласила о своем существовании, создав серьезную угрозу национальной безопасности России. Об этом свидетельствуют не только аресты и судебные решения, вынесенные в России в отношении определенных министров, сенаторов, губернаторов обвиняемых в совершении преступлений, но также и действия законодателей. Однако все это произошло через несколько лет и после значительного ущерба для экономического и социального обеспечения страны. По мнению ученого необходимо было выявить и избежать таких последствий на ранней стадии, чтобы не столкнуться с негативными последствиями [2].

Чтобы эффективно противостоять преступности правоохранительные органы вообще, и представители следствия и дознания в частности, должны обладать современным набором средств,

направленных на раскрытие преступлений и наказание виновных лиц.

В.Ю. Стельмах указывает, что мы должны стремиться к тому, чтобы все новые и эффективные методы получения доказательной информации применялись в уголовном процессе с использованием всех имеющихся достижений в области науки и техники [3].

В российском законодательстве на данный момент наблюдается проблема в сфере использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. С.Б. Россинский утверждает, что существующие противоречия теории уголовного процесса с реальными потребностями правоприменительной практики привели к непоследовательности законодателя при формировании соответствующей нормативной базы, обусловили возникновение существующей сегодня коллизии между УПК РФ и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту – ФЗ «Об ОРД»), выраженной в отсутствии системного единства между положениями данных федеральных законов [4]. Мы солидарны с ученым, ведь проблема использования возможностей оперативно-розыскных действий (далее по тексту – ОРД) в доказывании действительно является очень острой в науке уголовного-процесса и требует скорейшего разрешения.

На сегодняшний день в российском уголовном процессе наблюдается объективное разграничение между оперативно-розыскными и следственными действиями. Оно объясняется разной правовой природой, возможностью проверки их результатов, субъектом исполнения, гласностью и т.д. Но при этом, на данный момент однозначно можно констатировать, что следователи в своей деятельности используют результаты оперативно-розыскных действий, «искусственно» вводя их в процессуальное поле по средствам проведения следственных действий, направленных на легализацию исключительно *результатов* ОРД. Это вынужденная необходимость со стороны следователей и дознавателей, вызванная коллизиями между УПК РФ и ФЗ «Об ОРД», ведь обойтись без возможностей, которые предоставляют оперативные действия, нельзя.

М.С. Колосович в своей работе приводит данные опроса респондентов из числа следователей и руководителей следственных органов которые отметили, что: «Помощь оперативных сотрудников неопределима: при выдвижении версий о виновных лицах и способах совершения преступления; для подготовки процессуальных действий и определения объема и последовательности их проведения; для выбора наиболее эффективной тактики их производства; для выработки оптимальной методики расследования по конкретному уголовному делу» [4].

По мнению В.Ф. Луговика, факторами, сдерживающими реформирование уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, наряду с другими, выступают два

догматических стереотипа: неприятие негласности расследования; невозможность прямого использования в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности [1]. Мы согласны с мнением ученого и считаем, что одним из очевидных и назревших путей решения данной проблемы является возможность закрепления в УПК РФ главы, посвященной негласным следственным действиям. В науке уголовного процесса тема негласных или специальных следственных действий обсуждается давно, но остро этот вопрос встал в последние годы. Это вызвано особой напряженностью в данном вопросе на практике, а также тем, что уже в полной мере можно оценить опыт некоторых стран, в том числе СНГ, которые закрепили в своих уголовно-процессуальных кодексах данные положения.

В.Ф. Луговик отмечает, что в настоящее время в контексте многочисленных решений ЕСПЧ российские суды и прокуратура фактически запрещают проверочные закупки наркотиков, а оперативный эксперимент рассматривают как провокацию преступления. Суть претензий ЕСПЧ сводится к отсутствию контроля за выполнением этих мер со стороны надзорных органов, а также отсутствия должного правового регулирования в рамках УПК РФ. Российские ученые неоднократно обращали внимание на эти ситуации. Однако это не нашло отражения в законе; ЕСПЧ считает, что наше законодательство не отвечает требованию качества закона и, в силу этого, не способно установить пределы вмешательства в сферу частной жизни [1].

С.И. Давыдов в своей работе приводит пример решения ЕСПЧ «Быков против Российской Федерации», где ЕСПЧ установил, что в отсутствие конкретных и детализированных регламентаций в законе, адекватных гарантий против различных возможных злоупотреблений использование негласных способов контроля может повлечь за собой произвол и не соответствует принципу законности. Положения закона, в свою очередь, должны быть изложены «в достаточно ясных выражениях, чтобы давать гражданам адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых публичные власти вправе прибегнуть к таким негласным мероприятиям» [5]. Осуществляемые по российскому законодательству в рамках оперативно-розыскной деятельности негласные мероприятия, являясь по своей сути ограничивающими основные права и свободы человека, определяются Европейским судом по правам человека как специальные средства расследования [6].

Для нормативного закрепления негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России представляет интерес реализация подобных положений в законодательстве зарубежных стран.

Как отмечает В.А. Семенов: «Опыт ряда государств, в том числе на постсоветском пространстве, позволяет утверждать, что интеграция оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности может осуществляться путем преобразования

оперативно-розыскных мероприятий в негласные (специальные, тайные) следственные действия и даже за счет прямой уголовно-процессуальной регламентации оперативно-розыскных мероприятий, с приданием полученным результатам доказательственного значения наравне со следственными и иными процессуальными действиями» [7]. Негласные следственные действия существуют в рамках уголовно-процессуальных кодексов и других законов Швейцарии, Франции, Греции, Германии, Бельгии. Что касается законодательства стран СНГ, то сегодня негласные следственные действия предусмотрены в Украине, Казахстане, Кыргызстане, Латвии, Литве и Грузии.

Как пишет Н.Н. Ковтун, «категорически отказавшись от бесчисленных российских дискуссий о принципиальной неприемлемости для процесса доказывания данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, и, соответственно, императивной необходимости «легализации», «интерпретации», «представления» указанных данных пользования непосредственно в уголовно-процессуальном доказывании, украинский законодатель решил этот «практически неразрешимый вопрос и кардинально, и качественно» [8].

А.Н. Соколов утверждает, что внутренняя безопасность страны резко ухудшилась и для исправления сложившейся ситуации необходимо использовать современный зарубежный опыт. Необходимо признать законность специальных следственных действий и закрепить в УПК РФ процессуальный порядок их осуществления [9].

В целом, можно сказать, что в законодательстве многих зарубежных стран в той или иной форме разрешено вопрос использования негласных (тайных, специальных) следственных действий при расследовании уголовных дел.

Для решения данной проблемы в Российском уголовно-процессуальном законодательстве следует определить исчерпывающий список негласных следственных действий, закрепленный в УПК РФ, которые бы выполнялись в рамках возбужденного уголовного дела по постановлению следователя и санкционировались судом. Степень возможного вмешательства в права и свободы граждан в обязательном порядке должна соотноситься судом со степенью тяжести расследуемого преступления. Результаты проведенных негласных следственных действий, как и сами действия будут находиться в процессуальном поле доказывания, и после их *обработки* следователем/дознавателем будут отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам. В последующем это также дает возможность стороне защиты проверить как процедуру санкционирования судом негласных следственных действий, так и в определенной степени сам процесс проведения негласных следственных действий. Но тот факт, что негласные следственные действия должны будут проводиться в строгом соответствии с УПК РФ, говорит о большом шаге на пути защиты прав и свобод

граждан, а также о решении проблемы необходимости *легализации* результатов ОРД.

Как отмечает В.Ф. Луговик, это подтверждает международная оценка качества законов и подзаконных актов о негласном производстве в рамках уголовного процесса. В соответствии с международными обязательствами Россия должна проводить и участвовать в негласных специальных операциях по борьбе с преступностью. Но до настоящего времени в рамках УПК РФ нет положений, закрепляющих негласные следственные действия. Именно на это, а также на то, что российские законодательные нормы не соответствуют принципам международного права, обращено внимание в некоторых решениях Европейского суда по правам человека [1].

Следует принять во внимание, что, по сути, интеграция ОРД в уголовный процесс уже произошла, но осуществляется без должного процессуального закрепления с помощью процессуальных лазеек и с согласия судейского корпуса, который понимает, что осуществление предварительного расследования без негласных способов получения доказательств сейчас невозможно.

Также В.Ф. Луговик отмечает, что, хоть в УПК РФ нет закреплено термина, посвященного негласным или специальным следственным действиям, такие действия представлены наложением ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотром и выемкой (ст. 185 УПК РФ); контролем и записью переговоров (ст. 186 УПК РФ); получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) [1].

В.Ю. Стельмах в своей работе посвященной технико-специальным следственным действиям обращает внимание, что необоснованно отказывать в признании этих действий следственными (по сути речь идет о негласных следственных действиях), поскольку это игнорирует широкие возможности в доказывании по уголовным делам и не учитывает применение при расследовании преступлений достижений научно-технического прогресса [3].

М.С. Колосович в своей работе указывает, что система отечественных следственных мероприятий с 2001 года также стала двухзвенной. Деятельность следователя состоит из производства гласных и негласных следственных действий и процессуальных решений. При этом автор разделяет следственные действия на гласные, относительно негласные и абсолютно негласные [4]. К абсолютно негласным действиям автор относит «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; контроль и запись переговоров». По сути своей это негласные следственные действия, которые следователь сам не выполняет.

Противники пути закрепления в УПК РФ негласных или специальных следственных действий высказывают мнение о разной правовой

природе оных со следственными действиями. С.А. Зайцева в своей работе, указывает, что следственные действия используются в качестве надлежащих мер реагирования государственных органов на совершенное преступление. Они исполняются субъектом доказывания в соответствии с уголовно-процессуальными принципами, которые устанавливают особые гарантии прав и свобод отдельных лиц и граждан, которые участвуют в следственных действиях. Им присуще элементы гласности, что создает условия для формирования допустимых и достоверных доказательств. Осуществление оперативно-розыскных действий отличается. Наиболее эффективными и наиболее необходимыми по умолчанию являются меры, осуществляющиеся негласно, что исключает возможность непосредственного участия в получении фактических доказательств субъекта доказывания по уголовным делам. Все эти характеристики привели к различным способам регулирования следственных и оперативно-розыскных действий. Такое положение, по мнению автора, не позволяет автоматически выполнять «специальные следственные действия» в рамках уголовного процесса. Автор считает, что предложения российских ученых направлены на модернизацию досудебного уголовного процесса путем введения «специальных следственных действий», отказ от стадии возбуждения уголовного дела и установления процедур судебного контроля в досудебном производстве с участием следственных судей не только попытка изменить нормативную модель этого значимого участка уголовно-процессуальной деятельности, но и сам исторический тип современного российского уголовного процесса. Критикуя позиции других ученых, автор указывает на то, что авторы пускают типологические характеристики уголовного процесса, которые относятся к явлениям объективным, что они «постепенно выкристаллизовывались с учетом традиций национального законодательства, которые, в свою очередь, выработывались на основе опыта других государств. Изменить ее искусственно – с помощью в том числе внедрения в ткань уголовно-процессуального права чуждых институтов – ошибочный путь [10].

По нашему мнению, высказываемое авторам мнение является неверным и представляется нам попыткой отрицания очевидного. Автор, подводя итог своей мысли, указывает на то, что система выкристаллизовалась с учетом традиций и выработалась на основе опыта других стран. При этом автор почему-то отрицает возможность использовать этот опыт сейчас, а про то, как результаты ОРД в настоящее время «набивают себе дорогу» в поле процессуального доказывания не стоит и говорить. Несостоятельной такую позицию в своей работе считает и В.Ю. Стельмах [3].

Оперативно-розыскная деятельность, на наш взгляд, в том виде, в каком она сейчас существует, должна остаться за пределами процесса доказывания по возбужденным уголовным делам. Оперативно-розыскные действия, производи-

мые оперативными органами и подразделениями по-своему усмотрения в рамках предупредительной, охранительной функции, направленной на выявление и предупреждение преступлений до возбуждения уголовного дела, следует отделить от негласных следственных действий, которые выполняются в рамках возбужденного уголовного дела. Первые должны будут выполнять по усмотрению оперативных органов согласно ФЗ «Об ОРД», вторые в рамках УПК РФ. Очевидным плюсом будет являться строго регламентированная процедура выполнения негласных следственных действий и закрепления их результатов. Также, по нашему мнению, правильным будет путь внесения определенного перечня негласных следственных действий в уголовный процесс, в отличие от закрепления в УПК РФ положения, открывающего доступ в процессуальное поле результатам любых ОРД, проведенных без должного процессуального контроля в рамках ФЗ «Об ОРД». В последующем система негласных следственных действий пройдет свой эволюционный путь развития и интеграции в общую систему следственных действий.

При этом, внося изменения в УПК РФ, направленные на закрепление негласных следственных действий, следует решить также и проблему *разрыва* между оперативными сотрудниками и субъектами, осуществляющими предварительное расследование. Согласно результатам анкетирования, которые приводит в своей работе М.С. Колосович, 98% опрошенных следователей отметили второй по значимости проблемой формальность или поверхностность выполненной работы: «Предоставляемые сотрудниками оперативных подразделений рапорта, как правило, шаблонны и редко чем отличаются от рапортов, предоставленных по другим поручениям других уголовных дел. 18% респондентов отметили неправильную трактовку поставленных в поручении задач и, соответственно, никчемность проведенных мероприятий» Эти же проблемы выделили 83% опрошенных оперативников, которые указали на формальность составленных поручений и отсутствие необходимых деталей (подробностей) совершенного преступления, ссылок из материалов уголовного дела, влияющих на характер и совокупность применяемых оперативно-розыскных мероприятий» [4]. Формальность и шаблонность общения между следователем и оперативником может свести на нет все плюсы предоставляемых ОРД возможностей. В законе необходимо предусмотреть возможность совместной работы следователей и оперативников, а также контроль со стороны последних в рамках осуществления негласных следственных действий. Схожую точку зрения в своей работе высказывает М.С. Колосович [4].

При этом, определенно следует отметить, что специфические методики осуществления оперативных действий должны оставаться вне доступа лиц, не задействованных в их осуществлении. Это в первую очередь, продиктовано требованиями

к безопасности оперативных сотрудников, а также эффективности этих действий.

Подводя итог, можно сказать, что в условиях динамично развивающегося общества и экономики, а как следствие трансграничного преступного сообщества, особенно в рамках электронного пространства, необходимо слияние в рамках возбужденного уголовного дела гласных и негласных следственных действий путем добавления в УПК РФ новой главы, посвященной негласным следственным действиям. Необходимо предусмотреть механизм проведения негласных следственных действий следователем, следователем совместно с оперативниками и оперативниками по поручению следователя, а также возможность контроля за действиями оперативников. Проведение негласных следственных действий должно санкционироваться судом, которому необходимо учитывать при вынесении решения возможную степень вторжения в частную жизнь и соотносить ее со степенью совершенного преступления. Все это позволит следователям быстро и без дополнительных искусственных преград производить расследование преступлений в кратчайшие сроки и с максимальной эффективностью. Стороне защиты, в свою очередь, даст возможность отстаивать свои права, которые могли быть нарушены в рамках осуществляемых негласных следственных действий. А также снимет ряд проблем во взаимодействии России с другими странами в сфере борьбы с преступностью.

Литература

1. Луговик В.Ф. Негласное производство по уголовным делам // Общество и право. 2018. № 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neglasnoe-proizvodstvo-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 14.04.2020).
2. Шарихин А.Е. Переход на новую парадигму оперативно-розыскной деятельности как необходимое условие повышения эффективности в борьбе с организованной преступностью // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-na-novuyu-paradigmu-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-kak-neobhodimoe-uslovie-povysheniya-effektivnosti-v-borbe-s> (дата обращения: 14.04.2020).
3. Стельмах В.Ю. Техничко-специальные следственные действия в российском уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-spetsialnye-sledstvennye-deystviya-v-rossijskom-ugolovnom-protseste> (дата обращения: 14.04.2020).
4. Колосович М.С. Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-voprosy-protsessualnoy-reglamentatsii-neglasnogo-proizvodstva-i-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-sotrudnikami-operativnyh> (дата обращения: 14.04.2020)
5. Постановление ЕСПЧ от 10.03.2009 г. «Быков против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) // Бюл. ЕСПЧ. 2009. № 6.
6. Давыдов С.И. Предпосылки интеграции оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14 (1). С. 12.
7. Семенцов В. А. О научном наследии профессора С.А. Шейфера по вопросу о проникновении оперативно-розыскных мер в систему следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchnom-nasledii-professora-s-a-sheyfera-po-voprosu-o-proniknovenii-operativno-rozysknyh-mer-v-sistemu-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 14.04.2020).
8. Ковтун Н.Н. Негласные следственные (розыскные) действия УПК Украины как легитимные процессуальные средства доказывания // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 26.
9. Соколов А. Н. К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 2. С. 59–64.
10. Зайцева Е.А. С.А. Шейфер о системе следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-a-sheyfer-o-sisteme-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 14.04.2020).

ON THE NEED FOR ATTACHMENT IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF RUSSIA OF UNSUPPORTED INVESTIGATIVE ACTIONS

Kostenko A.B.

Kuban State University

The article discusses the current problems of evidence in criminal matters regarding the use of the capabilities of operational-search actions. The analysis of legislation, the opinions of learned processists on this issue, as well as foreign experience in this area. Particular attention is paid to the possibility of reforming the criminal procedural legislation of Russia by adding a chapter on tacit investigative actions.

Keywords: evidence process, evidence, evidence gathering, operational-search activity, secret investigative actions.

References

1. Lugovik V.F. Secret proceedings in criminal cases // Society and law. 2018. # 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neglasnoe-proizvodstvo-po-ugolovnym-delam> (accessed: 14.04.2020).
2. Sharikhin A.E. Transition to a new paradigm of operational and investigative activities as a necessary condition for improving efficiency in the fight against organized crime // Monitoring of law enforcement. 2019. # 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-na-novuyu-paradigmu-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-kak-neobhodimoe-uslovie-povysheniya-effektivnosti-v-borbe-s> (accessed: 14.04.2020).

3. Stelmakh V. Yu. Technical and special investigative actions in the Russian criminal process // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. # 1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehniko-spetsialnye-sledstvennye-deystviya-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse> (accessed: 14.04.2020).
4. Kolosovich M.S. Modern issues of procedural regulation of secret proceedings and interaction of the investigator with employees of operational divisions // Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. # 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-voprosy-protsessualnoy-reglamentatsii-neglasnogo-proizvodstva-i-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-sotrudnikami-operativnyh> (accessed: 14.04.2020)
5. ECtHR Decision of 10.03.2009 Bykov V. the Russian Federation (complaint no. 4378/02) // Byul. ECHR. 2009. № 6.
6. Davydov S.I. Prerequisites for integration of operational-investigative and criminal-procedural legislation in the Russian Federation // Actual problems of fighting crimes and other offenses. 2016. № 14 (1). P. 12.
7. Sementsov V.A. On the scientific heritage of Professor C.A. Shafer on the issue of the penetration of operational search measures into the system of investigative actions // Legal Bulletin of the Samara University. 2019. # 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchnom-nasledii-professora-s-a-sheyfera-po-voprosu-o-proniknovenii-operativno-rozysknyh-mer-v-sistemu-sledstvennyh-deystviy> (accessed: 14.04.2020).
8. Kovtun N.N. Secret investigative (search) actions of the criminal procedure code of Ukraine as legitimate procedural means of proof // Criminal proceedings. 2013. No. 4. S. 26.
9. Sokolov A.N. On the issue of special investigative actions // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. no. 2. Pp. 59–64.
10. Zaitseva E. A. S.A. Shafer on the system of investigative actions // Legal Bulletin of Samara University. 2017. # 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-a-sheyfer-o-sisteme-sledstvennyh-deystviy> (accessed: 14.04.2020).

Проблемы правового регулирования миграционного процесса в Европе

Ахкамова Лилия Нафизовна,

соискатель, кафедра международного и европейского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: ahkamova.liliya@yandex.ru

Миграционный кризис в Европе остается одним из острых проблем современности. В настоящей статье автором затронут вопрос правового регулирования миграционного процесса в Европе сквозь призму миграционных потоков как угрозы для европейского общества. Приводятся основные положения, предлагаемые ведущими партиями в попытке урегулирования и стабилизации миграционного режима, на примере некоторых стран Европейского союза. Анализируются перспективы решения миграционного кризиса в Европе.

Ключевые слова: миграционный кризис, беженцы, Европейский союз, права человека, миграция, миграционная политика

Мигранты – лица, которые меняют место жительства, переезжая из одной страны в другую вследствие политической, военной, экономической или национально-правовой нестабильности [1, с. 166].

С каждым годом во всем мире набирают обороты проблемы, связанные с неконтролируемыми миграционными потоками. Если к 2000 году во всем мире было около 173,6 миллионов мигрантов, к 2010 году количество мигрантов увеличилось до 220,8 миллионов, а на конец 2019 года цифра приблизилась к 271,6 миллионам мигрантов во всем мире. Из них женщины составляют 48% от общего числа мигрантов, около 38 миллиона – дети, 4,4 миллиона – международные студенты и 164 миллиона – трудовые мигранты. 75% мигрантов – люди трудоспособного возраста (20–64 лет). Почти 31% всех мигрантов проживают в Азии, 30% – в Европе, 26% – в Северной и Южной Америке, 10% – в Африке и 3% – в Океании [2].

Начиная со второй половины XX века, одной из характерных черт развития общества стала массовая миграция населения. К миграции приводят факторы, связанные, к примеру, с неблагоприятным уровнем развития экономики некоторых стран (массовая безработица, инфляция, необоснованно высокий уровень цен, задержки социальных выплат и заработной платы и пр.), что приводит к оттоку рабочей силы в страны с более высоким уровнем жизни. Также выделяют неэкономические факторы миграции, к которым можно отнести национальные, религиозные, политические, расовые и иные [3, с. 43].

Миграционный кризис и в настоящее время остается одним из наиболее актуальных и важных проблем, решение которых особенно остро требуется в странах Европейского союза. Переселение более чем полутора миллионов беженцев из стран, в которых отсутствует военная политическая стабильность, таких как Афганистан, Сирия и пр., которые являлись лицами, нуждающимися в помощи и защите, пережитый странами Европы в 2015 году, оставил за собой ряд правовых проблем.

Однако процедура, которая являлась бы общей для всей территории Европейского союза, позволяющая признать статус «беженца», до настоящего момента отсутствует. Нормативным правовым актом, регулирующим данный вопрос, является Конвенция о статусе беженцев, принятая 28.07.1951 г. Конференцией полномочных пред-

ставителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1950 г. Кроме того, вопрос признания статуса «беженец» рассматривается национальным миграционным законодательством стран ЕС.

Одним из способов борьбы с наплывом беженцев стал итоговый документ саммита 17–18 марта 2016 года между Европейским союзом и Турцией в соответствии с которым с 20 марта 2016 г. мигранты, пытающиеся проникнуть в Грецию из Турции без подачи прошения об убежище в Евросоюзе, будут возвращены в Турцию за счёт Европейского союза.

В 2018 году на Саммите 28–29 июня страны Евросоюза обсудили проблему миграции в Европу. В связи с тем, что согласно сведениям, предоставленным из Евростата, за 2018 год было подано около 581 тысячи заявлений на получение убежища, что гораздо меньше предыдущих лет, некоторыми учеными говорилось об окончании кризиса. Кроме того, совместной целью миграционной политики стран Европейского союза стала защита и укрепление внешних границ Евросоюза [4, с. 50].

Проблемой стало нарушение со стороны Турции вышеуказанного соглашения между Европейским союзом и Турцией, согласно которому Анкара согласилась принимать беженцев с территории Европы обратно, за что Евросоюз пообещал ей финансовую помощь в размере шести миллиардов евро [5]. В 2020 году нелегальные мигранты прорвались на турецко-греческой границе, что привело к экстренному заседанию министров иностранных дел стран-членов Европейского союза, и был сделан вывод о том, что преждевременно говорить о разрешении миграционного кризиса и окончании миграционных потоков.

Учитывая, что за последние 5 лет политика Европы в отношении мигрантов кардинально изменилась, и если в 2015 году был открыт «балканский маршрут» для мигрантов в Германию через Австрию и Венгрию, в следствие чего в Европу прибыло более миллиона беженцев, то в настоящий момент перед странами Европы стоит задача по недопущению повторения подобной ситуации в 2020 году, соответственно, большее количество мер, принимаемых странами Европы, направлено на предотвращение нелегального вторжения.

Данная задача привела к укреплению внешних границ стран Европейского союза, нелегальное пересечение беженцами границ недопустимо, если страны не хотят потерять контроль над потоком мигрантов. Во исполнение принятой на Саммите 28–29 июня 2018 года цели миграционной политики была закрыта граница Турции и Греции.

Вместе с тем, принятая Грецией мера, исключившая право на подачу прошений о предоставлении убежища, лицам, прибывшим в страну, является недопустимой, нарушающей европейское право и ряд конвенций. Применение силы в отношении мигрантов, также было осуждено ООН. Решение о приостановке доступа к процедуре пре-

доставления убежища «не имеет законной основы в международном праве», отметил спецдокладчик ООН Фелипе Гонсалес Моралес [6]. Ни в Конвенции 1951 года о статусе беженцев, ни в законодательстве ЕС о беженцах не содержится каких-либо правовых оснований для приостановления приема ходатайств о предоставлении убежища.

Согласно Дублинскому соглашению, заключенному в 1990 году между странами ЕС, первая страна, в которой оказались мигранты после пересечения границы Европейского союза, несет ответственность за регистрацию, получение убежища или депортацию нелегально прибывших мигрантов.

В соответствие со ст. 29 Конвенции о применении Шенгенского соглашения 1990 г. от 14.06.1985 г. страны обязуются провести рассмотрение каждого ходатайства о предоставлении убежища, поданного иностранцем на территории одной из них, однако данное обязательство не порождает необходимости для самой страны во всех случаях предоставлять лицу, ходатайствующему о предоставлении убежища, право доступа или пребывания на ее территории. Каждая страна сохраняет за собой право отказывать во въезде или выдворять лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, в третье государство, на основании своих национальных правил и в соответствии со своими международными обязательствами.

Согласно п. 5 ст. 3 Конвенции о применении Шенгенского соглашения 1990 г. от 14.06.1985 г. допускается транзит иностранца, обладающего разрешением на пребывание или визой с правом возврата, выданными одной из стран, или, при необходимости, обоими вышеуказанными документами, кроме случая, когда он фигурирует в перечне национальной системы информирования о лицах, лишенных права на въезд, той страны, на внешние границы которой он прибывает.

Таким образом, подобное противоречие в законодательстве требует от Греции, через границы которой прорываются мигранты, с одной стороны нести за них ответственность, а с другой, в связи с их неконтролируемым потоком, позволяет Греции пропустить беженцев, позволив им пересечь страну.

Однако остальные страны Европейского союза не соглашаются перераспределять беженцев между собой. Несмотря на то, что Дублинское соглашение, регулирующее порядок предоставления убежища и систему распределения беженцев не является актуальным и эффективным, совершенно не соответствует требованиям, которые выставляют современные реалии, изменения в него членами Европейского союза отвергаются.

При этом, если в 2015 году Греция, в нарушение Дублинского соглашения, просто пропускала мигрантов через свою территорию, то к настоящему периоду другими странами Европы был принят ряд правовых мер, препятствующих подобному неконтролируемому въезду в страны Европы.

Так, странами Европейского союза вводятся дополнительные полицейские контрольные пункты, у мигрантов в обязательном порядке берут отпечатки пальцев, введен запрет на въезд без паспорта. Паспортный контроль был увеличен в Австрии, Франции, Германии и ряде других стран. В настоящее время одним из вариантов решения проблемы предлагается создать единую биометрическую базу.

Однако данные меры идут вразрез с нормами Шенгенского права, нашедшего свое выражение в подписанном в 1990 году Амстердамском договоре, установившегося как особый комплекс юридических норм, и позволяющим пересекать границы стран Европы по единой визе.

Закрытые границы отдельных стран-членов Европейского союза позволяет говорить о регрессе Шенгенского права, возвращению Европы к добезвизовому периоду. Это подтверждается анализом миграционной политики отдельных стран Европейского союза. Так, можно заметить общую антииммиграционную политику ведущих партий в последние годы [7, с. 262].

В Австрии в 2019 году в парламентских выборах одержала победу Австрийская народная партия, которая одним из основных пунктов своей программы выделила вопросы, касающиеся миграции. Политика Австрии по отношению к мигрантам выделяет следующие ключевые моменты:

- борьба с незаконными мигрантами;
- усовершенствованный контроль над миграцией;
- повышение безопасности в Австрии;
- увеличение эффективности предоставления беженцам убежища;
- ускоренный процесс депортации мигрантов [8].

Для беженцев и мигрантов стало обязательным знание языка (немецкого), а также уважение к конституции Австрии, запрет на исламизм.

Правящая христианско-демократическая партия Германии предлагает расселять мигрантов в транзитной зоне вне границ Европейского союза, считается необходимым ужесточить регламент, который регулирует порядок получения разрешения на проживание и политическое убежище. Для защиты национальных традиций и обеспечения безопасности коренного населения Германии, в связи с тем, что многие действия и образ жизни мигрантов являются запрещенными на территории страны, а также сглаживания конфликтов на почве вероисповедания, Германия требует интеграции в немецкую культуру от каждого мигранта [9].

Общую миграционную политику Франции в большей степени представляют три политические партии – «республиканцы», социалистическая партия и национальный фронт.

«Республиканцы» выделяют основной целью ограничение общего числа беженцев и усиление инструментов их интеграции, в том числе, оказание социальной помощи и предоставление вакантных рабочих мест и жилья.

Социалистическая партия продвигает идею отмены права допуска для мигрантов, однако предполагает строгое ограничение деятельности мигрантов внутри страны в определенный промежуток времени в начале пребывания. То есть, мигранты принимаются как рабочая сила и направляются на вакансии, на которые основное население не претендует. Обычно это малооплачиваемые места в важнейших отраслях экономики или в отраслях, требующих развития. Такая политика позволяет государству извлекать выгоду из предоставления убежища, а не только нести расходы на социальные пакеты для беженцев. Так, к примеру, некоторые отрасли промышленности развиваются благодаря притоку иммигрантов из Сирии и Африки.

Партия «Национальный фронт» – умеренно радикальная по расположению в секторах партийной идеологии. Это означает, что партия правая, а значит, она отстаивает роль нации и национальных ценностей. Миграционная политика этой партии крайне радикальная. Партия изъявляет стремление к закрытию границ ЕС для беженцев, в т.ч. к ужесточению правил въезда в ЕС (в особенности во Францию). Политика относительно миграции настолько радикальна, что касается не только сирийских и африканских мигрантов, но и мигрантов из стран Европейского союза. Об этом свидетельствует пункт программы, который направлен на отмену Шенгенской зоны ЕС. В целом, политика ведущих партий Франции также отражает настроения общества относительно беженцев, а также общую политику ЕС [10, с. 150].

Проведенный анализ миграционной политики позволяет сделать вывод о том, что она в целом направлена на отражение в ней общественного мнения населения конкретной страны, касающегося вопросов иммиграции. При этом находит свое отражение в отношении социума принадлежность мигрантов к странам-членам Европейского союза, либо к внешним государствам. В связи с тем, что количество набранных партией голосов на выборах определяется лояльностью общества, подобное отношение правящей партии к вопросам миграции является очевидной.

Подводя итог, можно сделать вывод, что миграционная политика во многом предопределяет наличие негативных или позитивных последствий для рассматриваемой страны. Следует отдельно отметить влияние выбранной страной миграционной политики на формирование правовой системы, касающейся беженцев и мигрантов. Несовершенная миграционная политика может привести к значительному увеличению количества нелегальных мигрантов на ее территории, усилить социальную напряженность, связанную с риском возникновения конфликтов между коренным населением страны и мигрантами на почве национальности, расы, религии и прочего, а также зачастую ведет к ухудшению криминогенной ситуации, способствуя росту преступности, что в последствии приведет к необходимости принимать определен-

ные правовые нормы. Формирование Шенгенского права под давлением потока нелегальных мигрантов приводит к возвращению ранее действовавших норм, таких, как усиленный паспортный контроль на границах стран-членов Европейского союза, отказа от безвизового режима.

Решение вопроса об урегулировании миграционного кризиса в Европе, в настоящий момент ушло не так далеко от принимаемых решений в 2015 году. Не смотря на принятую Европейским союзом миграционную политику, касающуюся контроля внешних границ Европы и усиления их с целью недопущения прорыва нелегальных мигрантов, вопрос с беженцами стоит достаточно остро.

Безусловно, принятие всех беженцев на территории Европы невозможно, в ином случае, европейское общество будет полностью дестабилизировано, а европейские ценности уйдут на второй план, что приведет к множеству перемен в Европейском союзе.

С момента нарастания миграционного кризиса в Европе в 2015 году, все чаще среди политиков поднимался вопрос о распаде Шенгенской зоны, что в конечном итоге приведет к экономическим, политическим и правовым последствиям, в частности, к отсутствию необходимости в единой валюте, угнетению внутреннего рынка, необходимости принятия новых законов.

В 2020 году вопрос закрытия Шенгенской зоны прозвучал также со стороны президента Франции Э. Макрон, однако данное заявление было сделано с позиции объявленной пандемией коронавируса. В частности, он заметил, что пандемия может уничтожить основы Европейского союза, включая Шенген и открытые границы, если страны-участницы не проявят солидарность в борьбе с новым кризисом. Данное обстоятельство также позволяет вспомнить о словах профессора-вирусолога, члена Российской академии медицинских наук Александра Чепурнова, что из-за большего вторжения человека в природу и увеличения миграции появляется серьезная угроза завоза в Европу нетипичных заболеваний.

Безусловно, Шенгенское право, активно формировавшееся в 1990-ые годы, и применяющееся на протяжении более 20 лет в практически неизменном виде, не отвечает должным образом требованиям современности. Множество пробелов в праве не позволяют установиться общей и работоспособной системе предоставления убежища беженцам.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев предложили Европейскому союзу создать общую систему предоставления убежища посредством реформ и активизации финансовой поддержки стран, которые принимают беженцев за пределами Европы. Так, предлагается установить внутри ЕС справедливые и быстрые процедуры предоставления убежища, что позволит определить, кто действительно нуждается в международной защите, а кто нет. Лица, имеющие право на защиту, обязаны быстро получить ста-

тус и получить поддержку государства для дальнейшей интеграции. Лицам, которые не нуждаются в международной защите, должно быть оказано содействие по возвращению в свою страну. Для этого необходимо разделить ответственность между государствами-членами Евросоюза, в связи с непропорциональным количеством заявлений о предоставлении убежища, что позволит улучшить действующую систему и позволит внести изменения в Дублинское соглашение. Необходимо разработать ряд правовых норм, способных охватить и урегулировать все вышеуказанные вопросы, не допуская двойного толкования и пробелов, которыми могут воспользоваться отдельные страны, страдающие от повышенной нагрузки потока мигрантов.

Финансовая поддержка крупных стран, которые принимают беженцев за пределами Европы, также позволит помочь беженцам не просто выжить, а иметь возможность нормальной жизни. Так, УВКБ ООН призывает Президентов стран Евросоюза обеспечить увеличение финансирования в целях развития и дальнейшей поддержки принимающих стран, а также помощи вынужденным переселенцам в восстановлении их жизни. Необходимо понимать, что в данном случае должно быть разработано и развито местное законодательство о беженцах в каждой из стран-членов Европейского союза, при этом не вступающее в противоречие с международными правовыми актами, принятыми Европейским союзом, а также являющееся максимально схожим между отдельными странами, чтобы исключить привилегированное положение отдельных стран. Следующий бюджет ЕС, а именно, план бюджета на 2021–2027 годы, позволит продемонстрировать глобальную солидарность по отношению к беженцам и принимающим их странам.

При этом Европейская комиссия вводит следующие меры:

- предложила мигрантам в Греции по две тысячи евро, чтобы они отправились домой, что в пять раз превышает сумму, выделяемую мигрантам по программам ООН на возвращение к жизни на родине. Предложение будет в силе один месяц, поскольку Еврокомиссия опасается, что она может, наоборот, привлечь новых мигрантов;
- призвала другие страны брать к себе оставшихся без попечения родителей детей мигрантов с греческих островов;
- на усиление охраны границ Греции Европейским союзом было выделено 700 миллионов евро;
- призвала Турцию выполнять соглашение 2016 года по беженцам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент Европейский союз не имеет решения миграционного кризиса. Меры, направляемые Европейской комиссией на решение одной проблемы, не могут преломить ход миграционной проблемы.

Поток мигрантов не прекратится, в том числе и в Европу, никогда. Политические, экономические беженцы из различных стран по-прежнему будут стремиться в страны-члены Европейского союза.

Данные факторы делают неизбежным необходимость разработки общего подробного законодательства о беженцах Европейским союзом, который будет основан на гибкости реагирования на обстановку в конкретный временной промежуток, так как Шенгенское право не является действенным в сложившейся в Европе ситуации.

Литература

1. Грамотунова Н.К. Понятие миграции и миграционных процессов // Инновационная наука. 2016. № 11–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migratsii-i-migratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 06.04.2020);
2. Портал глобальных данных о миграции – Migration data portal – The bigger picture [Электронный ресурс] // URL: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019 (Дата обращения: 05.04.2020);
3. Д.Н. Муйдинов Влияние миграционных процессов на политическую и социальноэкономическую стабильность в Европе Вестник Поволжского института управления 2019. Том 19. № 2;
4. Бистрина Мария Георгиева Миграционная политика Европейского союза // PolitBook. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 04.04.2020);
5. Déclaration UE-Turquie [Электронный ресурс]. // Conseil européen. Conseil de l'Union européenne. 18.03.2016. Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/fr/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/> (дата обращения 03.04.2020);
6. Миграционный кризис в Европе [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8055209> (дата обращения: 30.03.2020);
7. Родионова Марина Евгеньевна Вопросы миграции в электоральных процессах Европы (позиции ведущих партий Европы относительно миграционного вопроса) // Власть. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-migratsii-v-elektoralnyh-protsessah-evropy-pozitsii-veduschih-partiy-evropy-otnositelno-migratsionnogo-voprosa> (дата обращения: 05.04.2020);
8. Drei konkrete FORDERUNGET, Kurz an EU-Kommission: Schützt die EU-Außengrenzen: интервью с Себастьяном Курцем. Доступ: <https://www.oe24.at/wahl2019> (Дата обращения: 06.04.2020);
9. Neue Regeln für die Einwanderung. – Deutsche Welle. Доступ: <https://www.dw.com/de/neue-regeln-f%C3%BCr-die-einwanderung/a-48672191> (дата обращения: 06.04.2020);
10. Орехова С.В. 2015. Миграционная политика Франции. – Власть. Т. 23. № 3;
11. UNHCR issues recommendations for EU to make 2020 year of change for refugee protection // UNHCR The UN Refugee Agency [Электронный ресурс] – 09.01.2020. – URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2020/1/5e15bb974/unhcr-issues-recommendations-eu-2020-year-change-refugee-protection.html> (дата обращения: 04.04.2020).

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE MIGRATION PROCESS IN EUROPE

Akhkamova L.N.

Kazan (Volga) Federal University

Migration crisis in Europe remains one of the main problems of our time. In this article, the author addresses the issue of legal regulation of the migration process in Europe through the prism of migration flows as a threat to European society. The basic provisions proposed by the leading parties in an attempt to regulate and stabilize the migration are being analyzed through an example of some Member States European Union. The prospects of resolving the migration crisis in Europe are addressed.

Keywords: migrant crisis, refugees, European Union, human rights, migration, migration policy.

References

1. Gramotunova N.K. The Concept of migration and migration processes // Innovative science. 2016. № 11–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migratsii-i-migratsionnyh-protsessov> (accessed: 06.04.2020);
2. Portal of global migration data-Portal of migration data-General picture [electronic resource] // url: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019 (accessed: 05.04.2020);
3. D. N. Muidinov. Influence of migration processes on political and socio-economic stability in Europe Bulletin of the Volga region Institute of management 2019. Volume 19. № 2;
4. Bistrina Maria Georgieva. Migration policy of the European Union // politbook. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-evropeyskogo-soyuza> (date accessed: 04.04.2020);
5. Déclaration UE-Turquie [Electronic resource]. // European Council. Conseil de l'Union européenne. 18.03.2016. Access mode: <http://www.consilium.europa.eu/fr/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/> (accessed 03.04.2020);
6. Migration crisis in Europe [electronic resource] // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8055209> (accessed: 30.03.2020);
7. Marina Rodionova. Migration Issues in the electoral processes of Europe (positions of the leading parties in Europe on the migration issue) // Power. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-migratsii-v-elektoralnyh-protsessah-evropy-pozitsii-veduschih-partiy-evropy-otnositelno-migratsionnogo-voprosa> (accessed: 05.04.2020);
8. Drei konkrete FORDERUNGET, Kurz an EU-Kommission: Schützt die EU-Außengrenzen: interview with Sebastian Kurz. Access: <https://www.oe24.at/wahl2019> (date accessed: 06.04.2020);
9. Neue Regeln für die Einwanderung. – Deutsche Welle. Access: <https://www.dw.com/de/neue-regeln-f%C3%BCr-die-einwanderung/a-48672191> (date accessed: 06.04.2020);
10. Orekhova S. V. 2015. Migration policy of France. – Power, Vol. 23, No. 3;
11. UNHCR issues recommendations for the EU to make 2020 a year of change for refugee protection // UNHCR Agency for refugee Affairs [Electronic resurs] – 09.01.2020. – URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2020/1/5e15bb974/unhcr-issues-recommendations-eu-2020-year-change-refugee-protection.html> (accessed: 04.04.2020).

Этапы правового регулирования информационных посредников в США

Сараскин Владимир Алексеевич,

аспирант, кафедра авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин, Российская государственная академия интеллектуальной собственности
E-mail: saraskinva@gmail.com

Изучение становления правового регулирования информационных посредников следует начать с США. Во-первых, именно в США была разработана информационно-телекоммуникационная сеть интернет. Соответственно, именно в США стали появляться и первые информационные посредники, а впоследствии и первые судебные споры с их участием. Во-вторых, именно в этой стране впервые возникло правовое регулирование информационных посредников. В последующем опыт США послужил основой для внедрения данного института в других странах (к примеру, в законодательства стран ЕС). В свою очередь, изучение процесса внедрения в законодательство США института информационных посредников даст возможность глубже понять причины возникновения данного регулирования, а также необходимость его совершенствования в настоящее время. Изучение этапов развития правового регулирования информационных посредников в США имеет весомую теоретическую и практическую ценность. На основании изложенного, актуальность настоящего исследования является очевидной.

Ключевые слова: информационный посредник, интернет-провайдер, поставщик интернет-услуг, интеллектуальная собственность в США, интернет.

Приблизительно с 1991 года происходит быстрая популяризация интернета, благодаря внедрению системы всемирной паутины, распространению персональных компьютеров, браузеров, а также появлению интернет-провайдеров. Появление интернет-сайтов стало новой вехой в истории развития интернета. Во-первых, сам по себе сайт являлся объектом правового регулирования. Во-вторых, сайты запустили эпоху коммерческого интернета, так как каждая компания старалась иметь свое представительство в глобальной сети (сайт давал новые возможности для рекламы, заключения сделок и иного взаимодействия с партнерами и клиентами). Определенный период времени в интернете господствовали сайты в основном с ознакомительным материалом («сайты-визитки»). В основном, это были относительно простые по содержанию и структуре одностраничные сайты, без возможности пользователям загружать на них какой-либо материал. Следовательно, сайты создавались и редактировались только владельцами сайта. Указанный промежуток времени приблизительно с 1991 года по 2005 год часто в литературе именуется эпохой «Web 1.0» или по-другому «интернет 1.0». Тем не менее, уже в рамках периода «интернет 1.0» обозначилась проблема определения ответственности информационных посредников или интернет-провайдеров (такое название используется в США). Так, вопросы определения ответственности интернет-провайдеров в США возникли задолго до законодательного регулирования. Так, значимым является дело «Stratton Oakmont Inc. vs. Prodigy Services Co.» [1]. Компания Prodigy Services предоставляла сервис доски объявлений в интернете (Prodigy's). Анонимный пользователь распространил на доске объявлений информацию якобы диффамационного характера в отношении топ менеджера компании. Верховный Суд США в Нью-Йорке вынес решение, в котором говорилось, что поставщики онлайн-услуг (информационные посредники) могут быть привлечены к ответственности за речь своих пользователей, если осуществляют редакционный контроль в отношении размещаемого материала. Данное решение противоречило указанному решению по делу Cubby Inc. Vs CompuServe Inc. Однако суд указал, что Компания Prodigy Services занималась отбором контента и осуществляла редакционный контроль в отношении него, поэтому должна нести ответственность. Результаты этого дела имеют центральное значение для обоснования принятия статьи 230 закона США «О приличиях в области связи» [2] 1996 года, направленного на то, чтобы позволить интернет-провайдерам избежать ответственности за пользовательский кон-

тент, но при этом предоставить средства для его удаления.

Стоит отметить, что в США иски по нарушению авторского права в глобальной сети стали рассматриваться почти одновременно с распространением интернета. Это связано, что сама сеть интернет зародилась именно в США, а специфика исков соответствовала уровню развития самой сети интернет. К примеру, как уже отмечалось, первые судебные дела были связаны с размещением контента на форумах и досках объявлений. Это связано с тем, что они как раз форумы и доски объявлений пользовались наибольшей популярностью среди пользователей. К примеру, в 1993 году в деле «Playboy Enterprises v. Frena» [3] окружной суд указал, что размещение изображения, охраняемого авторским правом, в общем доступе на электронной доске объявлений без разрешения правообладателя, нарушает право правообладателя на распространение произведения. Всего предметом рассмотрения в данном деле было 170 изображений. Любопытно, что суд в данной ситуации активно использовал термин «пиратство», вскоре вошедший в обиход интернет-индустрии. В рамках указанного дела к ответственности был привлечен администратор электронной доски объявлений Джордж Френа. Сам Джордж Френа утверждал, что изображения были загружены пользователями сайта, а он при получении судебной повестки сразу удалил изображения. Тем не менее, несмотря на предполагаемое отсутствие знаний у Джорджа Френы относительно нарушений авторских прав, происходящих на его электронной доске объявлений, суд постановил, что он нарушил авторские права на изображения, взятые из журнала «Playboy».

В деле «Sega Enterprises Ltd. V. Maphia» [4] в 1994 году другой федеральный окружной суд указал, что загрузка произведения, охраняемого авторским правом, на электронную доску объявлений представляет собой создание неправомерных копий произведения. Кроме того, данное дело интересно и тем, что уже в нем нашла свое отражение проблема ответственности информационных посредников – это подчеркивается тем вниманием, которое обратил суд на то, что пользователи также нарушали авторское право, при этом информационный посредник об этом знал и способствовал данной правонарушающей деятельности.

Следовательно, что уже на раннем этапе развития интернета («Web 1.0») возникают вопросы, связанные с ответственностью информационного посредника. В свою очередь, технологический прорыв в связи с распространением информационно-телекоммуникационных сетей был столь стремительный, что надлежащее правовое регулирование еще не было разработано и внедрено. Вопросы ответственности информационных посредников возникают в диффамационных спорах и спорах, связанных с интеллектуальной собственностью. В свою очередь, первые судебные дела в США не характеризуются едино-

образием, а также установлением четких оснований для освобождения информационного посредника от ответственности. Однако определенные предпосылки законодательного регулирования уже были сформулированы. Так, иммунитет информационных посредников от ответственности за действия пользователей при соблюдении определенных условий уже применялся судами.

Таким образом, данный этап в истории развития института информационных посредников можно обозначить как «этап возникновения предпосылок для правового регулирования института информационных посредников». Данный этап имеет временные рамки приблизительно с 1990 (первые судебные дела) года до 1996 года (принятие специального законодательства).

Централизованное законодательное регулирование отношений в интернете началось с принятия уже упомянутого закона «О приличиях в области связи» (CDA) в рамках закона «О телекоммуникациях» 1996 года [5]. Данный закон, в первую очередь, был направлен на регулирование в сети порнографических материалов. Указанный нормативно-правовой акт, подписанный Президентом США Биллом Клинтон в феврале 1996 года, предусматривает уголовную ответственность за передачу «непристойных» материалов лицам моложе 18 лет и демонстрацию несовершеннолетним «явно оскорбительных» материалов и сообщений. Этот Закон затрагивает не только авторов «непристойного» материала, но также Интернет-провайдеров, если теми не были введены технические барьеры для доступа несовершеннолетним. Стоит обратить внимание на то, что данный закон являлся знаковым в США. Во-первых, он вызвал волнения в обществе, так как положения закона были восприняты как открытая цензура в сети интернет. Положения закона расценивались как негативные и направленные против свободы слова в сети. Причиной послужили размытые формулировки закона «непристойный» и «явно оскорбительный». Тем не менее, был оставлен в силе широко известный раздел 230 указанного закона. Раздел 230 предусматривает иммунитет от ответственности для поставщиков и пользователей «интерактивных компьютерных услуг», которые публикуют информацию, предоставленную третьими сторонами-пользователями: «ни один поставщик или пользователь интерактивной компьютерной услуги не должен рассматриваться в качестве издателя или докладчика любой информации, предоставленной другим поставщиком информационного контента» [6]. Раздел 230 был разработан в ответ на пару судебных исков против интернет-провайдеров в начале 1990-х годов (к примеру, уже упомянутый *Stratton Oakmont Inc. vs. Prodigy Services Co.*), которые имели различные толкования того, следует ли рассматривать поставщиков услуг как издателей или распространителей контента, созданного его пользователями. Стоит обратить внимание, что положения закона в основном применяются в рамках диффамационных спо-

ров и не распространяются на отношения в сфере интеллектуальной собственности. К тому же, в дальнейшем право США будет дополнено законом, регулирующим вопросы интеллектуальных в интернете и ответственность провайдеров.

Так, особенно значимым событием стало принятие в 1998 году в США знаменитого Закона об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millenium Copyright Act, сокращенно DMCA) [7]. Во-первых, именно Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) установил понятие информационного посредника или интернет-провайдера («internet service provider»). Так, «Internet service provider» (в дословном переводе «поставщик интернет услуг») это «субъект, осуществляющий передачу, маршрутизацию или предоставление соединений для цифровой передачи материала, без изменения данного материала. В свою очередь, материал и точки отправки и до ставки, определяются пользователем. Поставщиком интернет услуг также будет лицо, предоставляющее цифровые услуги по предоставлению доступа к сети, а также оператор соответствующего оборудования» [8]. Помимо этого, в законе были выделены определенные категории интернет-провайдеров: лица, осуществляющие деятельность по передаче данных; лица осуществляющие деятельность по кэшированию; лица, осуществляющие деятельность по размещению материала; лица осуществляющие деятельность по поиску информации (поисковые системы, сайты гиперссылками). Во-вторых, Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) установил так называемые «положения о безопасной гавани» («safe harbor clauses»). Так, интернет-провайдер не будет нести ответственность за нарушение интеллектуальных прав при соблюдении определенных условий. В свою очередь, в законе для каждой категории информационных посредников установлены свои условия освобождения от ответственности. К примеру, «провайдер, размещающий материал в сети, не будет нести ответственность за нарушение интеллектуальных прав при соблюдении следующих условий: он не имеет фактических знаний о том, что материал нарушает права человека; при отсутствии таких фактических знаний не осведомлен о фактах или обстоятельствах, из которых явствует нарушение прав; или после получения таких знаний или осведомленности оперативно принимает меры по удалению или прекращению доступа к материалам; не получает финансовой выгоды, непосредственно связанной с нарушающей деятельностью, в случае, когда поставщик услуг имеет право и возможность контролировать такую деятельность; и после уведомления о заявленном нарушении, как описано в пункте (3), оперативно реагирует на удаление или блокирование доступа к материалам, которые, как утверждается, нарушают права или являются предметом нарушающей деятельности» [8].

Отдельно стоит обратить внимание, что Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) оказал влияние на законодательство других стран.

Модель DMCA стала основой для международной практики правового регулирования отношений с участием информационных посредников. К примеру, исходя из анализа норм американского законодательства, можно отметить, что оно схоже с отечественным правовым регулированием информационных посредников.

На основании изложенного, в истории развития правового регулирования информационных посредников в США можно выделить несколько этапов. Так, вопросы определения ответственности интернет-провайдеров в США возникли задолго до законодательного регулирования и рассматривались в судебных процессах. Поэтому первым этапом в истории развития института информационных посредников является «этап возникновения предпосылок для правового регулирования института информационных посредников». Данный этап имеет временные рамки приблизительно с 1991 (первые судебные дела) года до 1996 года (принятие специального законодательства).

Вторым этапом является «этап возникновения правового регулирования института информационных посредников». Данный этап имеет временные рамки приблизительно с 1996 года (принятие специального законодательства) до настоящего момента. Данный этап начался с принятия раздела 230 Закона «О приличиях в области связи» (CDA), который применяется в основном в рамках диффамационных споров и не регулирует вопросы ответственности за нарушение интеллектуальных прав. Однако в рамках данного этапа важнейшим событием стало принятие в 1998 году в США знаменитого Закона об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millenium Copyright Act, сокращенно DMCA). Во-первых, указанный закон впервые в мире установил легальное определение информационного посредника, а также установил классификацию информационных посредников. Во-вторых, закон установил положения о «безопасной гавани», которые ограничивали ответственность информационного посредника. Вкратце указанные положения можно охарактеризовать, как предоставление «иммунитета интернет-провайдерам». Кроме того, DMCA послужил своеобразным прообразом для положений об информационных посредниках в других странах.

Литература

1. Stratton Oakmont Inc. vs. Prodigy Services Co. [Электронный ресурс]: URL: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/4540> (дата обращения: 14.03.2020).
2. Telecommunications Act of 1996 [Электронный ресурс]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW_104publ104.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
3. Playboy Enterprises v. Frena [Электронный ресурс]: URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#102> (дата обращения: 14.01.2020).

4. Sega Enterprises Ltd. V. Maphia [Электронный ресурс]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW-104publ104.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
5. Communications Decency Act of 1996 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fcc.gov/general/telecommunications-act-1996> (дата обращения: 14.01.2020).
6. Telecommunications Act of 1996 [Электронный ресурс]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW-104publ104.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
7. Digital Millennium Copyright Act [Электронный ресурс]: URL: <https://www.copyright.gov/title17/92appb.html> (дата обращения: 14.01.2020).
8. U.S. Code § 512 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512> (дата обращения: 14.03.2020).

STAGES OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION INTERMEDIARIES IN THE UNITED STATES

Saraskin V.A.

Russian state Academy of intellectual property

The study of the formation of legal regulation of information intermediaries should begin with the United States. First, it was in the United States that the Internet information and telecommunications network was developed. Accordingly, it was in the United States that the first information intermediaries began to appear, and subsequently the first legal disputes with their participation. Secondly, it was in this country that the legal regulation of information intermediaries first appeared. Subsequently, the US experience served as the basis for

the introduction of this Institute in other countries (for example, in the legislation of EU countries). In turn, the study of the introduction to U.S. law, Institute for information intermediaries will provide an opportunity to better understand the causes of the regulation and the need for improvement at the present time. The study of the stages of development of legal regulation of information intermediaries in the United States has significant theoretical and practical value. Based on the above, the relevance of this study is obvious.

Keywords: information intermediary, Internet service provider, Internet service provider, intellectual property in the United States, internet.

References

1. Stratton Oakmont Inc. vs. Prodigy Services Co. [Electronic resource]: URL: <https://h2o.law.harvard.edu/cases/4540> (accessed: 14.03.2020).
2. Telecommunications Act of 1996 [Electronic resource]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW-104publ104.pdf (accessed: 14.03.2020).
3. Playboy Enterprises V. Frena [Electronic resource]: URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html#102> (accessed: 14.01.2020).
4. Sega Enterprises Ltd. V. Mafia [Electronic resource]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW-104publ104.pdf (accessed: 14.03.2020).
5. Communications Decency Act of 1996 [Electronic resource]: URL: <https://www.fcc.gov/general/telecommunications-act-1996> (accessed: 14.01.2020).
6. Telecommunications Act of 1996 [Electronic resource]: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW_104publ104/pdf/PLAW-104publ104.pdf (accessed: 14.03.2020).
7. Digital Millennium Copyright Act [Electronic resource]: URL: <https://www.copyright.gov/title17/92appb.html> (accessed: 14.01.2020).
8. U.S. Code § 512 [Electronic resource]: URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512> (accessed: 14.03.2020).

Оспаривание сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в России и в штате Делавэр (США): сравнительно-правовое исследование

Свиридов Ярослав Сергеевич,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»
E-mail: sviridov.ya.s@gmail.com

Статья посвящена оспариванию сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в России и в штате Делавэр (США). Анализируется институт недействительности сделок с заинтересованностью и история его развития в российской правовой системе и правовой системе штата Делавэр. Исследуется вопрос о распределении бремени доказывания при оспаривании сделок с заинтересованностью в России и в штате Делавэр. На основе проведенного сравнительно-правового исследования разработаны предложения по совершенствованию российского регулирования института недействительности сделок с заинтересованностью.

Ключевые слова: сделки с заинтересованностью; оспаривание сделок с заинтересованностью; распределение бремени доказывания; хозяйственные общества; бизнес-корпорации.

Введение

Ежедневно российскими хозяйственными обществами, а именно акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью, совершается тысячи сделок с заинтересованностью. За двадцатипятилетнюю историю существования исследуемого института в российской правовой системе произошли фундаментальные изменения правил о недействительности сделок с заинтересованностью, смысл которых первоначально состоял в защите, прежде всего, интересов миноритарных участников (акционеров). Все проведенные реформы рассматриваемого правового института главным образом были направлены на обеспечение баланса интересов участников корпоративных отношений (общества, участников (акционеров), менеджмента корпораций) и повышение стабильности гражданского оборота.

С учётом сложившейся российской судебной практики в 2016 году в законодательство о хозяйственных обществах в части регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью были внесены значительные изменения (Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» [1] (далее – Закон № 343-ФЗ)). Разработчики данной реформы видели её основную цель в повышении стабильности гражданского оборота, которая достигается, с одной стороны, путём изменения процедуры совершения сделок с заинтересованностью, а именно отмены обязательного одобрения таких сделок, а с другой – с помощью повышения стандартов оспаривания сделок с заинтересованностью. Указанные новеллы гражданского законодательства значительно влияют на реализацию защиты прав и законных интересов участниками (акционерами) хозяйственных обществ и требуют переосмысления, в т.ч. с учетом опыта, накопленного в развитых зарубежных правовых системах.

Недействительность сделок с заинтересованностью в российской правовой системе

Для российской правовой системы институт сделок с заинтересованностью является относительно новым (1995 г.)¹ по сравнению с рядом иностранных юрисдикций. Например, в Великобритании он был выработан прецедентным правом ещё

¹ Был введен Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2] (далее – Закон об АО).

в XIX в. [3], во Франции правовое регулирование сделок с заинтересованностью появилось также в XIX в. [4, 1].

Изначально в российском Законе об АО был закреплён недостаточно чёткий подход, согласно которому было неясно, являются сделки с заинтересованностью недействительными или ничтожными, т.к. в п. 1 ст. 84 Закона об АО указывалось лишь на возможность признания их недействительными. Закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [5] (далее – Закон об ООО), принятый почти на три года позднее, не содержал в данном отношении технико-юридический неточностей. В частности, в п. 5 ст. 45 Закона об ООО указывалось: «Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность и которая совершена с нарушением требований, предусмотренных настоящей статьей, может быть признана недействительной по иску общества или его участника». Соответственно, сделки с заинтересованностью были отнесены к категории оспоримых, а не ничтожных, и могли быть признаны недействительными по ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее – ГК РФ) («Недействительность сделки, нарушающей требование закона или иного правового акта») при наличии нарушений требований специальных законов о хозяйственных обществах к совершению таких сделок. При этом в правоприменительной практике было выработано второе основание – акционеры при предъявлении исков об оспаривании сделок с заинтересованностью должны были доказать нарушение их прав и законных интересов в результате совершения обществом указанных сделок (абзац 2 п. 38 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 [7], п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 [8]).

Таким образом, на первом этапе регулирования недействительности сделок с заинтересованностью хозяйственных обществ в России был установлен подход, в соответствии с которым законодатель не проводил видимой разницы между убыточными и прибыльными сделками с заинтересованностью. Поэтому в судебном порядке могли быть оспорены любые сделки с формальной заинтересованностью, которые были совершены с нарушением установленных законодательством процедурных требований к их одобрению.

Федеральным законом от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] п. 1 ст. 84 Закона об АО и п. 5 ст. 45 Закона об ООО был дополнен положением, касающимся оснований, при наличии которых суд был обязан отказать в иске о признании сделки с заинтересованностью недействительной. Так, был установлен следующий закрытый перечень оснований для отклонения иска: голосование процессуального истца не могло повлиять на результаты голосования по вопросу об одобрении сделки; недоказанность факта причинения убытков обществу либо процессуальному истцу или возникновения

неблагоприятных последствий для них; представлены доказательства последующего одобрения оспариваемой сделки; доказано, что другая сторона не знала и не должна была знать о совершении сделки с заинтересованностью с нарушением законодательных требований об одобрении.

Таким образом, оспаривание сделок с заинтересованностью было значительно усложнено, прежде всего, для миноритарных участников обществ. Данные новеллы были «промажоритарными» и направленными на защиту общества от злоупотреблений со стороны миноритариев («гринмэйла»).

В 2014 г. подход к оспариванию сделок с заинтересованностью был существенно скорректирован, а именно увеличился круг норм, в соответствии с которыми такие сделки могли признаваться недействительными. В частности, в п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» [10] было указано, что нормы о сделках с заинтересованностью являются специальными по отношению к правилам статьи 173.1 («Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления») ГК РФ и пункта 3 ст. 182 ГК РФ (о недействительности сделок, совершенных представителем в отношении себя лично). Одновременно с этим в п. 2 данного Постановления подчеркивался субсидиарный характер вышеприведенных положений ГК РФ о недействительности сделок. В частности, ВАС РФ были даны разъяснения о том, что «Сделки ... не подпадающие под действие ... норм о ... сделках с заинтересованностью, могут быть оспорены в соответствии с общими правилами, предусмотренными статьей 173.1 и пунктом 3 статьи 182 ГК РФ».

Новеллы, внесенные в законодательство о хозяйственных обществах в части правового регулирования сделок с заинтересованностью Федеральным законом № 343-ФЗ, который вступил в силу 01.01.2017 г., значительно изменили подход, выработанный ранее в судебной практике. Так, абз. 2 п. 1 ст. 84 Закона об АО и абзац 2 п. 6 Закона об ООО устанавливают, что сделка с заинтересованностью «...может быть признана недействительной (пункт 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации) ..., если она совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) о том, что согласие на ее совершение отсутствует. При этом отсутствие согласия на совершение сделки само по себе не является основанием для признания такой сделки недействительной».

Следует обратить отдельное внимание на новый подход к решению вопроса о распределении

бремени доказывания оснований недействительности сделок с заинтересованностью.

Во-первых, бремя доказывания факта убыточности сделки интересам общества распределяется в зависимости от наличия или отсутствия одновременно двух критериев: принималось ли решение по оспариваемой сделке и была ли истцу в процессуальном смысле представлена информация о том, что сделка не нарушает интересов общества (п. 1.1 ст. 84 Закона об АО, абзацы 4–6 п. 6 ст. 45 Закона об ООО). Если решение об одобрении сделки с заинтересованностью принято, то бремя доказывания того, что сделка причинила ущерб интересам общества, возлагается на истца (пункт 1 статьи 84 Закона об АО, пункт 6 статьи 45 Закона об ООО, абз. 4 п. 24 Постановления Пленума № 27 от 06.07.2018 г. «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» [11] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 27)). При этом презумпция причинения ущерба интересам общества применяется только в случае, если истцом доказано, «...что другая сторона оспариваемой сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение» (абзац 1 п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27).

Во-вторых, как указано в абз. 2, 3 п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27, «Бремя доказывания того, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о наличии элемента заинтересованности в сделке и об отсутствии согласия (одобрения) на ее совершение, возлагается на истца. Применительно к сделкам с заинтересованностью судам надлежит исходить из того, что другая сторона сделки (ответчик) знала или заведомо должна была знать о наличии элемента заинтересованности, если в качестве заинтересованного лица выступает сама эта сторона сделки или её представитель, изъявляющий волю в данной сделке, либо их супруги или родственники, названные в абзаце втором пункта 1 статьи 45 Закона об ООО и абзаце втором пункта 1 статьи 81 Закона об АО».

Соответственно, в результате реформирования гражданского законодательства общие нормы ГК РФ и особенные положения Закона об ООО и Закона об АО, касающиеся признания сделок с заинтересованностью недействительными, были гармонизированы. При этом очевидно, что законодатель, ратуя за стабильность гражданского оборота, выражающуюся в сокращении случаев оспаривания сделок с заинтересованностью, старался выработать подход, согласно которому признать недействительными такие сделки будет сложнее. В итоге акцент защиты прав участников (акционеров) хозяйственных обществ был смещен с оспаривания сделок с заинтересованностью на взыскание убытков, причиненных в результате совершения данных сделок.

Однако данная реформа не была однозначно поддержана в научной среде.

Исследователями обращается внимание на то, что в российском правопорядке при оспаривании сделок с заинтересованностью возложение на истца бремени доказывания факта причинения возможного или действительного ущерба интересам юридического лица остаётся большим препятствием для миноритариев [12].

Также высказывается контраргумент относительно распределения бремени доказывания того, что контрагент по сделке знал или должен был знать о наличии элемента заинтересованности, и (или) то, что отсутствует согласие (одобрение) на её совершение, связанный с особенностями отечественной бизнес-среды. В частности, отмечается, что перенесение бремени доказывания с ответчика на истца не снимает с первого издержек по проверке контрагента, т.к. в российском экономическом обороте уровень обмана по-прежнему высок [13].

Обозначенная дискуссия также актуальна в силу эконометрических исследований, выявивших, что для российских компаний характерна высококонцентрированная собственность, которая свидетельствует о низкой защите инвесторов в стране [14, с. 67]. При этом недостатком данной модели корпоративной собственности является существование высокого риска ущемления прав миноритариев со стороны крупных собственников [Там же, с. 53].

Для того чтобы дать оценку новому правовому регулированию недействительности сделок с заинтересованностью хозяйственных обществ в российской правовой системе, целесообразно обратиться к изучению опыта, имеющегося в развитых зарубежных правопорядках, а именно в штате Делавэр (США).

Недействительность сделок с заинтересованностью в корпоративном праве штата Делавэр (США)

Первоначально в прецедентном праве штата Делавэр (США), корпоративное право которого, как известно, служит образцом для подражания в других штатах [15, с. 116], была выработана концепция *reg se* оспоримости сделок с заинтересованностью, совершенных с нарушением порядка их одобрения [16]. Однако в отличие от российской правовой системы, в Делавэре такие сделки оспаривались исходя из доктрины совершения директором сделок в личных интересах (*director self-dealing*), означающей, что фидуциарий (директор, контролирующий акционер или должностное лицо) не может извлекать личную выгоду при совершении сделки с субъектом, перед которым он исполняет фидуциарные обязанности [17].

Второй этап эволюции института недействительности сделок с заинтересованностью в штате Делавэр трансформация правила безусловной оспоримости данных сделок после введения в 1967 г. раздела 144 Общего закона штата Делавэр о корпорациях (Section 144 of the DGCL) (да-

лее – DGCL), согласно которому «сделка с конфликтом интересов, заключенная между корпорацией и 1 из её директоров или сотрудников, либо между корпорацией и другой корпорацией, партнерством, ассоциацией или другой организацией, в которой 1 или несколько директоров или сотрудников являются директорами или сотрудниками либо имеют финансовый интерес, не может быть аннулирована либо оспорена только на этом основании или только потому, что директор или сотрудник присутствует или участвует в собрании правления или комитета, который одобряет договор или сделку, или лишь потому, что какие-либо голоса такого директора или сотрудника были учтены в указанных целях, если: (1) существенные факты, касающиеся отношений или интересов директора или должностного лица, а также договора или сделки, раскрываются или известны правлению или комитету, и правление или комитет добросовестно одобряет договор или сделку посредством получения положительных голосов большинства независимых директоров, даже если незаинтересованных директоров было меньше кворума; или (2) существенные факты, касающиеся отношений или интересов директора или должностного лица, а также договора или сделки, раскрываются или известны акционерам, имеющим право голоса, и договора или сделки, которые специально добросовестно одобрены голосованием акционеров, или (3) договор или сделка справедливы в отношении корпорации с момента его (её) утверждения, одобрения или ратификации правлением, комитетом или акционерами» [18]. Цель данного положения DGCL состоит в валидации («исцелении») сделок с заинтересованностью, которые подпадают хотя бы под один из пунктов указанного правила, т.к. в данном случае применяется правило делового решения (*business judgment rule*), а не стандарт справедливости сделки (*fairness rule*).

Так, стандарт проверки действительности сделки (*validation standard*), приведенный в разделе 144 DGCL, не является единственным: большее значение при рассмотрении исков об оспаривании сделок с заинтересованностью имеет стандарт полной справедливости (*entire fairness standard*) [19, с. 5], т.к. именно он применяется судом в случае, если сделка с конфликтом интересов не подпадает под регулирование раздела 144 DGCL. Стандарт полной справедливости был выработан в прецедентном праве Делавэра и означает, что директор должен доказать, что оспариваемая сделка соответствует одновременно следующим элементам: во-первых, процедурному понятию «справедливое проведение сделки» (*a fair dealing*) («процедурная справедливость»), во-вторых, материально-правовому понятию «справедливая цена» (*a fair price*) («материальная справедливость») [20]. Первый элемент подразумевает, прежде всего, полное раскрытие информации и отсутствие принуждения со стороны членов органов управления или контролирующего лица при одобрении сделки правлением или акционерами

с целью обеспечить, чтобы взаимодействие между фидуциарием, с одной стороны, и компанией или миноритарным акционером, с другой стороны, было максимально приближено к переговорам между независимыми сторонами. Тогда как второй критерий призван отразить существенные достоинства сделки с конфликтом интересов, т.е. насколько указанная сделка была выгодна компании. Причём следует иметь в виду, что справедливая цена сделки с заинтересованностью не может быть определена точно, а лежит в диапазоне приемлемой стоимости [19, с. 7–8].

Таким образом, на втором этапе развития института недействительности сделок с заинтересованностью в штате Делавэр сложился подход, в соответствии с которым такие сделки не могли быть оспорены до тех пор, пока фидуциарий получал выгоды от такой сделки честно. В результате количество сделок с формальным конфликтом интересов, не являвшихся убыточными для корпорации и её акционеров, однако попадавших в круг недействительных, значительно сократилось.

Впоследствии в 1990-х гг. из-за неверного понимания судами раздела 144 (а) DGCL данный подход был скорректирован. А именно сделка с заинтересованностью, одобренная независимыми и незаинтересованными директорами, подвергалась проверке только на соответствие правилу делового решения, которое на практике было труднопреодолимым для истца. Между тем проверка сделки с конфликтов интересов на предмет её соответствия стандарту справедливости практически не осуществлялась [21, с. 60, 62].

С учетом понимания отрицательных последствий такого подхода, главное из которых заключается в том, что многие сделки с реальным конфликтом интересов попали в круг «исцеляемых» правилом делового решения, в штате Делавэр была выработана позиция, согласно которой у истца появилась возможность оспорить надлежаще одобренную директорами или акционерами сделку с заинтересованностью в случае, если он мог доказать, что сделка не соответствует критерию материальной справедливости, т.е. причиняет ущерб корпорации и её акционерам [22]. Соответственно, при одобрении сделки с заинтересованностью незаинтересованными директорами либо большинством незаинтересованных акционеров суд может освободить ответчика от доказывания факта соблюдения процедурной справедливости и при этом возложить бремя доказывания несоответствия сделки критерию материальной справедливости на истца.

В 2014 г. диапазон применения правила делового решения был расширен Верховным Судом Штата Делавэр. В частности, в прецеденте по делу *Kahn v. M&F* указывается, что в случае, если к одобрению сделки был привлечён независимый специальный комитет и при этом сделка была одобрена большинством миноритарных акционеров, применяется правило делового решения, и сделка может не исследоваться судом на предмет полной справедливости [23].

Таким образом, стандарт полной справедливости сделки считается соблюденным, а сделка – действительной при условии, что цена является справедливой, даже если директора заинтересованы в её совершении и отсутствует процедурная справедливость [24]. При этом истец не лишается возможности оспорить надлежаще одобренную сделку, которая, однако, убыточна для корпорации и акционеров, если докажет несоответствие сделки критерию справедливой цены.

Сравнительно-правовой анализ института оспаривания сделок с заинтересованностью в России и Делавэре

Анализ эволюции института недействительности сделок с заинтересованностью в России и в Делавэре (США) и функциональное сравнение этапов развития данного института в российской правовой системе и в указанном Штате позволяют выявить схожие черты и отличия, а также сформулировать предложения по изменению правового регулирования рассматриваемого вопроса в РФ.

1. Специальные правила об оспаривании сделок с заинтересованностью хозяйственных обществ в российском законодательстве конструируются на основании общего положения ГК РФ о недействительности сделок, совершенных органом юридического лица в ущерб интересам корпорации либо её участников (п. 2 ст. 174 ГК РФ). В то же время право штата Делавэр исходит из концепции совершения директором сделок в собственных интересах (*director self-dealing*). Несмотря на такие различные подходы к недействительности сделок с заинтересованностью в рассмотренных правовых системах общим с позиции функционального сравнения является то, что регулирование рассматриваемого вопроса выстраивается исходя из стремлений обеспечить стабильность гражданского оборота, максимально не допуская оспаривания сделок с заинтересованностью, соответствующих правам и законным интересам корпорации и её участников, с одной стороны, и выработать правовые средства для признания недействительными таких сделок, которые совершены с соблюдением всех требуемых корпоративных процедур, однако, являются убыточными для корпорации и её участников, с другой.
2. Правило справедливости, разработанное прецедентным правом Делавэра, с точки зрения функционального сравнения является аналогом российских положений законодательства о хозяйственных обществах об оспаривании сделок с заинтересованностью. В частности, элементы стандарта полной справедливости штата Делавэр схожи с основаниями недействительности сделок с заинтересованностью, установленными в российской правовой системе. Так, критерий справедливой цены по своему содержанию близок к такому основанию

недействительности сделки с заинтересованностью, как причинение ущерба интересам корпорации или её участникам, а процедурной справедливости – условию оспоримости сделки с заинтересованностью, согласно которому другая сторона такой сделки знала или должна была знать о том, что данная сделка является сделкой с заинтересованностью, и (или) о том, что согласие на совершение сделки отсутствует.

3. В Делавэре истец имеет возможность оспорить сделку с заинтересованностью, которая соответствует процессуальной справедливости, но является убыточной для корпорации. Однако если ответчиком доказано, что сделка соответствует одному из элементов правила делового решения, то признать сделку с заинтересованностью недействительной достаточно сложно, т.к. бремя доказывания её несправедливости переносится на истца. В данном случае сделка с заинтересованностью может быть оспорена в таких исключительных ситуациях, как дарение или растрата корпоративной собственности [25]. Между тем вопрос о распределении бремени доказывания факта причинения ущерба интересам общества в результате совершения сделки с заинтересованностью в РФ решается с учетом п. 1.1 ст. 84 Закона об АО, абз. 4–6 п. 6 ст. 45 Закона об ООО и их судебного толкования. В частности, презумпция причинения ущерба интересам общества применяется, только если отсутствует решение об одобрении сделки с заинтересованностью, при этом обществом не предоставлена информация о неодобренной сделке процессуальному истцу и если последнему удалось доказать, что контрагент по оспариваемой сделке знал или заведомо должен был знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение (абзац 1 п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27). В свою очередь, «активация» данной презумпции при наличии рассмотренных условий, очевидно, влечёт за собой перенесение бремени доказывания обратного на ответчика. Несмотря на то, что данный подход оправдан с точки зрения снижения значительных издержек по проверке каждой сделки на предмет наличия в ней элемента заинтересованности, соблюдения обществом внутренних корпоративных процедур и др., возлагаемых на контрагентов хозяйственных обществ, всё же его недостатком является то, что круг убыточных сделок с реальной заинтересованностью, которые были одобрены, однако должны быть эффективно оспорены, необоснованно сужается до случаев, когда стороной сделки является само заинтересованное лицо либо её представитель, либо их супруги или родственники, указанные в абзаце 2 пункта 1 статьи 45 Закона об ООО и абзаце 2 пункта 1 статьи 81

- Закона об АО (абз. 3 п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27). Соответственно, акцент защиты прав хозяйственных обществ и их участников сместился в сторону взыскания убытков с заинтересованных лиц. Считаем, что сужение сферы применения правил о недействительности сделок с заинтересованностью в данном случае не всегда оправданно, поскольку участники корпорации чаще всего преследуют цель сохранить бизнес, вернув выведенные из общества активы обратно, а не возместить убытки, причиненные неправомерными действиями заинтересованных лиц. Вместе с тем данный интерес наилучшим образом обеспечивается в результате признания сделки с заинтересованностью недействительной и применения последствий недействительности сделки в виде возврата сторон в первоначальное положение.
4. Ввиду вышеизложенного предлагаем расширить перечень случаев, при которых следует считать доказанным, что другая сторона сделки (ответчик) знала или заведомо должна была знать о наличии элемента заинтересованности, что позволит эффективно оспаривать убыточные сделки с заинтересованностью, решение об одобрении которых было принято, однако впоследствии выяснилось, что в данной сделке участвовали лица, имевшие реальную заинтересованность и предварительно не раскрывшие её членам органа управления, одобряющим данную сделку. В частности, считаем необходимым дополнить абзац 3 п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27 после знака «точка» следующей формулировкой: «..., либо истцом доказано, что в собрании по вопросу одобрения сделки принимали участие члены совета директоров, либо участники (акционеры), заинтересованные в совершении данной сделки и признаваемые таковыми в соответствии с п. 1 ст. 81 Закона об АО и п. 1 ст. 45 Закона об ООО, не исполнившие обязанность по уведомлению общества о заинтересованности в совершении обществом сделок, установленную п. 82 Закона об АО и п. 2 ст. 45 Закона об ООО, и получившие личную выгоду в результате совершения обществом явно убыточной сделки с заинтересованностью (например, заключение обществом договора дарения, договора купли-продажи актива по явно нерыночной цене и др.), если голоса указанных заинтересованных лиц могли повлиять на результаты голосования по вопросу об одобрении такой сделки».
  5. Представляется, что предложенные изменения абзаца третьего пункта 27 Постановления Пленума ВС РФ № 27 будут способствовать повышению уровня защиты прав и законных интересов миноритариев, ещё большей стабильности гражданского оборота и, таким образом, повлияют на улучшение инвестиционной привлекательности российской экономики.

Литература

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // «Российская газета», № 149, 08.07.2016.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // «Российская газета», № 248, 29.12.1995.
3. Будылин С.Л. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью. Опыт регулирования в Великобритании // Арбитражная практика для юристов. 2014. № 3. С. 116–125.
4. Hellinger, G., *Related Party Transactions in France – A Critical Assessment* (December 1, 2018). ECGI–Law Working Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3316570> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3316570>.
5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Российская газета», № 30, 17.02.1998.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // «Вестник ВАС РФ», № 1, 2004.
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // «Вестник ВАС РФ», № 8, август, 2007.
9. Федеральный закон от 19.07.2009 № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 133, 22.07.2009.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // «Вестник ВАС РФ», № 6, июнь, 2014.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 8, август, 2018.
12. Heindler, F. (2018), *Unitary Legal Entities in Russia*, Kluwer Law International B.V.. Available at: https://books.google.ru/books?id=Lz9sDwAAQBAJ&pg=PT78&lpg=PT78&dq=nullification+related+party+transactions+burden+of+proof&source=bl&ots=MrLVj4_xir&sig=ACfU3U0r6ps7Nzrg-fqTLc1TwusJp_rt1A&hl=ru&sa=X#v=onepage&q=nullification%20related%20party%20transactions%20burden%20of%20proof&f=false.
13. Аралина Е.К., Насонова О.А., Мисник Л.Н. Изменение регулирования крупных сделок и сде-

лок с заинтересованностью. Как работать с новыми положениями // Арбитражная практика. № 10. 2016. URL: <http://www.arbitr-praktika.ru/search?q> (дата обращения: 01.11.2019).

14. Быкова А.А., Молодчик М.А., Шамилова Е.Г. Концентрация собственности как механизм корпоративного управления в российских публичных компаниях: влияние на финансовые результаты деятельности // Прикладная эконометрика. 2017. Т. 45. С. 50–74.
15. Бudyлин С.Л. Права миноритарных акционеров в корпоративном праве США на примере штата Делавэр // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 114–122.
16. Potter v. Sanitary Co. of America, Del. Ch., 194 A. 87 (1921); Kerbs v. California Eastern Airways Inc., Del. Supr., 90 A.2d 652 (1952).
17. Guth v. Loft, Inc., 5 A.2d 503, 510 (Del. 1939).
18. 8 Delaware C. 1953, § 144. Available at: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc04/index.shtml>.
19. Licht, Amir N., Farewell to Fairness: Towards Retiring Delaware's Entire Fairness Review (February 8, 2019). European Corporate Governance Institute (ECGI) – Law Working Paper No. 439/2019. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3331097> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3331097>.
20. Weinberger v. UOP, Inc., 457 A.2d 701 (Del. 1983).
21. Brown, J. R., Disloyalty Without Limits: 'Independent' Directors and the Elimination of the Duty of Loyalty (March 21, 2012). Kentucky Law Journal, Vol. 95, p. 53, 2006–2007; U Denver Legal Studies Research Paper No. 07–10. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=959434>.
22. Kahn v. Lynch Communication Sys., Inc., 638 A.2d 1110, 1117 (Del. 1994).
23. Kahn v. M&F Worldwide Corp., 88 A.3d 635, 642–44 (Del. 2014).
24. Trados Incorporated Shareholder Litigation, 73 A.3d 17 (Del. Ch. 2013).
25. Marciano v. Nakash, 535 A.2d 400, 405 n. 3 (Del.1987).

INVALIDITY OF RELATED PARTY TRANSACTIONS IN RUSSIA AND ABROAD: COMPARATIVE LAW STUDY

Sviridov Ya.S.

Saint-Petersburg State University of Economics

The article deals with invalidity of related party transactions in Russia and Delaware State (USA). The institution of invalidity of related party transactions and its development history in the Russian and Delaware legal systems are analyzed. The question of the allocation of the burden of proof in invalidity of related party transactions in Russia and Delaware is investigated. Based on the comparative legal study, proposals were developed to improve the Russian regulation of the invalidity of related party transactions.

Keywords: related party transactions (self-interested transaction); invalidity of related party transactions; allocation of burden of proof; economic societies; business corporations.

References

1. Federal law No. 343-FZ of 03.07.2016 "On amendments to the Federal law "On joint-stock companies" and the Federal law "On

limited liability companies" regarding the regulation of major transactions and interested-party transactions" // Rossiyskaya Gazeta, No. 149, 08.07.2016.

2. Federal law No. 208-FZ of 26.12.1995 "On joint-stock companies" // Rossiyskaya Gazeta, no.248, 29.12.1995.
3. Budylin S.L. Major transactions and transactions with interest. Experience of regulation in the UK // Arbitration practice for lawyers. 2014. No. 3. P. 116–125.
4. Helleringer, G., Related Party Transactions in France – A Critical Assessment (December 1, 2018). ECGI–Law Working Paper. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3316570> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3316570>.
5. Federal law No. 14-FZ of 08.02.1998 "On limited liability companies" // Rossiyskaya Gazeta, no.30, 17.02.1998.
6. "Civil code of the Russian Federation (part one)" from 30.11.1994 № 51-FZ // "Rossiyskaya Gazeta", № 238–239, 08.12.1994.
7. Resolution of the Plenum of the SAC of the Russian Federation of 18.11.2003 No. 19 "on some issues of application of the Federal law" on joint-stock companies // "Vestnik SAC of the Russian Federation", No. 1, 2004.
8. The resolution of Plenum YOU the Russian Federation from 20.06.2007 № 40 "About some questions of practice of application of legal provisions on related party transactions" // "The Bulletin YOU the Russian Federation", No. 8, August, 2007.
9. Federal act of 19.07.2009 № 205-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, № 133, 22.07.2009.
10. The resolution of the Plenum of the RF from 16.05.2014 № 28 "On some issues related to challenging major transactions and related party transactions" // "the Bulletin YOU the Russian Federation", No. 6, June, 2014.
11. The resolution of Plenum of the Supreme Court of 26.06.2018 No. 27 "Concerning the contestation of major transactions and transactions in which the interest exists" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", No. 8, August, 2018.
12. Heindler, F. (2018), Unitary Legal Entities in Russia, Kluwer Law International B.V.. Available at: https://books.google.ru/books?id=Lz9sDwAAQBAJ&pg=PT78&lpg=PT78&dq=nullification+related+party+transactions+burden+of+proof&source=bl&ots=MrLVj4_xir&sig=ACfU3U0r6ps7Nzrg-fqTLc1TwusJp_r1A&hl=ru&sa=X#v=onepage&q=nullification%20related%20party%20transactions%20burden%20of%20proof&f=false.
13. Aralina E. K., Nasonova O.A., Misnik L.N. Changes in the regulation of large transactions and related-party transactions. How to work with new provisions // Arbitration practice. # 10. 2016. URL: <http://www.arbitr-praktika.ru/search?q> (accessed: 01.11.2019).
14. Bykova A. A., Molodchik M.A., Shamilova E.G. Concentration of property as a mechanism of corporate governance in Russian public companies: impact on financial performance // Applied econometrics. 2017. Vol. 45. Pp. 50–74.
15. Budylin S.L. Rights of minority shareholders in us corporate law on the example of Delaware // Journal of Russian law. 2008. No. 7. P. 114–122.
16. Potter V. Sanitary Co. of America, Del. Ch., 194 A. 87 (1921); Kerbs v. California Eastern Airways Inc., Del. Supr., 90 A.2d 652 (1952).
17. Guth V. Loft, Inc., 5 A.2d 503, 510 (Del. 1939).
18. 8 Delaware C. 1953, § 144. Available at: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc04/index.shtml>.
19. Licht, Amir N., Farewell to Fairness: Towards Retiring Delaware's Entire Fairness Review (February 8, 2019). European Corporate Governance Institute (ECGI) – Law Working Paper No. 439/2019. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3331097> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3331097>.
20. Weinberger v. UOP, Inc., 457 A.2d 701 (Del. 1983).
21. Brown, J. R., Disloyalty Without Limits: 'Independent' Directors and the Elimination of the Duty of Loyalty (March 21, 2012). Kentucky Law Journal, Vol. 95, p. 53, 2006–2007; U Denver Legal Studies Research Paper No. 07–10. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=959434>.
22. Kahn V. Lynch Communication Sys., Inc., 638 A.2d 1110, 1117 (Del. 1994).
23. Kahn V. M&F Worldwide Corp., 88 A.3d 635, 642–44 (Del. 2014).
24. Trados Incorporated Shareholder Litigation, 73 A.3d 17 (Del. Ch. 2013).
25. Marciano V. Nakash, 535 A.2d 400, 405 n. 3 (Del.1987).

Правовые основы и гарантии функционирования негосударственных некоммерческих организаций в Узбекистане

Шаякубов Шомансур Шахабилович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «Общеобразовательные дисциплины», Ташкентский государственный юридический университет
E-mail: shayakubov77@mail.ru

В данной статье рассмотрены принципы и нормы осуществления права граждан на свободу объединения для формирования правовых основ деятельности институтов гражданского общества, правовые основы и гарантии деятельности негосударственных некоммерческих организаций функционирующих в Узбекистане, анализ существующих пробелов в нормативно-правовых актах. Анализируются определенные препятствия связанные с несовершенством законодательства, правовые коллизии на пути эффективного развития сектора ННО в Узбекистане и отмечается необходимость принятия отдельных мер по решению указанных правовых проблем, проведению инвентаризации законодательства, внесению поправок в некоторые законодательные акты. Вместе с тем, из-за расширения спектра направлений деятельности зарегистрированных ННО предлагается создание новых ННО, которые ставят задачами внести вклад в формирование широкого кругозора детей и их правовой защиты, в решение проблем в семейных отношениях, исходя из особенностей местного менталитета, подготовки экскурсоводов со знанием иностранных языков для развития туризма в области и др.

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, институты гражданского общества, законодательство, нормативные акты, общественные объединения, самоуправление граждан, правовая поддержка.

В Узбекистане созданы необходимые комплексные организационно-правовые, материально-технические, институциональные основы организации деятельности негосударственных некоммерческих организаций (далее – ННО). К этому периоду принято более 250 законодательных актов, направленных на усиление роли и значения гражданских институтов.

Конституционное закрепление принципов и норм осуществления права граждан на свободу объединения стало фундаментом для формирования правовых основ деятельности институтов гражданского общества в Узбекистане.

Глава XIII Конституции страны полностью посвящена общественным объединениям. В ней определены ключевые принципы об организационных формах такого объединения: профессиональных союзах, политических партиях, обществах ученых, женских организациях, организациях ветеранов и молодежи, творческих союзах, массовых движениях и иных объединениях граждан [1].

Нормы Конституции конкретизируются и раскрываются в законах и актах законодательства, устанавливающих прочные правовые основы и гарантии для создания и функционирования различных форм ННО. В частности, это Законы «Об общественных объединениях в Республике Узбекистан», «О негосударственных некоммерческих организациях», «Об общественных фондах», «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций», «О социальном партнерстве», Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по оказанию содействия развитию гражданского общества в Узбекистане», Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» и т.д.

В результате проводимых поэтапных реформ значительно либерализована правовая база ННО.

Вместе с тем, в национальном законодательстве, регламентирующем деятельность ННО, имеются ряд правовых коллизий и пробелов, требующих пересмотра. В первую очередь, это нечеткая формулировка понятия ННО и неясная классификация форм ННО.

Согласно статье 10 Закона «О негосударственных некоммерческих организациях» – негосударственные некоммерческие организации могут создаваться в форме общественного объединения, общественного фонда, учреждения, а также в иной форме, предусмотренной законодательными актами [2]. Необходимо подчеркнуть, что слова «а также в иной форме, предусмотрен-

ной законодательными актами» позволяют создавать практически неограниченное разнообразие форм ННО (ассоциации, союзы, клубы и т.д.). Все эти формы должны отличаться друг от друга как минимум внутренней структурой и особенностями управления имуществом. В свою очередь, это приводит к недостаточно четкому пониманию государственными органами, специалистами и обществом в целом термина «ННО» и возможных ее форм.

Определенные противоречия можно проследить и в Гражданском кодексе Республики Узбекистан. В ст. 73–78 Гражданского кодекса перечисляются организационно-правовые формы ННО (потребительский кооператив, общественные объединения, общественные фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы) и органы самоуправления граждан) [3]. Однако, не все они являются ННО, поскольку в данных статьях кодекса отсутствует слово «негосударственные» за исключением общественных фондов. К примеру, органы самоуправления граждан не являются ННО, поскольку порядок их создания, функционирования, полномочия и прочее не соответствуют ННО.

Вместе с тем, сформированные к настоящему времени организационно-правовые, институциональные, материально-технические условия формирования и развития институтов гражданского общества нуждаются в дальнейшем совершенствовании и развитии [4, с. 84].

На решение соответствующих задач направлен принятый 4 мая 2018 года Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны».

Данным Указом определены такие приоритеты дальнейшего развития гражданского общества и его институтов, как:

- формирование механизмов эффективного и конструктивного диалога государства с гражданским обществом по важнейшим вопросам государственного и общественного развития;
- повышение уровня участия гражданских институтов в разработке и реализации программ социально-экономического развития;
- превращение социального партнерства в эффективный механизм взаимодействия между государственными органами и негосударственными некоммерческими организациями по широкому спектру социальных проблем граждан;
- совершенствование мер государственной поддержки и поощрения деятельности активных, самоинициативных негосударственных некоммерческих организаций, предлагающих инновационные идеи по дальнейшему социально-экономическому, общественно-политическому развитию страны [5].

Для реализации этих задач при президенте страны образован и начал свою деятельность Консультативный совет по развитию гражданского общества, призванный стать современной, демократической и транспарентной площадкой по кон-

солидации усилий государства и гражданского общества, направленных на дальнейшее опережающее и всестороннее развитие страны.

В соответствии с утвержденной президентом страны в 2018 году Концепцией совершенствования нормотворческой деятельности проведена инвентаризация актов законодательства, регулирующих отношения в сфере гражданского общества.

В настоящее время на стадии разработки находится законопроект «О ННО» в новой редакции, который предусматривает:

- ввести в законодательство правовую терминологию, четко определяющую понятия «гражданское общество», «институт гражданского общества» и другие термины, связанные с формированием гражданского общества и деятельностью его институтов;
- объединить в единый закон действующие в настоящее время Законы «О негосударственных некоммерческих организациях», «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций» и «Об общественных объединениях»;
- значительно сократить количество отсылочных норм и подзаконных ведомственных нормативно-правовых актов с тем, чтобы законы, регулирующие отношения в сфере гражданского общества, стали законами прямого действия;
- обеспечить совершенствование процессуальных механизмов общественного контроля и социального партнерства, включая предусмотренный государственной программой по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах переход от «двухсекторной» модели социального партнерства к «трехсекторной» модели взаимодействия государства, субъектов предпринимательства и институтов гражданского общества в решении приоритетных экономических и социальных задач [6].

Следует отметить, что в полной мере обеспечивается прозрачность государственного реестра ННО. Так, согласно пункту 45 Постановления Президента Республики Узбекистан «О мерах по реализации Постановления Президента Республики Узбекистан от 12 декабря 2013 года № ПП-2085 «О дополнительных мерах по оказанию содействия развитию институтов гражданского общества» № 57 от 10 марта 2014 года Государственный реестр ННО, Государственный реестр обособленных подразделений ННО, имеющих статус юридического лица, Государственный реестр представительств и филиалов международных и иностранных негосударственных некоммерческих организаций и Реестр обособленных подразделений, не имеющих статуса юридического лица, являются открытыми для всеобщего доступа.

Результаты мониторинга официального веб-сайта Министерства юстиции показывают, что

на сайте размещены наименования 511 ННО, прошедшие государственную регистрацию в министерстве, информация об остальных более 9438 ННО отсутствует [7]. Также информация не зафиксирована на официальных сайтах территориальных управлений Министерства юстиции.

В целом, правовые коллизии, несовершенство законодательства создают определенные препятствия на пути эффективного развития сектора ННО в Узбекистане. В этой связи, необходимым является принятие отдельных мер по решению указанных правовых проблем, проведению инвентаризации законодательства, внесению поправок в некоторые законодательные акты.

По данным Министерства юстиции Республики Узбекистан на состояние 1 января 2019 года по всей стране функционируют 9949 ННО, которые выполняют важную роль в защите прав и законных интересов физических и юридических лиц, демократических ценностей, достижении социальных, культурных и образовательных целей. Наибольшее количество зарегистрировано в Ташкентской области (892), наименьшее – в Навоийской области (474) [7].

В основном, свою деятельность ННО ведут в сферах развития предпринимательства и фермерства (20,7%), развития спорта (13%), политические партии (9%), воспитания молодежи (8,6%) и развития демократических институтов (8,5%) и другие.

При этом строгую разбивку ННО по направлениям деятельности дать довольно трудно, поскольку многие ННО занимаются реализацией комплексных задач, включающих несколько сфер [8, с. 320].

Вместе с тем, среди новых зарегистрированных ННО расширяется спектр направлений их деятельности. В обществе ощущается потребность в создании новых ННО, которые ставят задачами внести вклад в формирование широкого кругозора детей и их правовой защиты, в решение проблем в семейных отношениях, исходя из особенностей местного менталитета, подготовки экскурсоводов со знанием иностранных языков для развития туризма в области и др.

Особого внимания заслуживает тот факт, что принимаются отдельные указы и постановления, которые по достоинству учитывают заслуги и работу профильных ННО. Так, согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 13 августа 2019 года УК-5781 «О мерах по дальнейшему развитию сферы туризма в Республике Узбекистан» представителям общественных структур и соотечественникам за рубежом, внесшим достойный вклад в развитие и популяризацию сферы туризма в стране, по результатам оценки их деятельности соответствующими ННО будут награждаться нагрудным знаком «За вклад в развитие сферы туризма».

В общее количество ННО включены все подразделения политических партий, движений, профсоюзов, союзов и другие региональные отделения республиканских ННО.

По республике Комитет женщин Узбекистана имеет 14 региональных и свыше 200 городских и районных отделений, и каждое из них считается отдельным ННО. Аналогичная ситуация складывается и с Фондом «Махалла», «Нуроний», Союзом молодежи Узбекистана, Советом Федерации профсоюзов Узбекистана, Советом фермерских, дехканских хозяйств и владельцев приусадебных земель Узбекистана, Республиканским центром духовности и просветительства, Советом по координации деятельности органов самоуправления граждан, Обществом Красного полумесяца Узбекистана, Обществом инвалидов Узбекистана, Обществом по защите прав потребителей, количество региональных подразделений которых составляет около 2000 ед. и 400 ед. в Ассоциации водопользователей.

Наряду с этим, ярким примером развитого гражданского общества являются национально-культурные центры (НКЦ) и общества дружбы. Неоценима их роль в сохранении межнационального согласия и развитии культуры межнациональных отношений, развитие традиций, языка, культуры всех наций и национальностей, проживающих в Узбекистане.

Так, в республике насчитывается 129 национально-культурных центров, от общего количества ННО составляет 1,3% и 23 общества дружбы. В частности, 6 НКЦ – в Республике Каракалпакстан, 23 в г. Ташкенте и 100 в областях (таджиков, туркмен, арабов, казахов, киргизов, уйгуров, башкир, белорусов, болгар, бухарских евреев, греков, грузин, дунган, крымских татар, немцев, татар и др).

Таким образом, количество системообразующих ННО с их региональными подразделениями составляет около 7 тыс. ед., из них почти половина создана отдельными решениями правительства. Количество так называемых «самоинициативных» ННО, не имеющих территориального подразделения и функционирующих на локальном уровне, составляет порядка 3 тыс. ед.

Организационно-правовая форма – это форма, в рамках которой ННО осуществляет свою деятельность. Количественное соотношение организационно-правовых форм региональных ННО свидетельствует о том, что наиболее распространенной формой в Узбекистане является «общественные объединения» (69,1%). Другие формы не получили пока еще широкого распространения. Так, в форме «учреждений» зарегистрировано (7,7%) и «общественных фондов» (5%) ННО. Следует отметить, что под «другими» организационно-правовыми формами зарегистрировано (18,2%) ННО. В частности, к 23% из категории «другой», организационно-правовой форме относятся союзы водопользователей и другие.

Вместе с тем, критический анализ количественных показателей ННО свидетельствует о наличии ряда проблем, требующих принятия действенных мер по решению сложившейся ситуации.

Во-первых, критический анализ действующих в регионах страны ННО, показывает, что не все

зарегистрированные в органах юстиции организации полноценно функционируют. В каждом регионе имеются в среднем 10–12 ННО, не функционирующих несколько лет. Все еще остается открытым вопрос ликвидации либо возобновления деятельности нефункционирующих ННО.

В свою очередь, анализ изучения причин нефункционирования ННО дал возможность классифицировать их по следующим группам:

- отсутствие руководства организации (в связи с кончиной, миграцией за границу в целях заработка, переходом на государственный и бизнес сектор и т.д.);
- отсутствие источников финансирования;
- отсутствие помещения, офиса для осуществления деятельности.

Во-вторых, требуется совершенствование механизмов оказания инициативным группам правовой поддержки в подготовке и оформлении уставов новых ННО. Недостаточный уровень правовых знаний не дает возможность также в подготовке уставов в соответствии с требованиями законодательства.

В-третьих, по данным Государственного комитета по статистике количество зарегистрированных ННО по всей республике в соответствии с формой 1-NNT составляет более 20 тыс. ед., в то время как по данным Министерства юстиции их количество насчитывается 9449 ед.

Непроработанный механизм взаимодействия между двумя госорганами в вопросах формирования единого реестра ННО приводит к расхождению в цифрах.

Более того, форма 1-NNT Госкомстата требует коренного пересмотра, поскольку под эту форму, кроме ННО, регистрируются религиозные организации, негосударственные образовательные учреждения, адвокатские фирмы и другие некоммерческие организации, которые не входят в систему ННО.

В-четвертых, отдельного рассмотрения требует вопрос политических партий. На сегодня, по всей республике действуют 851 партийная организация. Эти институты гражданского общества, также регистрируются органами юстиции в качестве ННО.

Литература

1. Конституция Республики Узбекистан. –Т.: Узбекистан. 2018.
2. Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» от 14 апреля 1999 года № 763-І.
3. Гражданский кодекс Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 года.

4. Абдукаримов Г., 2016. Опыт Узбекистана в совершенствовании потенциала институтов гражданского общества, повышения правовой культуры и активности общества. Учебное пособие. Ташкент. С. 84.
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 4 мая 2018 года «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» № 5430.
6. www.regulation.gov.uz
7. www.minjust.uz
8. Садикова Ш., 2016. Социологический анализ социальной защиты престарелых в процессе модернизации общества. Диссертация на соискание ученой степени DSc. Ташкент. С. 320.

LEGAL BASES AND GUARANTEES OF FUNCTIONING OF NON-GOVERNMENT NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN UZBEKISTAN

Shayakubov Sh. Sh.

Tashkent State University of Law

This article discusses the principles and norms of the exercise of the right of citizens to freedom of association to form the legal foundations of the activities of civil society institutions, the legal foundations and guarantees of the activities of non-governmental non-profit organizations operating in Uzbekistan, the analysis of existing gaps in regulatory legal acts. Certain obstacles related to the imperfection of legislation, legal conflicts on the path of effective development of the NGO sector are analyzed in Uzbekistan, it is noted that it is necessary to take separate measures to solve the indicated legal problems, to conduct an inventory of the legislation, and to amend some legislative acts. At the same time, due to the expansion of the range of activities of registered NGOs, it is proposed to create new NGOs that aim to contribute to the formation of a broad horizons for children and their legal protection, to solve problems in family relations, based on the peculiarities of the local mentality, and the preparation of guides with knowledge of foreign languages for the development of tourism in the region, etc.

Key words: non-governmental non-profit organizations, civil society institutions, legislation, regulations, public associations, self-government of citizens, legal support.

References

1. The Constitution Of The Republic Of Uzbekistan. 2018.
2. Law of the Republic of Uzbekistan “on non-governmental non-profit organizations” dated April 14, 1999 No. 763-I.
3. the Civil code of the Republic of Uzbekistan of December 21, 1995.
4. He Was Born In G., In 2016. Uzbekistan’s experience in improving the capacity of civil society institutions, increasing the legal culture and activity of society. Textbook. Tashkent, P. 84.
5. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated may 4, 2018 “on measures to radically increase the role of civil society institutions in the process of democratic renewal of the country” No. 5430.
6. www.regulation.gov.uz
7. www.minjust.uz
8. Sadikova Sh., 2016. Sociological analysis of social protection of the elderly in the process of modernization of society. The dissertation on competition of a scientific degree DSc. Tashkent, P. 320.

Перспективы внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации

Смирнов Артем Иванович,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Saumlaki2000@mail.ru

Королева Елена Владимировна,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: koroleva-jurist@yandex.ru

В данной статье рассматривается вопрос о перспективах внедрения адвокатской монополии в Российской Федерации. В настоящее время в связи с интенсивным развитием отрасли юридических услуг и лиц, непосредственно осуществляющих юридические услуги, разбираемый вопрос приобретает особую важность и актуальность в регулировании рынка профессиональной юридической деятельности на территории Российской Федерации. Исследование действующего законодательства и законопроектов подтверждает факт, о давнем желании представителей юридической ассоциации обеспечить гарантированное высокое качество осуществления профессионального представительства. Авторами рассматривается как все негативные эффекты от создания адвокатской монополии, так и прогнозируемые плюсы от ее установления.

Ключевые слова: рынок юридических услуг, профессиональное представительство, адвокатская монополия, адвокатура.

В Российской Федерации адвокатура является социально-правовым институтом, который в свою очередь обеспечивает квалифицированную защиту прав и свобод клиента в судебных инстанциях любыми возможными установленными законом способами. Несмотря на это, на практике согласно действующему законодательству, оказывать данные услуги имеют право не только сами адвокаты, но и частные лица. В конкретном случае рынок юридических услуг можно разделить на две категории: адвокаты, оказывающие помощь в порядке, регламентирующем Федеральным Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1], и другие участники, не обладающие адвокатским статусом, предоставляющие юридические услуги неограниченному кругу лиц [2, с. 79–89].

27 сентября 2017 года в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект № 273154–7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». Автором которого является – председатель комитета по государственному строительству и законодательству Крашенинников Павел. Депутат государственной думы предлагает внести изменения в ст. 49 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» и ст. 59 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Указанный законодательный проект «разработан в целях предоставления реализации прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи». Основная идея – сузить круг представителей в суде, лицами с высшим юридическим образованием. По мнению инициатора законопроекта действующее процессуальное законодательство допускает возможность получения гражданами и юридическими лицами некачественных услуг по представительству в судах.

Согласно вышепоименованным поправкам, профессиональный представитель в судебной инстанции обязан иметь ученую степень по юридической специальности, присвоенную в Российской Федерации либо высшее юридическое образование, полученное по программе с российской государственной аккредитацией. Лицам, окончившим зарубежный вуз, придется пройти экзамен в «общероссийской некоммерческой общественной организации граждан, имеющих юридическое обра-

зование». Ассоциация юристов России (АЮР), руководство которой осуществляет все тот же Крашенинников Павел, уже проявила желание выступить в таком качестве [3].

Стоит отметить, что юридическое сообщество не выработало какой-либо однозначной позиции относительно данного законопроекта. Наибольшая часть юристов относится положительно к самой инициативе профессионального представительства в судебных инстанциях, но считает, что указанный проект не решит полностью сложившуюся проблему оказания неквалифицированной юридической помощи.

Многие довольно скептически относятся к тому, что АЮР может стать органом, осуществляющим допуск к профессии, так как АЮР все таки общественная организация, пусть и обладающая большим авторитетом в профессиональном сообществе.

Необходимость регулирования рынка профессиональной юридической помощи на сегодняшний день не вызывает сомнения. В целом данный законопроект оценивается положительно, но он вступает в противоречие с Федеральной целевой программой о реформе рынка юридических услуг, согласно которой Министерство юстиции РФ совместно с Федеральной палатой адвокатов РФ и также с участием юридических организаций уже не один год прорабатывает порядок представительства интересов в судебных инстанциях (концепцию «адвокатской монополии»).

Так, 24 октября 2017 года на официальном сайте Министерства юстиции РФ был размещен проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, в контексте госпрограммы Российской Федерации «Юстиция» [4], в процессе разработки которой не утихали дискуссии в отношении вопроса монополизации юридических услуг. Документ предусматривает, что с 2023 г. оказанием юридической помощи, в том числе осуществлением представительства в суде, на возмездной основе смогут заниматься только адвокаты и адвокатские образования. Предполагается, что реализация данной концепции будет проходить в три этапа, в период с 2018 по 2023 год.

Актуальность данной темы в первую очередь обусловлена существенным объемом рынка правовых услуг в Российской Федерации. По сведениям Росстата объем оказываемых услуг гражданам по пункту «услуги правового характера» в 2014 г., составил восемьдесят восемь миллиардов шестьсот сорок один миллион рублей, в 2015 – девяносто шесть миллиардов четыреста девяносто семь миллионов рублей, в 2016 – девяносто шесть миллиардов сорок девять миллионов рублей [5].

В свою очередь данный объем юридических услуг систематически увеличивается, также и за счет повышения количества его участников обеспечивающих предложения. По сведениям, предоставленным Министерством образования и науки Российской Федерации, в 2014 г., на программах бакалавриата по направлению «юриспру-

денция» проходило обучение четыреста семьдесят тысяч сорок три студента, по программе магистратуры – двадцать шесть тысяч четыреста девять студентов; по программе специалитета – девяносто восемь тысяч семьсот тридцать девять студентов; в 2015 году на бакалаврских программах – четыреста шестьдесят шесть тысяч семьсот пятьдесят два студента, по программе магистратуры – сорок одна тысяча девятьсот шестьдесят восемь студентов; по программе специалитета – тридцать две тысячи двести тридцать четыре студента; в 2016 году на бакалаврских программах – четыреста три тысячи триста сорок семь студентов, по программе магистратуры – пятьдесят девять тысяч восемьсот шестьдесят три студента; по программе специалитета – одна тысяча триста пятьдесят пять студентов.

По данным ФНС России, на конец 2019 г., в реестре юридических лиц указаны сведения о семидесяти тысячах триста шестнадцати юридических лицах, не прекративших свою деятельность и заявивших основным видом деятельности, деятельность в области права.

В едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей числится тридцать девять тысяч семьсот пятьдесят шесть не завершивших свою деятельность индивидуальных предпринимателей, отметивших в качестве основного вида деятельности, «деятельность в области права».

По данным Федеральной государственной информационной системы на Портале «Об адвокатской деятельности в Российской Федерации», функционирование которой осуществляет Министерство юстиции России, по состоянию на 5 апреля 2020 года, в реестре адвокатов субъектов России содержатся сведения о семидесяти четырех тысячах восемьсот сорока восьми адвокатах с действующим статусом [6].

При изучении данного вопроса вполне целесообразно было рассмотреть зарубежный опыт правового регулирования профессиональной юридической помощи, относительно правовой природы оказания юридических услуг.

В государствах с развитыми правовыми системами оказывать профессиональную юридическую помощь вправе лица, обладающие специальным правовым статусом (барристера, солиситора, адвоката, и др.). Так, в Индии, Белоруссии, Франции, Германии, Японии, основная часть юридических услуг, как представление интересов доверителя в судебных инстанциях и правовое консультирование, предоставляется практикующими адвокатами.

Однако законодательство отдельных стран фиксирует определенные исключения из указанного правила. Так, в Федеративной Республике Германии оказание юридических услуг профессионалами, не имеющих статуса «адвоката», допускается среди близких родственников или в кругу семьи, и кроме того, если юридические услуги являются частью профессиональной деятельности лица.

Во Франции деятельность адвоката не обязательна в Судах малой инстанции, в судебных

инстанциях по рассмотрению трудовых споров, а также в судебных инстанциях по делам предоставления аренды сельхоз земель.

В Китайской Народной Республике и Республике Беларусь различные виды юридических услуг оказываются лицами, не имеющими правового статуса адвоката, но обладающие высшим юридическим образованием.

Действующее законодательство Соединенного Королевства предполагает возможность представления своих интересов самостоятельно в судебных инстанциях непосредственно участниками судопроизводства.

Но в иных государствах, аналогично Российскому в структуре оказания высокопрофессиональной юридической помощи, не предъявляются столь высокие требования к наличию у лица, предоставляющего юридические услуги, специального юридического статуса.

Анализ иностранного опыта госрегулирования отрасли оказания профессиональной юридической помощи, обеспечивает возможность прийти к выводу о том, что при разработке НПА решений в ходе осуществления Концепции необходимо внедрить в отечественное законодательство об адвокатуре наиболее эффективные мировые практики в сфере законодательного регулирования предоставления юридических услуг.

Возвращаясь к вопросу о дискуссии в рамках рассматриваемой темы, считается, что для ответа на вышеуказанный вопрос нужно понять, кто в конечном счете преуспееет, а кто останется «Дауншифтером» от такого изменения. Необходимо во главу подобного умозаключения ставить публичные интересы, ради которых и был определен на повестку дня вопрос о внедрении «адвокатской монополии». Но это вовсе не означает, что интересы адвокатской деятельности и частнопрактикующих юристов не обязаны быть учтены, все зависит от того каким образом будут учтены все интересы поименованных групп, что в конечном счете и обеспечит возможность полного удовлетворения их интересов.

Возвращаясь к рассуждению на обозначенные темы, нам хотелось бы изучить такое явление в области права, как реформирование адвокатской монополии, предлагаемое Министерством Юстиции Российской Федерации. В корне вышепоименованного термина и лежит основополагающий способ, с помощью которого государственный аппарат планирует разрешить те остро стоящие проблемы, существующие в действующих реалиях судебной практики [7, с. 18–20].

Основная суть реформы заключается в обеспечении наибольшего качества предоставляемых юридических услуг за счёт формирования общеправового поля, а также создания высокопрофессиональной правовой помощи, отвечающей высоким требованиям международных стандартов, развитие условий для выхода адвокатуры России в мировое юридическое пространство [8, с. 189–193]. На первый взгляд, звучит весьма многоо-

бещающе, однако хотелось бы в первую очередь рассмотреть и отрицательную сторону данного вопроса.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в рамках современной Российской адвокатуры уже имеется почти полная монополия на оказание услуг, сопряженных с уголовным судопроизводством, а вышепоименованная монополия приведёт к «экспансии» так называемого «адвокатского статуса» на арбитражные, гражданские и административные, производства. Указанный факт в основной своей части, не обеспечит возможность лицу, обладающему дипломом юриста, но не получившему статус адвоката, обеспечивать представительство в суде, так как такое действие будет ограничено действующим законодательством. С точки зрения законодателя необходимо обеспечить процесс перехода профессионального юриста в статус адвоката наиболее удобным, аналогичный подход будет касаться и организаций оказывающих юридические услуги, которым в свою очередь будет необходимо пройти процедуру перехода в статус адвокатских образований.

Как следует из ГПК РФ, представительство в суде могут дееспособные граждане, полномочия которых оформлены и подтверждены надлежащим образом, за исключением лиц указанных в ст. 51 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (прокуроры, судьи, следователи, работники аппарата суда, помощники судей) [9].

Таким образом, можно отметить тот факт, что законодатель не производит существенные ограничения, в пользу профессиональных представителей. Иными словами, профессиональным представителем в судебных инстанциях может быть абсолютно любой гражданин обладающий дееспособностью. Указанный подход не является абсолютно верным, так как деятельность профессионального представителя является отнюдь не самой легкой работой, которую может выполнить любой гражданин. Адвокатская монополия, возможно сможет разрешить эту проблему.

Также стоит отметить, что в начале адвокатская монополия, не сможет разрешить все трудности по оказанию профессиональной юридической помощи, но и оставлять данный вопрос без внимания ни коим образом нельзя, так как очень важно инициировать данный механизм и уже впоследствии производить оценку его работы, а не критиковать его тогда, когда он воплощен только на бумаге.

Спускаясь к обозрению позитивных особенностей реформы, можно отметить гарантию независимости адвокатуры как социального института, так как осуществление любой адвокатской деятельности стандартизировано, то согласно установленным законам Российской Федерации, оно само по себе может высоко поднять планку качества оказываемых услуг в совокупности с этим, законодательная реформа обеспечит всеобщую

доступность профессиональных адвокатских услуг, а также бесплатную юридическую помощь.

Помимо вышесказанного стоит отметить, что мнение адвокатов, работников органов прокуратуры, судей, очень сильно распределились по нескольким сторонам. Так наиболее высококвалифицированные работники юридической отрасли – судьи, в большей своей части придерживаются того, что адвокатская монополия, скажется очень положительно на всей ситуации в целом. Адвокатская монополия существенно ускорит и упростит деятельность всех участников процесса, так как, если конкретное дело рассматривают профессиональные специалисты, то им будет, несомненно, проще прийти к общему решению данной проблемы.

Кроме того, с внедрением адвокатской монополии у процессуальных сторон будет намного меньше рискованных ситуаций, так как с конкретным адвокатом заключается договор, в котором излагаются все необходимые для сторон условия, а они в свою очередь предварительно обсуждаются с доверителем и в случае несоблюдения договорных отношений, доверитель имеет право предъявить обоснованную претензию адвокату. Если в делах представляет интересы доверителя лицо, не обладающее статусом адвоката то никаких договоров, обычно не подписывается и таким образом представители, не являющиеся адвокатами ответственности за выполненную работу не несут.

Помимо всего прочего в настоящий момент в гражданском обществе уже установились предпосылки для разрешения вышесказанного вопроса: кроме интереса общества, присутствует важная потребность в урегулировании указанного вида деятельности. В том случае если присутствует потребность в улучшении состояния всего гражданского судопроизводства и повышения качества его функционирования, то таким образом, адвокатская монополия представляет собой отличный инструмент, которым в свою очередь, возможно разрешить острую проблему низкого качества юридических услуг.

Двигаясь по заданной траектории, следует также учитывать существующую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, которая затрагивает деятельность по оказанию квалифицированной юридической помощи, изложенную в пункте 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. N2-П [10] «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова. В ней указывается на присутствующую многоаспектность. Провозглашая наличие такого права, государство обязано обладать средствами для его реализации в сфере публично – правового поля. Кроме того, общедоступный аппарат должен подготовить необходимые условия для его реализации. Так же имеется в виду законодательное вы-

деление отдельных специальных критериев и отборочных требований.

Вышепоименованная позиция о неограниченной юридической практике отражается и в российском рынке юридических услуг. Ключевыми участниками рынка юридических услуг представляют собой именно «профессиональные юристы», предпринимательские единицы, оказывающие юридическую помощь, где основным направлением их деятельности является профессиональное представительство в судебных инстанциях. Таким образом, дилемма об адвокатской монополии возбуждает повышенный интерес именно у конкретной группы граждан.

Дерегулирование экономических реалий более 20 лет назад привела нас к тому, что стали возможны на практике свободы представительства, интегрированные в процессуальное действующее законодательство: возникли индивидуальные предприниматели и финансовые организации, деятельностью которых являлось оказание юридических услуг и непосредственно представительство в судебных инстанциях. Невозможно говорить, что государство не предприняло попыток к регулированию деятельности таких организаций. В период с середины 1995 по 1998 г., осуществление функций по оказанию возмездных юридических услуг лицензировалась, но по принятию Федерального закона «О лицензировании определенных видов деятельности», оказание юридических услуг из перечня лицензированных видов деятельности было исключено.

Так как в настоящий момент функционирование такой деятельности лицензированию не подлежит, то справедливо появляется вопрос о двойственной природе рынка профессиональных юридических услуг. Его возможно разложить на несколько частей. Первая представляет собой достаточное регулирование сектора предоставления юридической помощи. Адвокатуру также можно причислить к ней, в силу того, что деятельность её регламентируется Федеральным Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N63-ФЗ[1], Кодексом профессиональной этики адвоката[11] и регулирующей документацией отдельных адвокатских образований.

Следующая часть представляет собой непрозрачную юридическую практику осуществляемую, в частности, абсолютно любым субъектом гражданского права. Таким образом, справедливо появляется вопрос о компетентности поименованных секторов. В свою очередь это дает возможность фиксировать ситуацию подмены понятий, установившуюся в кругу конституционно-правового декларирования права на профессиональную помощь, так как само право, по своей сути, сменяется правом на предоставление профессиональной юридической помощи исключительно любым осведомленным в вопросе коммерсантом. Стало быть, компетентность лица, к которому прибегают за оказанием указанных услуг оставляет желать лучшего, учитывая, что при приобретении статуса

адвоката лицо экзаменуется для получения впоследствии возможности к реализации адвокатской деятельности.

В противовес преобладающему мнению в юридическом сообществе, состоящее в расценивании социального института адвокатской монополии, как способ ликвидации независимой от адвокатской деятельности юридической практики, и как следствие стремительного уменьшения круга субъектов, имеющих право на предоставление юридической помощи. Правильным будет допустить, что внедрение адвокатской монополии будет использоваться лишь в отношении отдельных, очень не простых категорий юридических споров, примером которых, представляет собой уголовный процесс. Видеться, что внедрение адвокатской монополии на самостоятельные категории дел будет представлять собой отдельным средством обеспечения гарантий, установленных ст. 48 Конституции Российской Федерации, обеспечит значительное повышение качества предоставляемой юридической помощи, поспособствует значительному влиянию на правовую культуру, увеличит её институционализацию, в рамках всего рынка предоставляемых юридических услуг. Предполагается, что выявятся и иные полезные черты, такие как, предсказуемость и эволюционная стабильность рынка юридических услуг, увеличение качества отправляемого правосудия, из-за облегчения работы правоохранительных органов.

Но помимо очевидных выгод, институт адвокатской монополии содержит в себе и существенные риски. Прохождение экзамена лицами, желающими получить адвокатский статус, вразрез сформировавшейся у граждан общей доступности, ещё обеспечивает гарантию высокопрофессиональной юридической помощи, критерии которой формализовать невозможно. Зависят они во многом от желаний потенциального клиента, его общих представлениях о конкретном деле и предполагаемом исходе, он может и не обладать профессиональными знаниями, чтобы произвести оценку сложившейся правовой ситуации. Это приводит к искажению оценки статуса адвоката, устанавливающую примат веры в сложившейся статус адвоката над, верой в его возможности на практике.

Невзирая на предполагаемую институционализацию адвокатской монополии, вероятно существенное сужение рынка предоставляемых юридических услуг. Таким образом, возникает вопрос о прогнозируемых финансовых последствиях её внедрения, так как процессуальная монополия, обеспечит монополию экономическую, которая в свою очередь будет способствовать незначительному контролю регуляции цен и как следствие обеспечит удорожание юридической помощи по различным категориям дел и отсутствием необходимой гарантии качества оказываемых услуг.

Следует отметить, сторонники внедрения адвокатской монополии приводят следующие аргументы в обосновании своей позиции:

- только деятельность адвоката несет установленные Законом об адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката требования к ее осуществлению, в то время как иные участники рынка, не обладающие адвокатским статусом, не обременены подобными требованиями. В докладе миссии Международной комиссии юристов за 2015 г., указано: «Тот факт, что большинство юристов в России действуют за рамками какой-либо системы самоуправления, означает, что правовая система Российской Федерации во многом полагается на лиц, которые в свою очередь не подчиняются требованиям кодекса профессиональной этики и дисциплинарной системы. Таким образом, значительное количество людей, которые обращаются к ним, чтобы обеспечить себе доступ к правосудию, в том числе добиться исправления нарушенных прав гражданина, не смогут призвать к ответственности своих представителей, если обнаружат, что они проявляют некомпетентность, халатность или коррумпированность при ведении их дела» [12, с. 225–228]
- внедрение монополии позволит создать профессиональную систему правовой помощи, отвечающей общепризнанным международным стандартам;
- введение монополии позволит сформировать условия для появления профессиональной юридической среды в мировом правовом пространстве;
- монополия может позволить регулировать рынок путем формирования единых стандартов и правил оказания юридической помощи;
- наличие адвокатской тайны как своеобразная защита от сотрудников органов правопорядка, которая предполагает императив на изъятие документов у лица обладающего статусом адвоката, на разглашение материалов дела в случае вызова адвоката на допрос [13, с. 50]. Таким образом, профессиональная тайна становится привлекательным бонусом адвокатского статуса;
- повышение статуса и престижа института адвокатуры, а также высших учебных заведений обучающихся юриспруденции;
- зарубежный опыт. В подавляющем большинстве стран с развитыми правовыми системами оказывать профессиональную юридическую помощь вправе лица, обладающие специальным правовым статусом (адвоката, барристера, солиситора и иных). Так, во Франции, Германии, Японии, Индии, Белоруссии значительный объем юридических услуг, таких как правовое консультирование и представительство интересов доверителя в судебных инстанциях, оказывается именно лицами, обладающими статусом адвоката;

Таким образом, считая, что принятие адвокатской монополии в целом приведет к оздоровлению рынка юридических услуг на территории России, главным образом, путем недопущения низко-

квалифицированных юристов к оказанию юридических услуг.

Противники введения адвокатской монополии в качестве доводов ее несостоятельности приводят:

- неизбежность роста цен на юридические услуги, при условии введения монополии;
- снижение уровня доступности юридических услуг [14, с. 109];
- отсутствие конкуренции не приведет к улучшению оказываемых услуг, а вот к ухудшению вполне может;
- в среде адвокатов также наиболее часты случаи оказания юридической помощи, не соответствующей нормам Кодекса и закона об адвокатской деятельности. Только Министерством Юстиции Российской Федерации и его территориальными органами в 2013 г., была рассмотрена одна тысяча шестьсот девяносто одна жалоба на действия (бездействие) адвокатов, в 2014 г., – одна тысяча четыреста одиннадцать, в 2015 г., – одна тысяча пятьсот шестнадцать, в 2016 г., – одна тысяча шестьсот тридцать три, за шесть месяцев 2017 г., – семьсот семьдесят шесть жалоб;
- значительная доля частнопрактикующих юристов не солидарна с внедрением монополии, так как не желает отчислять взносы в адвокатские образования, а также по идейным причинам (как распределение дел «по назначению»);
- попытка, не увенчавшаяся успехом введения адвокатской монополии в арбитражном процессе в 2000-ых годах. [15];
- так, в первое время, после принятия данной меры необходимо будет установить упрощенный режим получения статуса [16, ст. 94–104], так как спрос будет в разы превышать предложение, что в свою очередь может повлечь проникновению «случайных» кадров в профессию.

Таким образом, считая, что в первую очередь рекомендуемая реформа может обеспечить нарушение конституционных прав на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии. А во вторую ко всем тем неблагоприятным последствиям, которые сопутствуют такому состоянию рынка как монополия.

Как отмечает Минюст России, проект носит предварительный характер и может быть доработан с учетом предложений, высказанных в ходе его обсуждения.

В данный момент законопроект № 273154–7 снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы, но споры по установлению адвокатской монополии остались актуальными. 7 ноября 2019 года в Правительстве РФ состоялось совещание с представителями адвокатского сообщества по вопросам адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации. В ходе встречи с президентами адвокатских палат, заслуженными адвокатами и руководством

Министерства юстиции России присутствующие решили доработать модель адвокатской монополии, представив ее проект до марта 2020 года, после чего обсудить ее с президентами адвокатских палат субъектов РФ, Правительством и Министерством юстиции (в том числе на Петербургском международном юридическом форуме), чтобы к середине 2020 года принять окончательное решение по данному вопросу [17].

Таким образом, целесообразно рассмотреть предлагаемые в юридическом сообществе пути реформирования, которые бы позволили оздоровить рынок юридических услуг на территории Российской Федерации.

1. Законодательное разделение юристов на судебных и несудебных, сделав тем самым вид, что взимание платы за представительство в суде – это некоммерческая юридическая помощь, а консалтинг по этому поводу – юридические услуги. Управляющий партнер адвокатского образования «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» адвокат Дмитрий Афанасьев считает, что разделение адвокатов на судебных и несудебных приведет к существенному удорожанию юридических услуг, поскольку клиент вынужден будет платить каждому из адвокатов [18]. Нельзя не согласиться с подобным высказыванием, но данный выход имеет место быть, так как он доказал свою состоятельность в Великобритании, где есть элитарная группа судебных адвокатов-барристеров и многочисленная армия солиситоров, взаимодействующих с клиентами и выступающих посредниками между ними и барристерами.

2. Процедура лицензирования юридической деятельности, предусматривающая высокие требования к лицензиатам. С одной стороны, создание адекватной системы довольно трудоемкий процесс, но с другой, это все, же лучше, чем заставлять всех вступать в ряды адвокатов. Также стоит обратить внимание на то, что подобный опыт уже имел место быть в России и просуществовал до 1998 года [19, с. 171].

3. Предъявление диплома, в качестве основания для допуска к представительству. Присутствует пример недавних изменений в административном судопроизводстве. С принятием в 2015 году Кодекса административного судопроизводства, профессиональный юрист для участия в административном процессе теперь должен обеспечить предъявление диплома о высшем юридическом образовании. Кроме того Федеральным законом от 28.11.2018 N451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20] в арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, согласно которым с 01 октября 2019 г., на любой стадии процесса представителем организации, индивидуального предпринимателя или гражданина в суде может быть только адвокат, а также лица, обладающие ученой степенью по юридической специальности или имеющие высшее юридическое образование.

4. Рассмотрение вопроса о совершенствовании института ответственности адвокатов (по аналогии с нотариатом). Граждане и организации, обращающиеся за квалифицированной помощью, должны быть защищены от некачественной услуги, доверяя полностью или частично адвокату сопровождение дела в суде. К сожалению, далеко не все доверители обладают должной правовой грамотностью и могут не заметить, когда действия адвоката не просто неверно выбранная стратегия по ведению дела, а халатно оказываемая деятельность, повлекшая негативный исход, где он не мог произойти при надлежащем исполнении соглашения об юридической помощи: неоднократная неявка в суд без уважительных причин (при наличии поручения клиента), невыполнение специальных поручений клиента, например, по подготовке жалоб на судебные акты, проведению переговоров и проч.), а также выход за пределы соглашения о юридической помощи. В данном случае важно дать объективную оценку действиям адвоката, которые безусловно повлекли негативный результат и не допустить тотальных обращений доверителей по всем делам, где клиент не доволен результатом оказания юридической помощи.

Подводя итог, следует сказать о том, что участники гражданского общества – личности свободные. Они участвуют в публичной деятельности «за совесть, но не за деньги». Основной особенностью и ключевой ценностью гражданской активности представляет собой бескорыстие. В совокупности обстоятельств, где появляются чисто финансовые отношения, наступает серьезное неравенство сторон последствием которого, образуется зависимость от работодателя. Даже отлично оплачиваемые работники не могут иметь собственного голоса в общественных делах, их объединенную позицию всегда определяет работодатель. Члены гражданского общества, приобретающие вознаграждение за свою активную публичную деятельность, воспринимают его как компенсацию за затраченные силы и время, но не как цель своей деятельности. Именно общественное благо представляет собой целью активности гражданского общества.

Сама по себе адвокатура представляет институт гражданского общества, в таком случае если миссия адвокатуры – обеспечение защиты публичных интересов, то исключительное благосостояние ее членов ни как не может являться целью ее существования.

Вышепоименованная концепция «Адвокатской монополии» вмешивается в отрасль регулирования процессуального права (во всех видах судопроизводства), публичного права, конституционного права, частного права, обуславливает учреждение монополии как безусловный фактор, представляющий собой детонатор преобразования всей правовой системы в РФ.

Образование адвокатской монополии приведет к существенной системной деградации адвокатуры как социального института, ее неконтролиру-

емой и неограниченной коммерциализации, что в свою очередь приведет к общему бесконтрольному существенному снижению качества оказываемой правовой помощи.

Кроме того, при создании вышеуказанной монополии, конечными «бенефициарами» (выгодоприобретателями) изменений рынка юридических услуг будут являться Министерство юстиции РФ, как орган исполнительной власти, в функции которого будут закреплены полный контроль всего рынка юридических услуг, а также руководящий состав наиболее крупных адвокатских образований, учитывая, что договора на оказание юридических услуг планируется заключать не напрямую с адвокатами (членами вышеуказанных коллегий или бюро), а с адвокатскими образованиями, руководство которых в свою очередь будет распределять поступающие обращения на оказание юридической помощи между членами адвокатского образования, с учетом своих «личных предпочтений».

Также учитывая, что представительство в судебных инстанциях в рамках реализации Концепции «монополии юридических услуг» будет осуществляться только членами адвокатских образований, появиться возможность, используя административный ресурс самого адвокатского образования, повлиять на качество оказания услуг, конкретным адвокатом, в конкретном судебном споре, что в свою очередь при представительстве обычного юриста имеющего диплом о высшем юридическом образовании и не являющегося адвокатом, в настоящее время представляется довольно мало реализуемой возможностью.

Видится, что преобразование сферы юридических услуг возможно несколькими путями – через установление адвокатской монополии, либо через создание альтернативных форм (одной из которых является осуществление представительства в судебных инстанциях только лицами, имеющих ученую степень по юридической специальности или высшее юридическое образование). Нет ни каких сомнений, что отрасль юридических услуг должна быть регулирована, но механизм регулирования перед его введением должен неоднократно и качественно перерабатываться с учетом реалий нашего времени.

Исследование вопроса о целесообразности введения адвокатской монополии позволило выявить некоторые положительные и отрицательные проявления настоящего механизма, который на данный момент еще только прорабатывается законодателем. В данной статье нами были изложены некоторые пути совершенствования в регулировании сферы юридических услуг, которые могут быть приняты во внимание российским законодателем.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2002 N63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об адвокатской деятельности

- и адвокатуры в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, N23, ст. 2102;
2. Harberger A.C. Monopoly and resource allocation // American Economic Review. 1994. Vol. 44. No 2. P. 79–89.
  3. Неюристов лишают судебных перспектив [Электронный ресурс]//Газета коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3422951>;
  4. Проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи [Электронный ресурс]//Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/opublikovanproekt-konceptcii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi>;
  5. Проект Распоряжения Правительства РФ «Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи» // СПС Консультант;
  6. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawyers.minjust.ru/lawyers?fullName=&registerNumber=&identityCard=&status=1&orgForm=&regCode=>,
  7. Верещагин А. Н., Назаров В.С. Государственная пошлина за рассмотрение дела в суде: какой ей следует быть? // Закон. 2018. № 4. С. 18–20;
  8. Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М: РОССПЭН, 2016. С. 189–193;
  9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N46, ст. 4532;
  10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 N2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N1, 1997;
  11. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017) // СПС Консультант Плюс;
  12. Мусалаев К.С. Представительство и адвокатская монополия в Российской Федерации: плюсы и минусы//Молодой ученый.-2018.-№ 16.- С.225–228;
  13. Бакаянова Н. М. О перспективах адвокатской монополии //Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № . 10–11 (50);
  14. Вайнерман Ф.В. К вопросу о понятии адвокатской монополии и о праве на ее существование в российском законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1. С. 109;
  15. Бочаров Т.Ю., Моисеева Е.Н. Плюсы и минусы адвокатской монополии. [Электронный ресурс]. / Электронное периодическое издание «Ведомости» – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/29/625981-plyusi-minusi-advokatskoi-monopolii>;
  16. Латыев А.Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства //Закон. – 2012. – № . 9. – С. 94–104;
  17. Информационный портал Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/38291/>
  18. Шестаков Е.Н. Возражения против адвокатской монополии [Электронный ресурс]// ИНТЕЛЛЕКТ-С, Группа правовых компаний.]. – Режим доступа: http://www.intellectpro.ru/about/team/partnery/shestakov_item/;
  19. Болдакина А.А. Проблема адвокатской монополии. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы. Издательство: «Наука и Просвещение». – 2017. – С. 171;
  20. Федеральный закон от 28.11.2018 N451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF A LAWYER MONOPOLY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Smirnov A.I., Koroleva E.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article considers the prospects for the introduction of a lawyer's monopoly in the Russian Federation. At present, due to the intensive development of the market for legal services and persons directly providing legal services, this issue is of particular relevance and importance in regulating the market for professional legal activity in the territory of the Russian Federation. The analysis of the current legislation and draft laws shows the long-standing desire of representatives of the legal community to ensure the guaranteed high quality of procedural representation. The author considers both all the negative effects of the creation of a lawyer's monopoly and the projected advantages of its establishment.

Keywords: Legal services market, professional representation, advocate monopoly, professional legal assistance, advocacy.

References

1. Federal law of 31.05.2002 N63-FZ (as amended on 02.12.2019) "On advocacy and the bar in the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation, 10.06.2002, N23, article 2102;
2. Harberger A.C. Monopoly and resource allocation // American Economic Review. 1994. Vol. 44. No 2. P. 79–89.
3. Non-lawyers are deprived of judicial prospects [Electronic resource]//The newspaper Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3422951>;
4. Draft concept of regulation of the professional legal aid market [Electronic resource]//Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/opublikovanproekt-konceptcii-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi>;
5. Draft Decree of the Government of the Russian Federation "Concept of regulation of the market of professional legal assistance" // SPS Consultant;
6. Information portal of the Ministry of justice of the Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://lawyers.minjust.ru/lawyers?fullName=&registerNumber=&identityCard=&status=1&orgForm=&regCode=>,

7. Vereshchagin A. N., Nazarov V.S. State fee for consideration of a case in court: what should it be? // Law. 2018. no. 4. Pp. 18–20;
8. Oleinik A. Power and market: the system of socio-economic domination in Russia of the “zero” years. M: ROSSPEN, 2016. Pp. 189–193;
9. Civil procedure code of the Russian Federation from 14.11.2002 N138-FZ (ed. from 02.12.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation, 18.11.2002, N46, article 4532;
10. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 28.01.1997 N2-P “On the case of checking the constitutionality of part four of article 47 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with complaints of citizens B.V. Antipov, R. L. GITIS and S.V. Abramov” // “Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation”, N1, 1997;
11. “Code of professional ethics of a lawyer” (adopted by the I all-Russian Congress of lawyers on 31.01.2003) (edited on 20.04.2017) // ATP Consultant Plus;
12. Musalaev K.S. Representation and legal monopoly in the Russian Federation: pros and cons//Young scientist. –2018. – № 16. – P. 225–228;
13. Bakayanova N.M. On the prospects of the lawyer’s monopoly // Questions of modern jurisprudence. – 2015. – № . 10–11 (50);
14. vaynerman F.V. On the issue of the concept of a lawyer’s monopoly and the right to its existence in Russian legislation // Legal Bulletin of Samara University. 2017. No. 1. P. 109;
15. Bocharov T. Yu., Moiseeva E.N. Pros and cons of the lawyer’s monopoly. [Electronic resource]. / Electronic periodical edition “Vedomosti” – Mode of access:: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/29/625981-plyusi-minusi-advokatskoi-monopolii>;
16. Latyev A.N. Limited lawyer monopoly or relative freedom of judicial representation //Law. – 2012. – № . 9. – Pp. 94–104;
17. Information portal of the Government of the Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://government.ru/news/38291/>
18. Shestakov E.N. Objections to the lawyer’s monopoly [Electronic resource] // INTELLECT-S, Group of legal companies.]. – access Mode: http://www.intellectpro.ru/about/team/partnery/shestakov_item/;
19. Boldakina A.A. The problem of lawyer monopoly. Collection of articles of the VIII International scientific and practical conference: Breakthrough scientific research: problems, patterns, prospects. Publishing house: “Science and Education”. – 2017. – P. 171;
20. Federal law of 28.11.2018 N451-FZ (ed. from 17.10.2019) “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // SPS Consultant Plus.

Отчет комиссии межгосударственного авиационного комитета о расследовании авиационного происшествия как объект анализа в прокурорской деятельности

Непеин Григорий Григорьевич,

научный сотрудник криминалистической лаборатории, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: ngrigorij2008@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы анализа прокурором результатов независимого расследования авиационного происшествия, проводимого комиссией Межгосударственного авиационного комитета. Автор обращает внимание на процессуальный статус отчета, анализирует ошибки, допускаемые членами комиссии МАК при расследовании авиакатастроф. Обращает внимание на положительную судебно-следственную практику окончания уголовных дел о преступлениях, связанных с авиакатастрофами, в отсутствие окончательных отчетов МАК.

Ключевые слова: авиакатастрофа, расследование, уголовное дело, прокурор, следователь, комиссия МАК.

Значительное развитие воздушного сообщения приводит к интенсивной эксплуатации различных видов авиатранспортных средств. Такая интенсивность создает предпосылки к увеличению количества случаев нарушения летным и наземным персоналом авиатранспортных предприятий правил безопасности эксплуатации воздушного транспорта, приводящего, в свою очередь, к авиационным происшествиям и инцидентам с гражданскими воздушными судами, включая самые тяжкие из них – катастрофы¹.

Как показывают данные статистики, год от года растет число авиационных происшествий с человеческими жертвами (катастроф). Согласно опубликованным Межгосударственным авиационным комитетом сведениям в период с 2009 по 2018 годы на территории Российской Федерации произошло 190 катастроф воздушных судов, в которых погибло не менее 790 человек.

Расследование авиакатастроф представляет собой значительную сложность, в ходе которой следственными органами выполняется обширный комплекс следственных действий направленных, с целью установления всех обстоятельств произошедшей катастрофы, на сбор информации, имеющей доказательственное значение – осмотры места происшествия (прежде всего, места авиакатастрофы), допросы, выемки и обыска (в ходе которых изымаются летная, техническая и иная документация, и др.), назначаются и проводятся различные судебные экспертизы (летно- и авиатехническая, баллистическая, трассологическая, химическая, видео- и фоноскопическая, судебно-техническая экспертиза документов, молекулярно-генетическую и т.д.).

Не менее важное доказательственное значение, влияющее на установление обстоятельства произошедшей авиакатастрофы, носят результаты независимого расследования авиационного происшествия, проводимого комиссией Межго-

¹ В соответствии с п. 1.2.2.2. Постановления Правительства РФ от 18.06.1998 № 609 (ред. от 07.12.2011) «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации» катастрофой является авиационное происшествие, приведшее к гибели или пропаже без вести кого-либо из пассажиров или членов экипажа.

сударственного авиационного комитета (далее – МАК).

Как показывает анализ криминалистической литературы, основные исследования, посвященные проблемам расследования авиационных катастроф, освещают особенности взаимодействия следственных органов с комиссией по расследованию авиационного происшествия [2, с. 75; 3, с. 101; 4, с. 22; 6, с. 62–65; 7, с. 52–53; 8, с. 20–23]. При этом, исследователями не затрагивались вопросы анализа Окончательного отчета о расследовании авиационного происшествия, составляемого комиссией МАК (далее – Отчет МАК), который оказывает следственным органам существенную помощь в выдвижении версий и организации расследования преступных нарушений Правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта, повлекших за собой катастрофу воздушного судна.

Порядок проведения МАК расследования авиационного происшествия, формирование и назначение им независимой комиссии определен Приложением № 13 к Конвенции о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944) (далее – Конвенция ИКАО), Стандартом ИКАО Doc 9756 AN/965, утвержденный Генеральным секретарем ИКАО в 2000 году – Руководством по расследованию авиационных происшествий и инцидентов (далее – Руководство), Межправительственным Соглашением о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства от 30.12.1991, Воздушным кодексом Российской Федерации и Правилами расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 18.06.1998 № 609 (далее – ПРАПИ-98).

Как следует из содержания Конвенции ИКАО целью расследования комиссией МАК авиационных происшествий с гражданскими воздушными судами, является выяснение, без установления чьей-либо вины или ответственности, объективных причин произошедшего авиационного происшествия либо инцидента и выработка рекомендаций, направленных на предотвращение подобных происшествий в будущем. При этом, пунктом 3.2.6 части IV Руководства Комиссиям, при издании окончательного Отчета, указывается на необходимость формулирования причины авиакатастрофы таким образом, чтобы, насколько это возможно, минимально отмечать чью либо вину или ответственность за произошедшее авиационное происшествие [10].

В соответствии с п. 2.1.1. ПРАПИ-98, комиссия по расследованию авиационного происшествия, в состав которой входят компетентные специалисты, обладающие специальными познаниями в области авиации, имеет статус государственной комиссии. Возглавляет комиссию председатель. В зависимости от сложности расследования у него есть один или несколько заместителей. Кро-

ме того, к работе в составе подкомиссий (летной, инженерно-технической и административной подкомиссии), а также рабочих групп (по составлению схемы (кроков) места происшествия, группа опроса и т.д.) привлекаются специалисты и эксперты, имеющие соответствующую квалификацию.

Как следует из содержания ПРАПИ-98 в качестве членов комиссии, а также специалистов и экспертов могут привлекаться: представители заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, работники организаций, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, в том числе научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, организаций разработчиков, изготовителей и эксплуатантов авиационной техники, аэропортов, авиаремонтных организаций, авиационно-технических баз и центров, учебных заведений, организаций ОВД, гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды, медицинских учреждений.

При этом, пунктом 2.1.3. ПРАПИ-98 установлен прямой запрет на привлечение к работе в комиссии, в качестве специалистов и экспертов, лиц, связанных с непосредственной ответственностью за авиационное происшествие. Связано это, прежде всего с тем, что привлеченные к работе в составе комиссии сотрудники авиатранспортных предприятий, в силу занимаемой должности, либо выполняемой трудовой функции непосредственно связанных с произошедшим авиационным происшествием, могут иметь личную заинтересованность в результатах расследования катастрофы. В связи с чем, прокурору, либо следователю, подвергающему анализу Отчет МАК, необходимо обращать особое внимание на состав лиц, привлеченных к работе в подкомиссиях и рабочих группах.

Между тем, как показывает личный опыт¹, а также интервьюирование следователей Северо-Западного следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, неоднократно принимавших участие в расследовании уголовных дел о преступных нарушениях Правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта, при формировании комиссии по расследованию катастроф с летательными аппаратами авиации общего назначения, к работе в составах подкомиссий и рабочих групп имели место случаи привлечения работников организаций-эксплуатантов потерпевших катастрофу летательных аппаратов.

Так, при расследовании катастрофы воздушного судна, произошедшего на территории Ленинградской области, следственными органами рассматривалась версия о причастности к нарушению правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта лиц, занимавшихся техниче-

¹ В период с 2011 по 2015 годы автор проходил службу на руководящих должностях в органах Следственного комитета Российской Федерации занимающихся расследованием преступлений в сфере транспортной безопасности.

ским обслуживанием летательных аппаратов [11]. При формировании комиссии МАК по расследованию данной авиакатастрофы, в качестве одного из специалистов был привлечен работник авиапредприятия, с которого производился вылет потерпевшего катастрофу самолета.

Согласно положениям ПРАПИ-98, а также Соглашения о сотрудничестве между Следственным комитетом Российской Федерации и Межгосударственным авиационным комитетом от 15 сентября 2017 года, члены комиссии МАК принимают участие в производстве различных следственных действий, в том числе, в осмотре места происшествия и вещественных доказательств.

Также на МАК возложена обязанность по выкладке фрагментов воздушного судна, исследованию обстоятельств, приведших к авиационному происшествию, анализу действий наземного и летного персонала, выявлению конструктивных недостатков воздушных судов. Специалисты лаборатории по научно-техническому обеспечению расследования авиационных происшествий МАК восстанавливают информационную картину в кабине летательного аппарата и на основании различных исследований проводят комплексную оценку состояния и действия экипажа и отдельных его членов в процессе возникновения и развития аварийной ситуации. Пунктом 2.3.4. ПРАПИ-98 предусмотрено, что только специалисты комиссии МАК могут вскрывать, прослушивать и расшифровывать записи наземных и бортовых устройств регистрации.

Кроме того, как следует из положений ПРАПИ-98, на МАК также возложена обязанность по хранению элементов воздушного судна, деталей узлов и агрегатов, прошедших лабораторные исследования, а также документов на них и т.д.

Срок расследования комиссией МАК авиационного происшествия, согласно п. 2.1.1. ПРАПИ-98, составляет 30 суток. В случае невозможности его завершения в указанный срок, составляется промежуточный отчет (предварительная справка), который направляется в соответствующий орган предварительного расследования, осуществляющий следствие по уголовному делу.

По окончании расследования, в соответствии со Стандартом ИКАО Doc 9756 AN/965 и ПРАПИ-98 составляется Окончательный отчет о расследовании авиационного происшествия. В Отчет МАК включаются записи всех соответствующих фактов (включая любое противоречивое показание), их анализ, а также выводы в форме заключений и причин.

Структурно Отчет состоит из Введения, 4 разделов (фактическая информация, анализ, вывод и рекомендации по обеспечению полетов) и, при необходимости, дополнения к отчету.

Раздел Отчета МАК «Фактическая информация» являясь описательной по характеру и сопровождаясь подтверждающими документами, в частности фотографиями, диаграммами, необходимыми выписками данных бортовых самопис-

цев и технических отчетов, включает в себя подробный перечень фактов и обстоятельств, выявленных в ходе расследования. В данном разделе отражается:

1. история полета – хронологическое перечисление событий, предшествовавших авиационному происшествию. Данные сведения основываются на объективных данных БУР, записях организаций воздушного движения, свидетельских показаниях. В сведения о происшествии должны быть включены географические координаты места катастрофы, точное время и время суток;

2. телесные повреждения – повреждения полученные лицами, находившимися на борту, (в том числе в случае наступления их гибели либо последующей смерти);

3. повреждения самого воздушного судна;

4. сведения о членах летного экипажа (уровень квалификации, опыт летной работы, возраст, пол и т.д.) и наземного авиаперсонала;

5. сведения о воздушном судне – информация о летной годности и техническом обслуживании летательного аппарата, описывается часть или система воздушного судна, процедуры выполнения полета, ограничение характеристик и другие обстоятельства, имевшие отношение к авиационному происшествию;

6. сведения о бортовых устройствах регистрации – их наличие, состояние, результаты расшифровки;

7. метеорологическая информация;

8. навигационные средства – указывается наличие навигационных и посадочных средств на аэродроме, оборудование воздушного судна и т.д.;

9. связь – оборудование средствами связи воздушного судна, переговоры с диспетчерами УВД и т.д.;

10. сведения об аэродроме;

11. сведения об обломках и ударе – описывается место авиационного происшествия, характер разброса обломков летательного аппарата, последняя часть траектории полета воздушного судна, направление удара, следы разрушения на строениях, деревьях, кустах и иных объектах произведенных при крушении летательным аппаратом. Указывается курс, пространственное положение воздушного судна (тангаж, крен и снос) и конфигурация воздушного судна в момент удара. В данный подраздел Отчета МАК прикладываются схемы разброса обломков, диаграммы и фотографии;

12. медицинские и патологические сведения – результаты медицинских и патологических обследований членов летного экипажа, исследования телесных повреждений, болезни и факторы, которые нарушили действия человека, в частности содержание окиси углерода, кислородное голодание, наличие алкоголя, лекарственных препаратов;

13. сведения о возгорании воздушного судна – указывается время начала пожара – во время выполнения полета, либо после столкновения с зем-

лей. В случае если возгорание произошло во время выполнения полета, то эффективность действий систем предупреждения о пожаре на борту воздушного судна. Определение происхождения пожара, источника воспламенения, горючих материалов, продолжительности пожара, его силы и воздействия на конструкцию воздушного судна и пассажиров на борту;

14. результаты всех проверок и исследований проведенных во время расследования – включают сведения о летных испытаниях, испытаниях на тренажере, компьютерное моделирование летно-технических характеристик воздушного судна и т.д.;

Кроме того, в этот раздел включается информация об организациях-эксплуатантах и их административной деятельности, факторы выживания членов экипажа и пассажиров, иная дополнительная информация, а также успешные или эффективные методы расследования, возможность применения которых не исключается во время будущих расследований.

Раздел Отчета МАК «Анализ» является основным разделом отчета. В нем рассматриваются и анализируются значения соответствующих фактов и обстоятельств, изложенных в I разделе отчета. В данном разделе обосновывается логическая связь, между собранной комиссией МАК информацией и выводами, которая приводит к пониманию причин, произошедшей катастрофы воздушного судна.

Вся необходимая для понимания и обоснования анализа фактическая информация включается в текст анализа непосредственно или в качестве приложения к Окончательному отчету. При необходимости даются точные ссылки на другие материалы расследования.

В разделе Отчета МАК «Выводы» комиссией формулируются, при тщательном, беспристрастном и объективном анализе всех собранных в ходе расследования вещественных доказательствах, причины авиационного происшествия с указанием конкретных источников, которые вызвали наступление этого происшествия.

В соответствии с п. 3.2.1 Добавления 1 к главе 1 Форма и содержание окончательного отчета Руководства, причиной авиационного происшествия может являться – действие, упущение, условие или обстоятельство, исключив или устранив которые, можно было бы предотвратить его наступление, либо уменьшить число пострадавших или разрушений.

Как следует из содержания Руководства, в перечень причин происшествия должны включаться не только те непосредственные обстоятельства, приведшие к катастрофе воздушного судна, но и более глубокие, системные причины. К этим причинам относятся все выявленные при расследовании недостатки в подготовке экипажа и персонала наземных служб обеспечения полетов, руководящих документов, а также конструктивные и конструктивно-производственные недостатки которые не оказали непосредственного влияния

на исход полета, но отрицательно влияют в целом на безопасность полетов. Их сопоставление и позволяет объяснить комиссии, почему произошло авиационное происшествие.

Раздел Отчета МАК «Рекомендации по обеспечению безопасности полетов» является разделом, направленным на устранение всех выявленных, при расследовании авиационного происшествия, недостатков.

Последний раздел – «Добавления», включается в Отчет МАК по мере необходимости и представляет собой любую дополнительную информацию, предназначенную для понимания Отчета (гlossарий, сопроводительные технические отчеты, схемы места авиационного происшествия, фотографии и данные бортовых самописцев).

Кроме того, при направлении в следственные органы Отчета МАК к нему прилагаются расшифровки записей переговоров; считывания информации с самописца полетных данных; план полета и загрузочная ведомость; отчеты о результатах технического расследования; соответствующие записи о техническом обслуживании; карты и диаграммы; фотографии; соответствующие страницы руководств и справочников.

В соответствии с требованиями ПРАПИ-98 Отчет МАК составляется и подписывается председателем Комиссии, его заместителями и членами Комиссии. Подлинник отчета в 10-дневный срок с момента его утверждения, с приложением отчетов подкомиссий, рабочих групп и прилагаемых к ним материалов, направляется в соответствующий правоохранительный орган, проводящий предварительное следствие – Следственный комитет Российской Федерации.

Как указывалось выше, окончательный отчет о расследовании авиационного происшествия, составленного комиссией МАК, является одним из доказательств по уголовным делам о преступных нарушениях правил безопасности эксплуатации воздушного транспорта. При этом, данный Отчет обладает процессуальным статусом иного документа, и он выступает в качестве самостоятельного доказательства, не являясь заключением специалиста, либо эксперта. В Отчете излагаются определенные обстоятельства и факты, имеющие значение для дела и, чье содержание обладает определенной, криминалистически значимой для расследования авиакатастрофы, информацией.

Анализ информации, изложенной в Отчете МАК, оказывает существенную помощь следователю, осуществляющему предварительное расследование и прокурору, изучающему материалы уголовного дела, в формировании объективной картины произошедшего события, так как членами комиссии исследуется большая часть всех обстоятельств, которые необходимо установить в ходе расследования данного преступления. Специалистами и экспертами МАК определяется что, каким образом и почему произошла авиакатастрофа, а также устанавливаются иные факторы,

которые могли содействовать наступлению общественно опасных последствий.

Между тем, как показывает практика и научные исследования, органы предварительного расследования зачастую считают, что выводы специалистов МАК о причинах катастрофы воздушного судна являются обязательными для них [1, с. 48; 5, с. 124]. Однако, подвергая анализу Отчет МАК, следователю, а в последующем и прокурору, следует принимать во внимание тот факт, что в соответствии с Соглашением между Правительством РФ и МАК от 20.10.1995, об условиях его пребывания на территории Российской Федерации, ратифицированного Федеральным законом от 14.12.1995 № 198-ФЗ [9], должностные лица МАКа фактически не подлежат судебной ответственности за действия, совершенные ими при исполнении служебных обязанностей. То есть МАК не несет ответственности за результаты расследования авиационных происшествий.

Кроме того, в следственной практике имели место быть случаи, когда выводы экспертов МАК вызвали сомнения в их обоснованности.

Так, в июне 2015 года в районе аэродрома «Центральный» города Бугуруслана Оренбургской области потерпело катастрофу учебно-тренировочное воздушное судно DA-40 NG, принадлежащее Бугурусланскому летному училищу гражданской авиации – филиалу Санкт-Петербургского университета гражданской авиации. В результате катастрофы погибли находившиеся на борту инструктор – командир воздушного судна и курсант училища.

Согласно выводам комиссии МАК, одним из факторов, способствовавших авиационному происшествию, явилось состояние алкогольного опьянения летчика, так как в его крови был обнаружен этиловый спирт в количестве 0,7%.

Вместе с тем, из показаний лиц, непосредственно общавшихся перед вылетом с пилотом, а также сотрудника медсанчасти, осуществлявшего его медицинское освидетельствование, допроса эксперта, проводившего судебно-медицинские исследования и изучения методической литературы позволило следствию прийти к выводу о том, что обнаруженные при исследовании крови и мочи погибшего следы ацетона, изопропанола и пропанола могли образоваться в результате постмортального гнилостного неогенеза [12].

На МАК, как указывалось выше, возложено проведение такой важной операции, как вскрытие и расшифровка бортовых самописцев, чьи данные являются важным источником объективной информации о произошедшей катастрофе. Между тем, как показывает следственная практика, членами комиссии МАК допускаются неточности в расшифровке записей, что вызывают у следствия сомнения в их результатах.

При расследовании катастрофы в аэропорту г. Иркутска самолета Airbus A-310 экспертами, проводившими комплексную летно-техническую экспертизу, было обращено внимание на нека-

чественную расшифровку специалистами МАК бортовых регистрирующих устройств, что привело к необходимости назначения и проведения повторной летно-технической экспертизы [13].

Кроме того, существует положительная судебно-следственная практика завершения предварительного следствия в отсутствии окончательного Отчета МАК. Однако, С.С. Юрьевым высказаны сомнения в правомерности окончания и направления в суд уголовных дел, о преступлениях, связанных с авиакатастрофами, без соответствующего мнения уполномоченного органа по расследованию происшествий в гражданской авиации [8, с. 22]. Мы не согласны с таким мнением названного автора, так как, как показывает практика, одной из причин затягивания следователями Следственного комитета Российской Федерации сроков расследования преступных нарушений правил безопасности эксплуатации воздушного транспорта, является несвоевременность поступления в следственные органы отчетов МАК, которые во многом базируются, в том числе, на том комплексе экспертиз, назначенных и проведенных по поручению следствия.

Так, в июне 2016 года в Солнцевский районный суд г. Москвы направлено уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 263 УК РФ, по факту авиакатастрофы в аэропорту Внуково (г. Москва) французского самолета Falcon-50EX, троих работников Внуковского центра ОВД филиала «Московский центр автоматизированного управления воздушным движением» ФГУП «Госкорпорация по ОрВД» и двух работников аэродромной службы ОАО «Аэропорт Внуково» [15]. Расследование авиакатастрофы самой комиссией МАК, было завершено только в октябре 2016 года [16].

Аналогичным примером завершения расследования уголовного дела, в отсутствие окончательного Отчета МАК, является расследование катастрофы Авиалайнер Sukhoi Superjet 100–95В авиакомпании «Аэрофлот» произошедшей 5 мая 2019 года в аэропорту Шереметьево [17].

Как указывалось выше, основной целью расследования комиссией МАК авиационных происшествий является выяснение объективных причин произошедшей катастрофы, в связи с чем, подвергая анализу Отчет МАК, и сопоставляя его с материалами уголовного дела, прокурор сможет выявить те факты и события, которые могли остаться за пределами внимания следователя, осуществлявшего предварительное расследование катастрофы.

Так, по результатам расследования катастрофы единичного экземпляра воздушного судна (далее – ЕЭВС) «Су-29», произошедшей в Ломоносовском районе Ленинградской области, следственными органами было вынесено постановление о прекращении уголовного дела.

Однако, подвергая анализу материалы уголовного дела, прокурором, при изучении Отчета МАК, выявлено, что следователь не подверг оцен-

ке факт несоответствия конструкции потерпевшего крушение летательного аппарата данным по воздушному судну, установленным требованиями к ЕЭВС и приведенным в приложении к заявке на сертификацию ЕЭВС самолёта «Су-29» RA-2828G – «Материалы, применяемые для изготовления самолёта Су-29 RA-2828G».

Данные замечания, изложенные в заключение комиссии МАК, указывали на некачественные оценку и осмотр летательного аппарата, проведенного Центром по сертификации ЕЭВС [14].

Подводя итог, следует отметить следующее – Окончательный отчет о расследовании авиационного происшествия, составляемый комиссией МАК, носит важное доказательственное значение, влияющее на установление всех обстоятельств произошедшей авиакатастрофы, при этом он обладает процессуальным статусом иного документа и является самостоятельным доказательством по уголовному делу о катастрофе воздушного судна. Отчет МАК оказывает следственным органам существенную помощь в выдвижении версий и организации расследования преступных нарушений Правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта. Такую же существенную помощь в выдвижении версий и таким же самостоятельным доказательством по делу является промежуточный отчет, который составляется в случае невозможности завершения комиссией МАК в 30-ти суточный срок независимого расследования.

Изучение Отчета МАК позволяет прокурору, как и следователю, сформировать объективную, информационную картину произошедшего события. При этом, подвергая анализу Отчет МАК, прокурор, как и следователь, должен оценивать его как на предмет допустимости и объективности, так и в совокупности с другими собранными по делу доказательствами. Сопоставляя Отчет МАК с иными материалами уголовного дела, прокурор сможет выявить те факты и события, которые остались за пределами внимания следователя, осуществлявшего расследование катастрофы воздушного судна.

Литература

1. Особенности первоначального этапа расследования авиационных происшествий / Д.В. Алехин, Н.Н. Ильин, В.А. Передерий; под ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – 50 с.;
2. Кравец И.П. Правовое обеспечение взаимодействия следователя со служебной комиссией при расследовании авиационных происшествий // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 1. – С. 73–76;
3. Малинин В.Г., Федоров В.М., Шамраев К.А. Методика расследования происшествий на железнодорожном и авиатранспорте / под общ. ред. В.А. Морозова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 158с.;
4. Мулкиджанов И. К., Кофман В.Д., Красоткин А.А. Расследование авиационных происшествий. – М.: МАИ, 2012. – 225 с.;
5. Митрофанова А.А. Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ): актуальные проблемы теории и практики: дис. канд. юрид. наук: 12.00.12. Иркутск., 2017. – 309 с.;
6. Степаненко Д.А., Митрофанова А.А. Формы и методы взаимодействия следственных органов с комиссией Межгосударственного авиационного комитета при расследовании авиационных происшествий // Российская юстиция. – 2017. – № 8. С. 62–65.
7. Эминов В.Е. Соотношение процессуального и служебного расследования при построении методики предварительного следствия // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) – М., 1976. – С. 49–55.;
8. Юрьев С.С. Расследование авиапроисшествий в аспекте взаимосвязи уголовно-процессуального и воздушного законодательства // Транспортное право. 2016. № 2. С. 20–23.
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Межгосударственным авиационным комитетом об условиях его пребывания на территории Российской Федерации: заключено в г. Москве 20.10.1995 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 2. – Ст. 111. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
10. Руководство по расследованию авиационных происшествий и инцидентов, Стандарт ИКАО Doc 9756 AN/965, утвержденный Генеральным секретарем ИКАО в 2000 году. – URL: http://aviadocs.com/icaodocs/Docs/9756_p4_cons_ru.pdf. (дата обращения: 10.11.2019);
11. Уголовное дело № 1–3/2019 // Архив Ломоносовского районного суда Ленинградской области
12. Материалы надзорной практики Уральской транспортной прокуратуры за 2016 год.
13. Материалы надзорной практики Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры за 2010 год.
14. Материалы надзорной практики Северо-Западной транспортной прокуратуры за I квартал 2020 года.
15. Перед судом предстанут фигуранты уголовного дела о катастрофе французского самолета «Falcon-50EX» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1048533/> (дата обращения: 25.11.2019).
16. Расследование авиационной катастрофы Falcon-50EX 20.10.2014 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межгосударственного ави-

ационного комитета. – URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/falcon-50ex-f-glsa-20-10-2014/> (дата обращения: 25.11.2019).

- Интервью заместителя Председателя Следственного комитета России Игоря Краснова газете «Коммерсантъ» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1427723/?print=1> (дата обращения: 17.02.2020).

REPORT OF THE COMMISSION OF THE INTERSTATE AVIATION COMMITTEE ON THE INVESTIGATION OF AN AIRCRAFT ACCIDENT AS AN OBJECT OF ANALYSIS IN PROSECUTOR ACTIVITIES

Nepein G.G.

Saint Petersburg law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis by the prosecutor of the results of an independent investigation into an accident conducted by a commission of the Interstate Aviation Committee. The author draws attention to the procedural status of the report, analyzes the errors made by members of the IAC commission in the investigation of air crashes. He draws attention to the positive practice of investigating criminal cases related to aircraft accident in the absence of IAC final reports.

Keywords: plane crash, investigation, criminal case, prosecutor, investigator, IAC commission.

References

- Features of the initial stage of investigation of aviation accidents / D.V. Alyokhin, N.N. Ilyin, V. A. perederii; ed. by A.M. Bagmet. – Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2017. – 50 p.;
- Kravets I.P. Legal support for the interaction of the investigator with the service Commission in the investigation of aviation accidents // Gaps in Russian legislation. – 2016. – no. 1. – Pp. 73–76;
- Malinin V. G., Fedorov V.M., Shamraev K.A. Methods of investigation of accidents on railway and air transport / ed. by V.A. Morozov. – Moscow: INFRA-M, 2001. – 158s.;
- Mulkidzhanov I. K., Kofman V.D., Krasotkin A.A. Investigation of aviation accidents. – Moscow: MAI, 2012. – 225 p.;

- Mitrofanova A.A. Criminalistic support of the initial stage of investigation of violations of traffic safety rules and operation of air transport (article 263 of the criminal code of the Russian Federation): actual problems of theory and practice: dis. kand. the faculty of law. Sciences: 12.00.12. Irkutsk, 2017, 309 p.;
- Stepanenko D. A., Mitrofanova A.A. Forms and methods of interaction of investigative bodies with the Commission of the Interstate aviation Committee in the investigation of aviation accidents // The Russian justice. – 2017. – no. 8. P. 62–65.
- Eminov V.E. The Ratio of procedural and service investigation in the construction of methods of preliminary investigation // Methods of investigation of crimes. General provisions: materials of the scientific and practical conference (Odessa, November 1976) – M., 1976. – Pp. 49–55.;
- Yuriev S.S. Investigation of air accidents in the aspect of the relationship of criminal procedure and air legislation // Transport law. 2016. no. 2. Pp. 20–23.;
- Agreement between the Government of the Russian Federation and the Interstate aviation Committee on the conditions of its stay in the territory of the Russian Federation: concluded in Moscow on 20.10.1995 // Collection of legislation of the Russian Federation, 2004, no. 2, Article 111. Access from the SPS “Consultant Plus”.
- Accident and incident investigation Manual, ICAO standard Doc 9756 AN/965, approved by the Secretary-General of ICAO in 2000. – URL: http://aviadocs.com/icaodocs/Docs/9756_p4_cons_ru.pdf. (date accessed: 10.11.2019);
- Criminal case no. 1–3/2019 // Archive of the Lomonosov district court of the Leningrad region
- Materials of the Supervisory practice of the Ural transport Prosecutor's office for 2016.
- Materials of Supervisory practice of the East Siberian transport Prosecutor's office for 2010.
- Materials of the Supervisory practice of the North-Western transport Prosecutor's office for the first quarter of 2020.
- The defendants in the criminal case of the crash of the French plane “Falcon-50EX” will appear Before the court [Electronic resource] // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1048533/> (accessed: 25.11.2019).
- Investigation of the Falcon-50EX air crash 20.10.2014 [Electronic resource] // Official website of the Interstate aviation Committee. – URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/falcon-50ex-f-glsa-20-10-2014/> (accessed: 25.11.2019).
- Interview of the Deputy Chairman of the Investigative Committee of Russia Igor Krasnov to the newspaper “Kommersant” [Electronic resource] // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1427723/?print=1> (date accessed: 17.02.2020).

К вопросу о совершенствовании административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения Российской Федерации

Мукасева Надежда Николаевна,

кандидат экономических наук, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: mukaseeva1209@mail.ru

Курлевский Иван Владимирович,

кандидат политических наук, доцент, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: kyrlevskii@mail.ru

Цель обеспечения безопасности дорожного движения имеет огромную значимость в условиях современности. Социальные и экономические потери от дорожно-транспортных происшествий придают данной проблеме общегосударственное значение. Отсутствие механизма воздействия на злостных нарушителей Правил дорожного движения приводит к большому числу повторных нарушений. Совершенствование действующего законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения призвано создать такой механизм, который будет эффективно применяться в рамках современных общественных отношений и качественно воздействовать на нарушителей, а главное – предупреждать нарушения.

В свете разработки положений концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях исследуются имеющиеся на сегодняшний день пробелы административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения. Автором отмечается особая необходимость модернизации нормативных положений, регулирующих отношения в сфере безопасности дорожного движения Российской Федерации.

Существующие положения об административной ответственности в области дорожного движения являются недостаточно эффективными и зачастую в правоприменительной практике возникают сложности связанные с их применением, что негативно сказывается на обеспечении прав и свобод граждан.

Автор рассмотрел особенности правового регулирования ответственности за административные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения. В статье рассмотрены основополагающие нормативные акты в указанной сфере и проанализированы недостатки проекта нового кодекса и предложены ряд изменений, направленных на совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, концепция, административное правонарушение, производство по делам об административных правонарушениях, безопасность дорожного движения, административное наказание, административный штраф, профилактика правонарушений.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ)[1] выступает регулятором общественных отношений в сфере административной ответственности и административных правонарушений. В целях обеспечения безопасности дорожного движения Российской Федерацией проводится целенаправленная государственная политика [2, с. 170]. Вопрос эффективности применения действующих норм об административных правонарушениях в нашей стране является актуальной проблемой довольно долгое время.

Нормы в сфере безопасности дорожного движения Российской Федерации требуют модернизации для выполнения возложенных на них задач в основном по предупреждению совершения нарушений в данной области. Перед законодателем стоит задача построения такой системы норм, регулирующих данную сферу жизнедеятельности, которая будет отвечать современной юридической технике и социальным реалиям времени.

Однако правоприменительная практика постоянно выявляет проблемы и пробелы правового регулирования данной области регулирования КоАП РФ. Поэтому ориентация на опыт применения и толкования судами норм КоАП РФ является основополагающим подходом к реформированию института административной ответственности. Только такой подход обеспечит стабильность применения норм.

Потери, которые несет государство и граждане от дорожно-транспортных происшествий колоссальны. Если обратиться к статистике, то за 2018 год девять из десяти (88,1%) ДТП произошло в результате водителями нарушения Правил дорожного движения. За 2019 год показатель возрос до 89,2%. [3]

В свете дискуссии о введении в действие нового КоАП РФ вопрос о мерах ответственности за нарушение ПДД становится особенно актуальным. Эффективность действующего КоАП РФ, с учетом количества вносимых в него изменений, сделавший данный акт бессистемным, очень мала.

Концепция нового Кодекса предполагает сокращение числа административных правонарушений, их разделение по категориям, исходя их характера и общественной опасности деяния.

Также предполагает значительное повышение штрафов, а также взимание штрафов с нарушителей без возбуждения исполнительного производства путем списание с банковских счетов должника.

Более того впервые вводится норма, согласно которой административное наказание назначается наличия у физического лица, привлекаемого к административной ответственности, заработной платы или иного дохода, имущественного и финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности. Но каких именно видов нарушений будет касаться данное положение не определено.

Введен новый вид штрафа за отсутствие техосмотра, увеличены суммы штрафов за тонировку, превышение скорости, неисполнение обязанности по страхованию.

Глава 21 нового кодекса предусматривает административные правонарушения в области дорожного движения штрафы. Рассмотрим подробнее статьи проекта нового КоАП РФ (табл. 1).

Таблица 1. Размеры штрафов за превышение скорости

	Превышение (км/ч)	Сумма штрафа по действующему законодательству, руб.	Сумма штрафа согласно проекту нового КоАП РФ, руб.
1	0–20	–	–
2	20–40	500	3000 (ч. 1 ст 21.9 нового проекта КоАП)
3	40–60	1000–1500	4000 (ч. 2 ст 21.9 нового проекта КоАП)
4	60–80	2000–2500 или лишение на 4–6 месяцев	5000 или лишение прав на 4–6 месяцев (ч. 3 ст 21.9 нового проекта КоАП)
5	Более 80	5000 или лишение на полгода	5000 или лишение прав на 4–6 месяцев (часть 3)
6	Повторное превышение на 40–60	2000–2500	10000 или лишение на 1 год (часть 4)
7	Повторное превышение более, чем на 60	Штраф 5000 на камеру или лишение на 1 год	10000 или лишение на 1 год (часть 4)

Впервые в КоАП РФ вводится «накопительная» система для злостных нарушителей правил дорожного движения.

Отметим, что, аварийность на дорогах однозначно не находится в прямой зависимости от увеличения размера штрафов. Необходима разработка методов и технологий снижения аварийности. К примеру, в каждом регионе необходимо устранить дефекты дорожного покрытия, установить ограничивающие пешеходные ограждения для предотвращения выхода – пешеходов на проезжую часть.

Оппоненты нового Кодекса уверены, что нововведения приведут к увеличению числа взяток, поскольку борьба с преступностью и правонарушениями должна идти по различным направлениям одновременно.

Также новый кодекс не решает ряд фактически имеющихся проблем, к примеру, на практике имеется проблема, связанная с возможностью ознакомления с материалами дела лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Многие авторы в целях обеспечения исполнения наказаний за злостные и систематические нарушения правил дорожного движения предлагают различные меры борьбы с нарушителями. Предлагается усиление административной ответственности за наиболее тяжкие правонарушения в сфере безопасности дорожного движения. Однако, стоит повторно отметить, что увеличение суммы штрафов за нарушения не является единственной мерой усиления ответственности. Для совершенствования системы административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения необходимо дальнейшее правовое развитие системы фотофиксации, видеофиксации и применение высоких технологий, в том числе мобильных онлайн-сервисов для фиксации нарушений.

Большое влияние на совершенствование системы окажет внедрение системы поощрений за соблюдение ПДД.

В перспективе целенаправленная комплексная работа по данным направлениям будет служить эффективным средством предупреждения правонарушений в области дорожного движения[5]. Данные меры ведут к сокращению числа сократить число случаев дорожно-транспортного травматизма и послужит дополнительной мотивацией участников дорожного движения к более ответственному и безопасному управлению транспортными средствами.

Проект нового КоАП РФ определил сумму штрафа в размере 5000 рублей за опасное вождение, которая оценивается учеными теоретиками как действенная мера по борьбе с опасным вождением на дорогах. Но, насколько эти меры будут эффективными покажет только практика.

С 2016 года существовала норма об опасном вождении, включающая в себя перечень маневров, которые и определяют степень опасности (перестроение с созданием помехи, перестроение при интенсивном движении, несоблюдение дистанции и др.) и условия, при которых такие маневры подпадали бы под термин «опасное вождение», это неоднократность и реальная угроза ДТП. Однако штрафа за такое нарушение нет действующем законодательстве.

Введение штрафа за опасное вождение этой действенной мерой, которая способна оказать существенное воздействие на повышение уровня безопасности на дорогах, однако, понятие «опасное вождение» не содержит в достаточных, однозначных и понятных для восприятия понятий, характеризующих опасное вождение. Вопрос о том, как именно сотрудники будут определять наличие параметров движения, позволяющих говорить об опасности вождения. На правоприменительной

практике это вызовет ряд вопросов, которые положения кодекса не решают.

В новом кодексе указаны такие новые категории, как отсрочка наказания, рассрочка выплаты штрафа, замена одного вида административного наказания другим. Это облегчит ситуацию для лиц, привлеченных к административной ответственности.

Таким образом, обеспечение дорожной безопасности является одной из приоритетных задач органов государственной власти. Применение определенного административного наказания служит целям предупреждения совершения новых правонарушений. Реализуемые в настоящее время в указанной сфере изменения должны быть направлены, прежде всего, на снижение аварийности и количества травмированных и погибших в результате дорожно-транспортных происшествий. Поэтому вопрос эффективности положений нового КоАП РФ в части регулирования ответственности за нарушения Правил дорожного движения остается спорным.

Литература

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 06.02.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зейналов Ф.Н. Некоторые проблемы правоприменения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2018. № 1. С. 169–175.
3. Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения. – URL: <https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/обзоры-аварийности>
4. Семенов Е.Ю., Кобзина П.В. Совершенствование процесса принятия управленческих решений в ГИБДД по вопросам обращения граждан о нарушениях правил дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2019. – № 1 (2). – С. 397–400.
5. Королева Е.Г. Совершенствование мер административной ответственности за нарушения правил дорожного движения // Вестник ГОУ

ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. – 2020. – № 1 – С. 115–117.

ON THE ISSUE OF IMPROVING ADMINISTRATIVE LEGISLATION IN THE FIELD OF ROAD SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mukaseeva N.N., Kurlevsky I.V.

Middle Volga Institute (branch) of VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The task of ensuring road safety is of great importance in modern conditions. Social and economic losses from road accidents give this problem national significance. The lack of a mechanism to influence malicious traffic violators leads to a large number of repeated violations. Improving the current legislation in the field of road safety is designed to create a mechanism that will be effectively applied within the framework of modern public relations and qualitatively affect violators, and most importantly – to prevent violations.

In the light of the development of the concept provisions of the new Code of administrative offences of the Russian Federation, the current gaps in administrative legislation in the field of road safety are examined. The author notes the special need to modernize the regulations governing relations in the field of road safety in the Russian Federation.

The existing provisions on administrative liability in the field of road traffic are not effective enough and often there are difficulties in law enforcement practice related to their application, which negatively affects the rights and freedoms of citizens.

The author analyzes the features of legal regulation of liability for administrative offenses in the field of road safety. The article considers the fundamental normative acts in this area and analyzes the shortcomings of the draft new code and proposes a number of changes aimed at improving the current legislation.

Keywords: Code of the Russian Federation about administrative offences, the concept of an administrative offense manufacture on Affairs about administrative offences, road traffic safety, administrative punishment, administrative penalty, and delinquency prevention.

References

1. The Code of administrative offences of the Russian Federation: Federal law No. 195-FZ of December 30, 2001 (ed. from 06.02.2019) // SPS “ConsultantPlus”.
2. Zeynalov F.N. Some problems of law enforcement in the field of road safety // Management of activities to ensure road safety: state, problems, ways to improve. 2018. no. 1. Pp. 169–175.
3. Analytical reviews of road safety. – URL: <https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/обзоры-аварийности>
4. Semenov E. Yu., Kobzina P.V. Improving the process of making managerial decisions in the traffic police on the issues of citizens ‘ appeals about violations of traffic rules // Management of road safety activities: state, problems, ways to improve. – 2019. – № 1 (2). – Pp. 397–400.
5. Koroleva E.G. Improvement of administrative liability measures for traffic violations // Bulletin of THE GOU DPO “IPK of continuing education for educators THAT.” Tula educational space, 2020, no. 1, Pp. 115–117.

Особенности административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке

Шигапова Анастасия Михайловна,

соискатель, кафедра административного права и процесса,
Институт государства и права РАН
E-mail: Anastasia3788@gmail.com

Налоговые правоотношения часто приобретают конфликтный характер. Это связано с тем, что интересы налогового органа и налогоплательщика являются противоположными. В данной статье рассматривается один из способов защиты прав налогоплательщика, такой как административная процедура судебного обжалования решения по налоговой проверке, в том числе раскрывается понятие и признаки исследуемого правового института, его соотношение с иными процедурами, применяемыми при рассмотрении материалов налоговой проверки и вынесении решения. Также исследуются особенности административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке, свидетельствующие о ее принадлежности к отрасли административного права, обосновывается необходимость содержащего нормы административно-правового механизма рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения, в том числе нормы, регулирующие административную правовую процедуру судебного обжалования налоговых споров.

Ключевые слова: административная процедура, административные органы, обжалование решения по налоговой проверке.

Право на судебную защиту является одним из основополагающих прав и свобод человека и гражданина, а также объединений граждан. Право на судебную защиту закреплено в части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации [6]. Реализуя вышеуказанное право, граждане обращаются в суд для защиты своих интересов. Граждане и их объединения обращаются в суд по различным вопросам, возникающим во всех сферах жизнедеятельности общества. Одной из категорий судебных споров являются налоговые споры. Налоговые споры являются не только одной из самых распространенных категорий дел, но и одной из самых сложных. Судебное обжалование налоговых споров существенно отличается от иных категорий споров, поскольку представляет собой смешанный правовой институт, содержащий в себе нормы административного и процессуального права. Это подчеркивается в работах исследователей в области административного и налогового права. В.В. Ярков указывает на то, что правовой институт рассмотрения налоговых споров в судебном порядке имеет свои отличительные особенности, поскольку сочетает в себе принципы административного права и принципы, присущие процессуальным отраслям [10, с. 34].

Э.Н. Нагорная выделяет особый характер налоговых споров, поскольку одной из сторон в таком споре является налоговый орган, наделенный властными полномочиями [3, с. 126–127].

Появление в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации раздела 3 «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» [2] свидетельствует об официальном признании особенностей рассмотрения судебных дел, возникающих из публичных правоотношений, к которым, безусловно, относятся дела, возникающие из налоговых правоотношений.

Исходя из анализа положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к особенностям судебного рассмотрения дел об обжаловании решений по налоговым проверкам относится фактическое возложение бремени доказывания на налоговый орган [2, ст. 189], что заведомо исключает применение принципа состязательности в таких делах.

Противоположенной позиции придерживаются Тян Н.Г., Никишов Д.О., которые указывают, что права и обязанности сторон определяются исходя из общих, начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований до-

бросовестности, разумности и справедливости [5, с. 82–83]. Хотя данная норма права принадлежит гражданскому законодательству, использованный при ее создании подход законодателя равным образом применим в любом, в том числе налоговом, законодательстве в силу своей универсальности. Требование универсальности находится в одном ряду с требованием руководствоваться общими началами и смыслом данной отрасли права.

По мнению Д.М. Щекина возложение обязанности по доказыванию исключительно на налоговый орган порождает злоупотребление налогоплательщиков своим правом на судебную защиту и освобождает их полностью от каких-либо действий, направленных на изложение своей позиции [4, с. 118–119].

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что административная процедура судебного обжалования решения по налоговой проверке представляет собой административную процедуру, сочетающую в себе общие признаки административных процедур, а также принципы гражданского и административного судопроизводства.

Особенности административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке кроются также в ее признаках. К отличительным особенностям административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке можно отнести следующие:

1. Активная роль суда при рассмотрении судебных дел об оспаривании решения по налоговой проверке. Исходя из анализа положений раздела 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации следует, что при рассмотрении дела об обжаловании решения по налоговой проверке в полномочия суда входит истребование по собственной инициативе сведений и документов у органа, вынесшего данное решение, признание явки должностного лица налогового органа в судебное заседание обязательной.

2. Требования к объему подлежащих исследованию доказательств в рамках рассмотрения судебного дела об оспаривании решения по налоговой проверке также имеют свои особенности. Среди исследователей налогового, административного права и исследователей судебного процесса высказываются различные мнения относительно вопроса о том, какие документы являются доказательствами по делам об обжаловании решений по налоговой проверке. Согласно первому подходу, изложенному в работах Э.Н. Нагорной, в качестве доказательств по налоговому спору могут быть использованы любые документы, перечисленные в пункте 2 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3, с. 27–28]. Более того, исследователи, придерживающиеся этой позиции, считают, что доказательствами по делу являются и сами акты проверок налоговых органов, если они составлены в установленном порядке.

Другая позиция, изложенная в работах В.М. Шерстюка, выражается в том, что в каче-

стве доказательств по налоговому спору могут выступать не все перечисленные в пункте 2 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации документы, а лишь ограниченный круг документов, исходя из принципа допустимости доказательств [9].

Еще один вопрос касающийся исследования доказательств в рамках реализации административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке касается относимости и допустимости доказательств, представляемых в суд на исследование и на основании которых судом будет решаться вопрос о законности решения, вынесенного по итогам налоговой проверки.

Понятие относимости доказательства связано с оценкой его содержания, оценкой того насколько содержащиеся в нем сведения отражают фактические обстоятельства, являющиеся предметом доказывания по делу. Такие авторы как Д.М. Щекин, Н.Г. Тянь, Д.О. Никишов указывают, что «доказательство признается относящимся к делу, если оно само по себе или в совокупности с другими доказательствами подтверждает, опровергает или ставит под сомнение вывод о существовании обстоятельств, составляющих предмет доказывания» [4, с. 128, 5, с. 220–221].

Примером оценки доказательств с точки зрения их относимости является судебное дело № А40–179491/2017 по заявлению ООО «Швейная компания Оптима» [1] о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В ходе рассмотрения дела налоговым органом в качестве подтверждения факта совершения проверяемым налогоплательщиком налогового правонарушения был представлен протокол допроса руководителя одного из спорных контрагентов ООО «ФаворитСервис». По результатам оценки данного доказательства суд признал его не относимым к рассматриваемому делу, поскольку исходя из сведений, изложенных в представленном протоколе допрос лица проведен в рамках другой налоговой проверки, не имеющей отношение к рассматриваемой. Анализ указанного допроса позволяет сделать вывод, что допрашиваемая Кудрявцева Н.А. не помнит/не имеет понятия о взаимоотношениях ООО «ФаворитСервис» с неким обществом «Компанией АВТОБРИГ», а не с проверяемым налогоплательщиком.

Понятие допустимости доказательства прежде всего связано с его процессуальной пригодностью. Макарова Т.О., Воронин И.К. под допустимостью доказательства понимают «такое свойство доказательства, которое позволяет охарактеризовать его с точки зрения законности источника, способа получения и закрепления правомочными на то лицами» [8].

Итак, допустимыми доказательствами являются доказательства, обладающие следующими признаками:

1. Доказательство должно быть получено в ходе процессуального действия, совершаемого ли-

цом, уполномоченным на его проведение. Примером оценки факта допустимости доказательства по указанному критерию может послужить судебное дело № А40–282319/2018 по заявлению ООО «Мясная компания Хладопродукт» о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В обоснование заявленных требований ООО «Мясная компания Хладопродукт» указывало на недопустимость таких доказательств факта получения необоснованной налоговой выгоды, как протоколы опросов, проведенных сотрудниками ОЭБиПК УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд указал, что сотрудники правоохранительных органов были включены в состав проверяющей группы, в связи с чем, вправе были осуществлять мероприятия налогового контроля и добытые указанными сотрудниками доказательства являются допустимыми для целей как налогового, так и судебного контроля [1].

2. Доказательство должно быть получено из надлежащего источника. Примером нарушения данного критерия допустимости доказательства может служить судебное дело № А40–143412/2017 по заявлению ООО «ПКФ Базис» о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В рассматриваемом судебном деле налоговым органом в качестве подтверждения факта получения ООО «ПКФ Базис» необоснованной налоговой выгоды представлены протоколы допросов сотрудников общества, согласно которым работы по уборке помещений выполнялись собственными силами без привлечения субподрядных организаций. Суд, исследовав представленные доказательства, признал их недопустимыми, указав на то, что допрошенные лица являлись сотрудниками проверяемой организации и привлекались к выполнению работ на объектах в 2015 и 2016 году, в то время как спорные события происходили в период с 2012 по 2014 год, вследствие чего допрошенные лица не могли быть их свидетелями и соответственно источниками достоверной информации [1].

3. Доказательство в обязательном порядке должно быть получено с надлежащим соблюдением правовой процедуры, установленной для его сбора и закрепления. Ярким примером оценки допустимости доказательства с точки зрения соблюдения процедуры его получения и оформления является судебное дело № А40–131820/17 по заявлению ООО «Форвард» (правопреемник ООО «Креатив-мебель») о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения [1]. Налоговым органом в основу доказывания факта получения ООО «Креатив-мебель» необоснованной налоговой выгоды по сделкам по закупке материалов для производства мебели были положены результаты проведенной выемки документов (предметов). Общество в заявлении о при-

знании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения указывало на то, что результаты проведенной выемки являются недопустимым доказательством по делу по причине того, что получены незаконно, без соблюдения установленных процедур и их надлежащего оформления. В том числе, ООО «Форвард» указало, что у Инспекции отсутствовали основания для производства выемки, выемка проводилась не по адресу местонахождения налогоплательщика, в отсутствие генерального директора, в ходе выемки были изъяты документы, которые ранее не были истребованы у налогоплательщика, опись изъятых документов не содержит их индивидуализирующих признаков и общего количества, документы не прошивались. Суд, отказывая ООО «Форвард» в удовлетворении заявленных требований установил, что выемка была произведена и оформлена налоговым органом в полном соответствии с нормами статьи 94 Налогового кодекса Российской Федерации, соответственно ее результаты являются допустимыми доказательствами.

4. Доказательство должно содержать сведения, происхождение которых известно, и оно может быть проверено. Примером оценки доказательства с точки зрения данного критерия может послужить судебное дело № А40–169044/18 по заявлению ООО «МВС-груп» о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения [1]. Налоговым органом при проведении выездной налоговой проверки ООО «МВС-груп» был выявлен факт нереальности выполнения работ по улучшению свойств твердосплавного инструмента с применением технологии низкотемпературного отжига. При этом налоговым органом сделан вывод о том, что услуги по термостабилизации с применением процедуры низкотемпературного отжига при температуре 70–150 градусов Цельсия никак не могут повлиять на изменения свойств твердосплавного инструмента. Данный вывод сделан проверяющими исходя из информации, «находящейся в общедоступных источниках» без указания конкретных ссылок. Удовлетворяя требования ООО «МВС-груп» в полном объеме, суд указал на то, что доказательства, полученные налоговым органом из неизвестных источников, являются недопустимыми, поскольку не могут быть проверены и, соответственно, не подтверждают факт получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды.

5. Доказательство не может быть признано допустимым, в случае если получено с использованием недопустимого доказательства. Примером исследования доказательств с применением рассматриваемого критерия может служить дело № А40–135173/2015 по заявлению ООО «Экшн» о признании недействительным решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения [1]. В рассматриваемом судебном споре общество указывало на недо-

пустимость таких доказательств, как ответы заказчиков спорных услуг, поскольку они получены на запросы, направленные налоговым органом до вынесения решения о проведении выездной налоговой проверки. Суд, отказывая ООО «Экшн» в удовлетворении заявленных требований, указав на то, что налоговый орган имеет право направлять поручения об истребовании документов (информации) в рамках статьи 93.1 Налогового кодекса Российской Федерации, то есть за рамками проведения налоговой проверки. При этом ключевым моментом в оценке таких доказательств является факт ознакомления проверяемого налогоплательщика с полученными ответами. Таким образом, суд признал допустимым доказательство ответы заказчиков спорных услуг, поскольку они получены на запросы, правомерно направленные налоговым органом.

На основании изложенного, по результатам проведенного исследования такого критерия оценки доказательств как их допустимость можно сделать вывод о том, что данный критерий направлен на ограничение использования тех или иных сведений об обстоятельствах рассматриваемого дела в процессе судебного доказывания.

В ходе исследования административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке и ее особенностей интересным представляется вопрос возможности представления доказательств, полученных после завершения налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля, не отраженных в решении по налоговой проверке в суд в качестве подтверждения позиции налогового органа, а также вопрос возможности представления налогоплательщиком документов ранее не представленных ни в ходе вынесения решения по налоговой проверке, ни в ходе административного обжалования ее результатов. Данные вопросы, свидетельствуют о наличии дополнительного критерия допустимости доказательств, применимого исключительно при рассмотрении дел о признании недействительными решений по налоговым проверкам. Длительное время позиция исследователей по данному вопросу сводилась к тому, что доказательствами по налоговой проверке в целом, а соответственно и при рассмотрении налогового спора могут быть лишь сведения и документы, полученные налоговым органом непосредственно в ходе проведения налоговой проверки и дополнительных мероприятий налогового контроля, а также документы, представленные налогоплательщиком в рамках проверки. Так, Э.Н. Нагорная указывает что арбитражной практикой рассмотрения налоговых споров установлен такой критерий допустимости доказательств как предварительное его представление в налоговый орган [3, с. 469]. По мнению Д.М. Шекина доказательствами, отвечающими критериям допустимости по налоговому спору, могут быть признаны материалы налоговой проверки, полученные и исследованные налоговым органом в ходе ее проведения и оформлен-

ные с соблюдением надлежащих правовых процедур [4, с. 146]. Таким образом, доказательства, полученные налоговым органом после вынесения решения по налоговой проверке, не могут рассматриваться в качестве допустимых при рассмотрении налогового спора.

С одной стороны, указанная позиция отражает сущность административно-правового механизма рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения, соответствует его принципам, одним из которых является строгая регламентация действий участников исследуемых правоотношений. Однако, с другой стороны, в случае если фактические обстоятельства, сведения о которых получены налоговым органом или налогоплательщиком за рамками административных процедур рассмотрения материалов налоговой проверки, вынесения решения по ней и административного обжалования ее результатов имеют существенное значение, в случае, если такие обстоятельства свидетельствуют о невиновности проверяемого налогоплательщика возникает риск необоснованного возложения на налогоплательщика дополнительного налогового бремени, а в случае если обстоятельства доказывают виновность налогоплательщика в совершении налогового правонарушения возникает риск уклонения от налоговой ответственности.

Исходя из указанной позиции появились различные исследования, допускающие возможность представления в рамках реализации административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке дополнительных ранее не исследованных доказательств. Точку в рассмотрении данного вопроса поставило постановление пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении части первой Налогового Кодекса Российской Федерации» в пункте 78 которого установлено право налогового органа осуществлять сбор доказательств в ходе рассмотрения дела в суде в целях опровержения дополнительных доказательств, представленных налогоплательщиком [7]. Таким образом, налогоплательщик вправе представить дополнительные документы в суд, и в этом случае у налогового органа возникает право их проверить. Указанное положение в полной мере обеспечивает соблюдение баланса частных и публичных интересов при реализации административной процедуры судебного обжалования решения по налоговой проверке.

По результатам исследования порядка рассмотрения налоговых споров суде можно сделать вывод, о том, что указанный порядок представляет собой административную процедуру судебного обжалования решения по налоговой проверке, являющуюся частью административно-правового механизма рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения. Административная процедура судебного обжалования налоговых споров сочетает в себе общие признаки административных процедур, а также признаки судебно-

го процесса. При этом нормы, регулирующие административную процедуру судебного обжалования решения по налоговой проверке содержатся в различных законодательных актах, в том числе в Арбитражном процессуальном кодексе в разделе III «Производство в арбитражном суде первой инстанции первой инстанции, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», в Кодексе административного судопроизводства в разделе IV главе 22 «Производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих», что свидетельствует об их разрозненности и различной трактовке. В рассматриваемом случае представляется целесообразным отрегулировать, усовершенствовать и систематизировать механизм рассмотрения налоговых споров, путем разработки единого подзаконного акта, содержащего нормы административно-правового механизма рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения, в том числе нормы, регулирующие административную правовую процедуру судебного обжалования налоговых споров.

Литература

1. Электронный ресурс: <https://my.arbitr.ru/>
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // *Собрание законодательства РФ*. – № 30. – 29.07.2002. – Консультант плюс.
3. Нагорная Э.Н. Налоговые споры. Оценка доказательств в суде// Э.Н. Нагорная. – М.: Юстицинформ, 2009–690 с.
4. Щекин Д.М. Юридические презумпции в налоговом праве // Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: МЗ Пресс, 2002–252 с.
5. Тянь Н.Г., Никишов Д.О. Налоговые проверки: виды, порядок проведения и оформление результатов // *Ученые заметки ТОГУ*. 2019. Т. 10. № 1. 325 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 04.08.2014. – № 31. – Консультант плюс.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 №57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» – Консультант плюс.
8. Макарова Т.О., Воронин И.К. Проблемы нарушения процедуры рассмотрения материалов налоговых проверок // *Актуальные проблемы права*. 2017. № 4. С. 82–89.

9. Шерстюк В.М. Новые положения проекта третьего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (общие положения)// В.М. Шерстюк. – М.: Хозяйство и право № 5, 2001 – с. 68–86.

10. Янков В.В. Административное судопроизводство: Практикум: Учебное пособие/ В.В. Янков, К.А. Малюшин. – М.: Статут, 2016–385 с.

FEATURES OF THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE FOR JUDICIAL APPEAL OF A TAX AUDIT DECISION

Shigapova A.M.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Tax relations often become conflicting. This is due to the fact that the interests of the tax authority and the taxpayer are opposite. This article discusses one of the ways to protect the rights of a taxpayer, such as the administrative procedure for judicial appeal of a decision on a tax audit, including the concept and characteristics of the legal institution under investigation, its relationship with other procedures used in considering tax audit materials and making a decision. It also examines the features of the administrative procedure for judicial appeal of a decision on tax audits, evidencing its belonging to the branch of administrative law, substantiates the need for an administrative-legal mechanism for considering tax audit materials and making decisions, including the rules governing the administrative legal procedure for judicial appeal of tax disputes.

Keywords: administrative procedure, administrative bodies, appeal of the decision on tax audit.

References

1. Electronic resource: <https://my.arbitr.ru/>
2. Arbitration procedural code of the Russian Federation from 24.07.2002 No. 95-FZ (ed. from 02.12.2019) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – № 30. – 29.07.2002. – Consultant plus.
3. Nagornaya E.N. Tax disputes. Evaluation of evidence in court/ / E.N. Nagornaya. – М.: Yustitsinform, 2009 – p. 690
4. Shchekin D.M. Legal presumptions in tax law // Under the editorship of S.G. Pepeliaev. – М.: МЗ Press, 2002 – p. 252
5. Tyan N. G., Nikishov D.O. Tax audits: types, procedure and registration of results // *Scientific notes of TOGU*. 2019. Vol. 10. No. 1. 325 p.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 №6-FKZ, from 30.12.2008 №7-FCL from 05.02.2014 No. 2-FKZ, from 21.07.2014 No. 11-FCL) // *collected legislation of the Russian Federation*. – 04.08.2014. – № 31. – Consultant plus.
7. The resolution of the Plenum of the RF from 30.07.2013 №57 “About some questions arising at application by arbitration courts of part one of the Tax code of the Russian Federation” Consultant plus.
8. Makarova T. O., Voronin I.K. Problems of violation of the procedure for reviewing tax audit materials // *Current problems of law*. 2017. no. 4. Pp. 82–89.
9. Sherstyuk V.M. New provisions of the draft third Arbitration procedural code of the Russian Federation (General provisions) // V.M. Sherstyuk. – М.: Economy and law # 5, 2001-p. 68–86.
10. Yarkov V.V. Administrative proceedings: Practical Training: Textbook/ V.V. Yarkov, K.A. Malyushin. – Moscow: Statute, 2016–385 p.

Медиация и арбитраж: история сосуществования и перспективы развития

Бигарова Виктория Викторовна,

студент, лаборант-исследователь, кафедра международного частного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ
E-mail: vbigarova@bk.ru

Малтабар Екатерина Антоновна,

студент, кафедра международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ
E-mail: maltabarea@yandex.ru

Статья посвящена сравнению двух альтернативных способов урегулирования споров: медиации и арбитража. В 2010 году в России был принят первый комплексный законодательный акт, посвященный правовой регламентации примирительного посредничества. С тех пор прошло почти два десятилетия. Казалось бы, термин «медиация» за такой значительный промежуток времени должен был приобрести популярность в коммерческих кругах. Так ли это? В чем сходство и различие двух процедур, соглашение о применении которых требует автономной воли сторон и имеет акцессорный характер по отношению к основному соглашению? Можно ли утверждать, что такое явление как медиация способно составить конкуренцию арбитражу? К какой из процедур чаще предпочитает прибегать российский предприниматель?

Ключевые слова: медиация, арбитраж, третейское разбирательство, сравнение

В 2010 году в Российской Федерации появился первый законодательный акт, посвященный правовому регулированию примирительного посредничества (медиации), – Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1]. По мнению некоторых исследователей (В.В. Лисицын, проч.), это событие стало важным этапом на пути формирования в России эффективной системы восстановления нарушенных прав субъектов бизнес-сообщества. С тех пор прошло почти два десятилетия. Термин «медиация», некогда звучавший непонятно для российского предпринимателя и, в целом, для обычного человека, казалось бы, за такой значительный промежуток времени должен был приобрести более ясные очертания. Так ли это на самом деле?

Крайне интересным, на наш взгляд, является также сравнение двух альтернативных способов разрешения, в частности, коммерческих споров, требующих проявления автономной воли сторон правоотношения, первым из которых как раз и является процедура медиации. Второй механизм носит название третейского разбирательства (арбитража). Законодательная регламентация этого понятия началась еще в СССР и в настоящее время представлена, в частности, Федеральным Законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2].

В чем сходство и различие двух процедур урегулирования споров, соглашение о применении которых требует автономной воли сторон и имеет акцессорный характер по отношению к основному соглашению? Можно ли утверждать, что такое явление как медиация, способно составить конкуренцию арбитражу? К какой из процедур чаще предпочитает прибегать российский предприниматель?

Итак, примирительное посредничество – предшественник современной медиации – уходит корнями глубоко в недра отечественной истории. Первое упоминание о примирителях и примирительных процедурах можно встретить еще в Русской Правде, датируемой XI веком. На этот источник указывает В.В. Лисицын [3, с. 21]. В ряде статей Русской Правды обнаруживается, что выступать в роли «суда» могут исключительно представители публичной власти, а именно князья или иные лица, уполномоченные князем вершить суд.

По нашему мнению, обращение к «суду» в этом смысле является предком медиации, применяе-

мой в связи с судебным разбирательством (назовем ее «судебной медиацией»). Ее необходимо отличать от несудебной: о ее применении стороны договариваются самостоятельно, и она не связана с какой-либо процедурой в суде. До недавнего времени в России не представлялось возможным утверждать о наличии двух видов процедуры медиации. Это было связано с тем, что возможность воспользоваться процедурой медиации существовала лишь за рамками судебного процесса и не в стенах суда. Тем не менее, отдельные авторы с большой долей вероятности указывали на возможность ее возникновения [4].

В зависимости от того, кто проводит процедуру медиации, выделяют сближенную и интегрированную модели медиации. Сближенная модель судебной медиации предполагает, что процедура медиации проводится профессиональным медиатором, работающим не в суде. Интегрированная модель предполагает проведение процедуры специально подготовленным судьей или сотрудником суда [4].

Более состоятельным и обоснованным историческим примером несудебной медиации, по нашему мнению, является упомянутое в работах Н.Л. Дювернуа посредничество в лице представителей духовенства. Так, Н.Л. Дювернуа описывает пример успешной примирительной процедуры с участием посредника, имеющего церковный сан [3, с. 22–23].

В упомянутом примере посредник в силу своей принадлежности к негосударственному институту, церкви, более похож на сторонне привлеченного примирителя по модели «сближенной» медиации.

Действительно, термины «посредничество при урегулировании споров», «примирительное посредничество», «медиация» прочно вошли в современное российское законодательство, в первую очередь процессуальное (например, ст. 138.4 АПК РФ [5], с. 153.5 ГПК РФ [6]). Однако российское процессуальное законодательство не дает никаких разъяснений относительно характера такого посредничества, указывая лишь на его цель – урегулирование спора.

По нашему мнению, интерес к исследованию и законодательному регулированию медиации, наиболее ярко проявившийся в начале 2000-х годов, обусловлен в том числе и тем, что необходимо было разграничить медиацию, к которой 20 лет назад прибегали криминальные группировки, и «цивилизованную» медиацию, характерную для определенной степени развития гражданского общества.

Изначально законопроект, посвященный процедуре медиации, базировался на Типовом законе о международной коммерческой согласительной процедуре, разработанном ЮНСИТРАЛ (Комиссией ООН по праву международной торговли) в 2002 году и одобренном Генеральной Ассамблеей ООН. В последующем законопроект был изменен, но ни одно из изменений не было настолько фундаментальным, чтобы законопроект больше нельзя было считать основанным на международном акте.

В итоге 27 июля 2010 года был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1], который до сих пор является основным источником регулирования исследуемого явления.

Второй способ разрешения споров, рассматриваемый в рамках настоящей статьи, – третейское разбирательство. По вопросу о природе третейского разбирательства в среде ученых сложились следующие мнения: позиция первых (Зайцев А.И. [7, с. 7, 14]) не относит его к альтернативным государственным судам способом разрешения споров (АРС), по мнению вторых (Стяжкина Л.А. [8, с. 106–109], Сахапов Ю.З. [9, с. 144–148]) арбитраж таковым является. Авторы настоящей статьи придерживаются второй точки зрения и считают, что арбитраж является способом АРС, поскольку позволяет разрешить конфликт во внесудебном порядке.

Возникший одновременно с международной торговлей и на протяжении тысячелетий следовавший за ней, международный коммерческий арбитраж являлся одним из инструментов ее защиты. По мнению исследователей [10, с.79], третейское разбирательство предшествовало государственным институтам, что не позволяло перегружать суды, поскольку государства не располагали достаточным судебным аппаратом для урегулирования всех частноправовых споров.

В Средневековье создание третейских судов было вызвано масштабным развитием торговли и необходимостью разрешения споров между купцами, которые зачастую являлись представителями различных народов и государств. Не осталась в стороне от указанной тенденции и Россия. Первыми выборными судами по торговым делам на территории России стали учрежденный в Новгороде в 1135 году суд при церкви Святого Иоанна (суд Ивановского купечества) и учрежденный для рассмотрения споров между новгородским и немецкими купцами по договору Древнего Новгорода с Ганзой суд по торговым спорам. Также сохранилась мировая грамота 1411 года об урегулировании спора Ивана Кочерина и Ганса Вреде [10].

В Новое время ведущие страны Европы, такие как Франция и Англия, уверенно встали на путь активного использования международного коммерческого арбитража. В России первым постоянно действующим международным коммерческим арбитражем стал Архангельский таможенный суд. В него входили представители торговых кругов, а также «целовальники» из Москвы и других городов России. В XVIII веке в некоторых пунктах пограничной торговли существовало несколько постоянно действующих третейских судов, например, в Оренбурге. В 1831 году в России было принято Положение о третейском суде, которое предусматривало создание добровольного суда *ad hoc* и третейского суда по французскому образцу [10].

К началу XX века глобализация мировой торговли, упадок традиционных арбитражных институтов привели к революционным изменениям

в регулировании международного коммерческого арбитража – возникновению международных арбитражных институтов и появлению международных конвенций о коммерческом арбитраже. Появляются первые постоянно действующие международные коммерческие арбитражные учреждения: Лондонская арбитражная палата (1892), Американская арбитражная ассоциация (1926), арбитраж при Стокгольмской торговой палате (1917), Морская арбитражная комиссия при Всесоюзной торговой палате (1930) и Внешнеторговая арбитражная комиссия (1932).

В современной России существует пять постоянно действующих арбитражных институтов: Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража и Национальный центр спортивного арбитража при Автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата» [11].

В современном российском законодательстве закреплена две категории третейских судов: а) третейские суды для рассмотрения споров внутреннего характера и б) третейские суды, рассматривающие споры из договорных и иных отношений, возникающих при осуществлении внешне-торговой и других видов международной экономической деятельности, а также споры предприятий с иностранными элементами (международный коммерческий арбитраж) [12].

Изначальной правовой базой для образования третейских судов по разрешению хозяйственных споров, как справедливо указал М.И. Клеандров [13], послужило Постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1959 года «Об улучшении работы государственного арбитража» [14], в котором было предложено использовать одну из новых форм привлечения общественности к разрешению хозяйственных споров по отдельным крупным и сложным делам между предприятиями, организациями и учреждениями. Однако Временные правила рассмотрения хозяйственных споров третейским судом, утвержденных Госарбитражем СССР 31 августа 1960 года больше не содержали упоминания о сложных и крупных делах. Отмечалось лишь, что отдельные хозяйственные споры могут быть переданы на разрешение третейских судов.

В дальнейшем деятельность третейского суда по разрешению хозяйственных споров стала регулироваться утвержденным постановлением Госарбитража СССР от 30 декабря 1975 г. Положением о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями [15]. На практике такая форма разрешения хозяйственных споров, как третейское разбирательство, достаточно широко распространения не получила.

В современной России деятельность третейских судов регулируется двумя законами: Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» [16], регулирующим рассмотрение третейским судом споров внутреннего характера, и Законом РФ «О международном коммерческом арбитраже» [17], регулирующим рассмотрение гражданско-правовых споров с иностранным элементом.

В дальнейшем в силу различных причин, в том числе связанных с неоднородностью качества третейских судов и выносимых ими решений, была проведена вызвавшая ожесточенные дискуссии в юридическом сообществе реформа законодательства о третейских судах, в результате которой количество постоянно действующих арбитражных учреждений сократилось с нескольких сотен до пяти. 29 декабря 2015 года был принят и вступил в силу с 1 сентября 2016 года Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2]. Этот закон принят с учетом мирового опыта организации и деятельности третейских судов и направлен на решение существовавших в сфере регулирования третейского разбирательства проблем, в том числе названных выше.

Итак, законодательная регламентация арбитража в настоящее время состоит в основном из трех перечисленных выше законов, хотя, безусловно, отдельные положения о третейском разбирательстве находят место также в процессуальном (например, положения об оспаривании решений третейских судов в АПК РФ [5, ст. 230], ГПК РФ [6, ст. 418]), и материальном кодифицированном законодательстве РФ (например, положение о полномочиях третейского суда на арест судна в КТМ РФ [18, ст. 318]).

Процедура медиации – способ урегулирования споров при участии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [1, ст. 2]. Медиативная оговорка является одним из способов включения в договор положения о проведении процедуры медиации в случае наличия спора между сторонами. Статья 8 [1, ст. 8] дает сторонам возможность заключить соглашение о проведении процедуры медиации, что может быть достигнуто не только путем инкорпорации в договор положений о медиации, но и посредством составления отдельного документа, содержащего волеизъявление сторон.

Медиативный подход к разрешению споров предполагает участие одного или нескольких медиаторов, задача которых состоит в выявлении интересов сторон и содействии сторонам в поиске общих потребностей. Медиатор – это нейтральное и беспристрастное третье лицо, выступающее в качестве посредника между сторонами спора, содействующее возобновлению конструктивного диалога между ними. Медиатор не вправе быть представителем какой-либо из сторон, оказывать юридическую помощь, а также участвовать в процессе медиации, если имеет личный интерес в ре-

зультатах урегулирования спора [1, ч. 6 ст. 15]. Закон различает профессиональных и непрофессиональных медиаторов [1, ч. 1 ст. 15].

Медиатор – это не судья и не арбитр. Медиатор не выносит решение по существу спора, его роль – помочь сторонам выработать и принять такое решение самостоятельно. Стороны могут окончить процедуру медиации заключением мирового соглашения [1, ч. 1 ст. 12], которое подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон [1, ч. 2 ст. 12].

Если при помощи медиации урегулировать спор не удалось, стороны могут передать дело на рассмотрение суда. Процедура медиации и судебное разбирательство могут сосуществовать, даже в случае, если спор уже передан в суд. Тем не менее, стороны могут договориться не обращаться в суд в течение прописанного в медиативной оговорке времени, а суд в полной мере признает такое обязательство [1, ч. 1 ст. 4]. Однако если в процессе медиации сторона убеждается в том, что в результате этой процедуры ее права и интересы не могут быть восстановлены, она вправе обратиться в суд. Если спор уже передан на рассмотрение суда, стороны могут прибегнуть к медиации до момента вступления решения суда в законную силу. То же касается одновременного применения процедур медиации и арбитража: медиация допускается в любой момент арбитража.

Если в ходе судебного или арбитражного разбирательства сторонам удалось найти общее решение посредством медиации, а также удалось заключить медиативное соглашение, такое соглашение может быть утверждено третейским судом или судом как мировое соглашение в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже [1, ч. 3 ст. 12].

Поскольку медиативное соглашение является гражданско-правовой сделкой, стороны наделяются гражданско-правовыми способами защиты в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения такого соглашения [1, ч. 4 ст. 12], а оспаривание такого соглашения ничем не отличается от оспаривания обычной гражданско-правовой сделки.

Законодатель наделяет медиативное соглашение свойством исполнительного документа лишь в случае его нотариального удостоверения [1, ч. 5 ст. 12].

Стоит отметить, что вопрос приведения в исполнение соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации), является дискуссионным. 26 июня 2018 года на пятьдесят первой сессии ЮНСИТРАЛ объявила о завершении работы над проектом Конвенции, посвященной приведению в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате проведения процедуры посредничества (медиации) [19]. В декабре 2018 года Конвенция была принята Генеральной Ассамблеей, и 7 августа 2019 года была официально открыта для подписания.

По мнению разработчиков Конвенции, ее положения направлены на повышение привлекательности медиации как способа разрешения трансграничных коммерческих споров, а также на снижение вероятности обращения сторон к судебному или арбитражному разбирательству после проведения посредничества [20, с. 64]. Тем не менее, Россия Конвенцию не подписала. Возможно, такое решение обусловлено в том числе и тем, что медиативные соглашения, как показывает мировая практика, в большинстве случаев исполняются сторонами добровольно. Универсальный принцип добросовестного выполнения договорных обязательств, *pacta sunt servanda*, распространяется на все соглашения, в том числе и на медиативные.

Понятие «арбитраж (третейское разбирательство)» раскрыто в трех законах РФ: ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2], Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже» [17], ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [16]. Ранее нами уже было проведено разграничение между регулированием, содержащимся в этих нормативно-правовых актах. Однако, несмотря на различия в регулировании, эти законы содержат одинаковый подход в определении исследуемого понятия. Так, арбитраж (третейское разбирательство) означает процесс разрешения спора третейским судом и принятия (арбитражного) решения третейским судом.

Наравне с медиацией арбитраж также является альтернативным способом разрешения споров. Стороны выражают свое волеизъявление на передачу существующего или будущего спора на рассмотрение и разрешение в третейский суд путем заключения арбитражного соглашения [16, ч. 1 ст. 7].

Определение арбитражного соглашения также содержится в п. 1 статьи 7 Закона РФ о Международном коммерческом арбитраже [17]. Под арбитражным соглашением понимается соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением или его частью независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет. Приведенное определение арбитражного соглашения является унифицированным на международном уровне, поскольку практически дословно повторяет пункт 1 статьи 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже [21].

Арбитражное соглашение, по мнению Г.В. Севастьянова [22, с. 311], характеризуется четырьмя признаками. Первый признак – объем арбитражного соглашения. Стороны в арбитражном соглашении могут определить, какие категории споров подлежат передаче в арбитраж. Норма, имеющая диспозитивный характер, содержащаяся в пункте 10 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже [17], распространяет действие арбитражного соглашения «по спору, возника-

ющему из договора или в связи с ним, на любые сделки между сторонами третейского соглашения, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного договора». Президиум ВАС РФ в Постановлении от 10.04.2012 N17757/11 [23] подчеркивает, что третейская оговорка, включенная в договор предназначена для этого договора и является одним из условий договора, и при отсутствии в ней специальных указаний распространяется на те же правоотношения, на которые распространяется договор в целом. Норма пункта 12 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже расширяет объем арбитражной оговорки: «арбитражное соглашение, содержащееся в договоре, распространяется также на любые споры, связанные с заключением такого договора, его вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе и с возвратом сторонами исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным, если иное не следует из самого арбитражного соглашения».

Второй признак – наличие или отсутствие спора на момент заключения арбитражного соглашения. В соответствии с этим признаком арбитражные соглашения подразделяются на два основных вида. Условие договора о передаче возможных будущих споров в арбитраж именуется арбитражной оговоркой. В случае если контракт не содержит арбитражной оговорки, стороны могут заключить отдельное арбитражное соглашение. Если же договор не содержит арбитражной оговорки, а спор уже возник, стороны могут заключить «компромисс» (третейскую запись). Право передачи спора на рассмотрение третейского суда сохраняется и после возбуждения дела в государственном суде в силу подпункта 2 пункта 1 статьи 135 АПК РФ [5, пп. 2 п. 1 ст. 135], это право можно реализовать вплоть до вынесения судом решения по делу.

Третий признак – возможность заключения арбитражного соглашения в связи с определенным правоотношением сторон. Этот признак предполагает обязанность сторон уточнить, споры в связи с каким правоотношением или частью правоотношения подлежат разрешению третейским судом. Назначение этого признака заключается в обеспечении процессуальных гарантий сторон. А.П. Вершинин подчеркивает [24], что попытка передать все споры в арбитраж может быть оценена государственным судом как «отказ от обращения в суд», недействительный в силу пункта 3 статьи 4 АПК РФ [5, п. 3 ст. 4].

Четвертый признак – возможность передачи на рассмотрение арбитража споров, возникающих из любых внешнеэкономических правоотношений сторон. Так, стороны могут передать на рассмотрение в арбитраж споры не только из договорных, но и из деликтных правоотношений.

Арбитражное разбирательство подразумевает рассмотрение спора арбитром или коллегией арбитров, число которых должно быть нечетным [2, ч. 1 ст. 10]. Состав третейского суда рассматривает и разрешает спор по существу, выносит ар-

битражное решение, обязательное к исполнению всеми сторонами спора.

Само по себе арбитражное соглашение исключает право сторон обращаться в судебные органы власти для защиты своих прав и интересов, если только такое арбитражное соглашение не будет признано недействительным.

Арбитражное решение в отличие от медиативного соглашения обладает свойством окончательности для сторон спора [2, ст. 40]. Практически это означает, что оспорить решение можно лишь путем подачи заявления о его отмене. В случае если компетентный национальный суд отменит арбитражное решение, стороны могут повторно обратиться в третейский суд, но только если возможность обращения в третейский суд не утрачена, или по общим правилам в государственный арбитражный суд [5, ч. 3 ст. 234].

Однако если предусмотреть в соглашении об арбитраже, что решение, вынесенное третейским судом, будет окончательным для сторон, такое решение не подлежит отмене.

Также в отличие от медиативного соглашения арбитражное решение обладает свойством обязательности и исполнимости. Закон предусматривает возможность принудительного исполнения арбитражного решения путем подачи стороной в компетентный суд заявления в письменной форме [2, ст. 40].

Итак, для более наглядного представления сходств и различий медиации и арбитража ниже нами приведена сравнительная таблица с ключевыми особенностями каждой из процедур.

Таблица

Медиация	Арбитраж
является способом АРС	является способом АРС
способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения	процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)
предполагает участие медиатора, способствующего принятию взаимовыгодного решения	предполагает разрешение спора арбитром или арбитрами
не исключает участие суда в разрешении спора	исключает участие суда в разрешении спора
процесс оканчивается заключением сторонами спора медиативного соглашения	процесс оканчивается вынесением арбитром или арбитрами арбитражного решения
предусмотрена возможность оспаривания медиативного соглашения	предусмотрена возможность отмены арбитражного решения
медиативное соглашение обладает свойствами обязательности и исполнимости в случаях, когда медиативное соглашение удостоверено нотариально	арбитражное решение обладает свойствами обязательности и исполнимости

Из сравнительной таблицы следует, что арбитраж несет в себе большую определенность, чем процедура медиации. Это проявляется, в частности, в том, что арбитражное решение в отличие от медиативного соглашения обладает признаками обязательности и исполнимости, что прямо следует из законодательства. Признак окончательности позволяет избежать долгих судебных тяжб, тем самым позволяя создать правовую определенность в более короткий промежуток времени, чем в случае обращения в государственный суд, где судебные тяжбы могут длиться годами, а также сокращает расходы сторон спора, уплачиваемые представителям.

У механизма медиации, тем не менее, есть и преимущества. Например, у сторон есть реальная возможность сохранить деловые отношения после урегулирования конфликта, конфиденциальность процедуры не допускает разглашения нежелательной для сторон информации, отсутствие необходимости привлечения в процесс адвокатов и других представителей – оплаты их услуг.

Как справедливо утверждает Е.Н. Иванова, в настоящее время медиация не пользуется значительной популярностью при разрешении коммерческих споров, которые скорее переходят в плоскость судебного и третейского разбирательства. Однако, по ее мнению, медиация дает бизнесу новые возможности. Партнеры могут провести коммерческие переговоры с помощью беспристрастного специалиста вместо участия в формальном процессе и получения абстрактного решения [25].

Тем не менее, на наш взгляд, не стоит категорично заявлять, что процедура медиации никогда не сможет составить достойную конкуренцию третейскому суду. Появление судебной медиации, подписание Сингапурской Конвенции [19] более чем полусотней государств мира свидетельствуют о том, что институт медиации представляет интерес для бизнес-сообщества.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета – Федеральный выпуск № 168(5247).
2. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск № 297(6868).
3. Лисицын В.В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (прошлое и настоящее, зарубежный опыт) – М.: Радуница, 2011.
4. Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова // Статут. 2017; СПС «Консультант».
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск № 0(3534).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. // Российская газета – Федеральный выпуск № 0(3088).
7. Зайцев А.И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты): Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
8. Стяжкина ЛА. Альтернативные способы разрешения споров // Журнал Молодой ученый. – 2019. – № 29. – URL <https://moluch.ru/archive/267/61746/> (дата обращения: 22.03.2020).
9. Сахапов Ю.З. Альтернативные способы разрешения споров и судебно-арбитражная практика их применения // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-sposoby-razresheniya-sporov-i-sudebno-arbitrazhnaya-praktika-ih-primeneniya/viewer> (дата обращения: 17.03.2020).
10. Международный коммерческий арбитраж: Учебник. Выпуск 9. 2-е издание, переработанное и дополненное / отв. ред. Т.А. Лунаева, науч. Ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов // Статут. 2018; СПС «Консультант».
11. Депонированные правила арбитража // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-treteyskogo-razbiratelstva/deponirovannye-pravila-arbitrazha> (дата обращения: 02.04.2020).
12. Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции.
13. Клеандров М.И. Прошлое третейских судов по разрешению экономических споров. Журнал Третейский суд. Выпуск 5, 2000 г. // URL: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art08.html>
14. Постановление Совмина СССР от 23.07.1959 N824 «Об улучшении работы государственного арбитража» // СПС Консультант.
15. «Положение о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями и учреждениями» (утв. Постановлением Госарбитража СССР от 30.12.1975 № 121) (ред. От 28.06.1991) // СПС Консультант.
16. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О третейских судах в Российской Федерации» // Сайт pravo.gov.ru: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102077381>
17. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» // Сайт pravo.gov.ru: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102024716&page=1&rdk=3#I0
18. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ //

Сайт pravo.gov.ru: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059464>

19. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации от 20 декабря 2018 года (Нью-Йорк) // Сайт ООН: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements
20. Засемкова О.Ф. Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации): от мечты к реальности // *Lex Russica* № 3 (148) март 2019.
21. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 год с изменениями, принятыми в 2006 году // Сайт ЮНСИТРАЛ: Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» // Сайт pravo.gov.ru: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102024716&page=1&rdk=3#10
22. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов; Отв. ред. Т.А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. (Библиотека журнала «Третейский суд». Вып. 9).
23. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.04.2012 N17757/11 по делу N А40–21083/11–141–178 / «Вестник ВАС РФ», 2012, N7.
24. Вершинин А.П. Арбитражное соглашение // Третейский суд при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате. СПб., 2001.
25. Иванова Е.Н. Российская медиация // *Arbitration Journal*. 31 июля 2019 г. URL: <https://journal.arbitration.ru/analytics/rossiyskaya-mediatsiya/> (дата обращения: 22.02.2020). Е.Н. Иванова – доцент кафедры конфликтологии и руководитель службы консультирования и медиации СПбГУ, а также медиатор Центра альтернативного урегулирования споров и медиации при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате.

MEDIATION AND ARBITRATION. COEXISTENCE HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Bigarova V.V., Maltabar E.A.

Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation

The article is devoted to comparison of two alternative ways of settling disputes: mediation and arbitration. In 2010 the first comprehensive legislative act, devoted to mediation was adopted in Russia. Almost two decades have passed since then. It would seem that notion «mediation» had to gain popularity in commercial sphere for such a significant period of time. Is it so? What is similar and different in these procedures, the agreement on the application of which requires autonomy of will of the parties and has an accessory nature in relation to the main agreement? Is it possible to state that such a phenomenon as mediation is able to compete with arbitration? Which of the procedures does a Russian businessman prefer to resort to?

Keywords: mediation, arbitration, arbitration proceedings, comparison

References

1. Federal law No. 193-FZ of July 27, 2010 “On alternative dispute settlement procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)” // *Rossiyskaya Gazeta – Federal issue* No. 168(5247).
2. Federal law No. 382-FZ of December 29, 2015 “On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation” // *Rossiyskaya Gazeta – Federal issue* No. 297(6868).
3. Lisitsyn V.V. Mediation: conciliatory settlement of commercial disputes in Russia (past and present, foreign experience) – Moscow: Radunitsa, 2011.
4. Zvereva N.S. Interaction of alternative methods of dispute settlement and civil proceedings in the law of Russia and France / ed. by V.V. Yarkov // *Statute*. 2017; PCA “Consultant”.
5. Arbitration procedure code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 // *Russian newspaper-Federal issue* # 0(3534).
6. Civil procedure code of the Russian Federation of November 14, 2002 // *Rossiyskaya Gazeta-Federal issue* # 0(3088).
7. Zaitsev A.I. Arbitration proceedings in Russia (problematic aspects): Autoref. dis. Cand. the faculty of law. Sciences. Saratov, 2004.
8. Styazhkina L.A. Alternative ways to resolve disputes // *Young scientist Magazine*. – 2019. – # 29. – URL <https://moluch.ru/archive/267/61746/> (accessed: 22.03.2020).
9. Sakhapov Yu.Z. Alternative methods of dispute resolution and judicial and arbitration practice of their application // *Bulletin of Economics, law and sociology*. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-sposoby-razresheniya-sporov-i-sudebno-arbitrazhnaya-praktika-ih-primeneniya/viewer> (accessed: 17.03.2020).
10. International commercial arbitration: Textbook. Issue 9. 2nd edition, revised and supplemented / ed. by T.A. Lunaev, scientific Ed. by O. Yu. Skvortsova, M. Yu. savransky, G.V. Sevastyanov // *Statute*. 2018; SPS “Consultant”.
11. Deposited arbitration rules // Website of the Ministry of justice of the Russian Federation <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-treiteyskogo-razbiratelstva/deponirovannye-pravila-arbitrazha> (accessed: 02.04.2020).
12. Zvereva N.S. Interaction of alternative methods of dispute settlement and civil proceedings in the law of Russia and France.
13. Kleandrov M.I. Past of arbitration courts for the resolution of economic disputes. *Journal of the Arbitral Tribunal*. Issue 5, 2000 // URL: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art08.html>
14. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 23.07.1959 N824 “on improving the work of state arbitration” // SPS Consultant.
15. “Regulations on the arbitration court for the resolution of economic disputes between associations, enterprises and institutions” (approved Resolution of the state Arbitration of the USSR of 30.12.1975 No. 121) (ed. From 28.06.1991) // SPS Consultant.
16. Federal law No. 102-FZ of 24.07.2002 (ed. from 28.11.2018) “on arbitration courts in the Russian Federation” // Website pravo.gov.ru: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102077381>
17. Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338–1 “on international commercial arbitration” // Website pravo.gov.ru: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102024716&page=1&rdk=3#10
18. Code of merchant shipping of the Russian Federation No. 81-FZ of April 30, 1999 // The website pravo.gov.ru: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059464>
19. United Nations Convention on international settlement agreements reached as a result of mediation of December 20, 2018 (new York) // UN Website: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements
20. Zasemkova O.F. Singapore Convention on enforcement of settlement agreements reached as a result of mediation): from dreams to reality // *Lex Russica* #3 (148) March 2019.
21. UNCITRAL model law on international commercial arbitration 1985 with amendments as adopted in 2006 // Website of UNCITRAL: Law of the Russian Federation of 07.07.1993 No. 5338–1 “on international commercial arbitration” // Website pravo.gov.ru: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102024716&page=1&rdk=3#10
22. International commercial arbitration: Textbook / Scientific ed.: O. Yu. Skvortsov, M. Yu. savransky, G.V. Sevastyanov; ed. T.A. Lunaev. 2nd ed., reprint. St. Petersburg: ANO “editorial

- Board of the journal "Arbitration court"; Moscow: Statute, 2018. (Library of the journal "Arbitration court", Issue 9).
23. Resolution of the Presidium of the Supreme COURT of the Russian Federation of 10.04.2012 N17757/11 in the case N A40–21083/11–141–178 / Vestnik VAS RF, 2012, N7.
  24. Vershinin A. p. Arbitration agreement // Arbitration court at the Saint Petersburg chamber of Commerce and industry. Saint Petersburg, 2001.
  25. Ivanova E.N. Russian mediation // Arbitration Journal. July 31, 2019 URL: <https://journal.arbitration.ru/analytics/rossiyskaya-mediatsiya/> (date of appeal: 22.02.2020). E.N. Ivanova – associate Professor of the Department of conflict studies and head of the consulting and mediation service of St. Petersburg state University, as well as a mediator Of the center for alternative dispute resolution and mediation at the St. Petersburg chamber of Commerce and industry.

Актуальные вопросы о назначения, организации и производства судебной экспертизы давности изготовления документа в арбитражном процессе

Крюков Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, заместитель председателя Арбитражного суда Свердловской области в отставке
E-mail: aleksander.krjukov@ya.ru

Антропов Алексей Владимирович,

заведующий лабораторией кафедры криминалистики, старший преподаватель, Уральский государственный юридический университет
E-mail: aa-64@mail.ru

Пьянков Александр Юрьевич,

руководитель экспертной организации, ООО «Ваш эксперт»
E-mail: 3832722@mail.ru

В реалиях сегодняшнего времени в крупных промышленных и финансовых центрах нашей страны, нередко возникают споры хозяйственных субъектов с различной правовой природой. В соответствии с частью 1 статьи 82 АПК РФ арбитражный суд по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, назначает экспертизу для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний[1].

В данной статье рассмотрены наиболее актуальные вопросы о назначения, организации и производства судебной экспертизы давности изготовления документа в арбитражном процессе. По итогам проведенного исследования в статье сделаны выводы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, арбитражный процесс, правовая природа, фальсификация доказательств.

Понятие экспертизы в АПК РФ не раскрыто, однако законодательное определение судебной экспертизы содержится в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4]. Согласно статье 9 указанного Закона судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Поскольку арбитражные суды рассматривают в основном экономические споры, то основная часть доказательств, представляемых в суд – это письменные доказательства. При оценке таких доказательств, суды не редко сталкиваются с необходимостью их проверки в связи с заявлением стороной спора об их фальсификации.

Наиболее типичные заявления о фальсификации доказательства, основаны на оспаривании подлинности подписи или оттиска печати на документе. Однако, довольно часто, встречаются и более изощренные способы фальсификации, например, путем составления документа «задним числом».

Подобная фальсификация доказательств чаще всего встречается по делам, связанным с корпоративными конфликтами в целях создания видимости наличия либо прекращения правоотношения в определенный период времени. Например, представляются уведомления о проведении общего собрания участников (акционеров), которое якобы было направлено в адрес участника (акционера) до проведения собрания; заявление о выходе из числа участников общества с ограниченной ответственностью; заявление с требованием выкупа акций, если такое право, предусмотрено законом и др.

Не редко такой способ фальсификации используется для создания видимости наличия правоотношений между участниками спора до обращения в суд. К примеру, могут быть представлены письма с требованием принять товар или, наоборот, об отказе от принятия товара, в зависимости от условий договора и конкретных обстоятельств дела.

Иногда такая фальсификация применяется недобросовестной стороной с целью попытаться

избежать применения судом срока исковой давности, о которой заявлено другой стороной спора, путем проставления более поздней даты на письме контрагента о признании претензии.

Встречаются и случаи использования ранее подписанных бланков или листов путем внесения в них «нужного» для недобросовестного участника спора текста.

Во всех этих случаях у суда возникает необходимость проверки заявления о фальсификации доказательств и способом такой проверки зачастую может быть только судебная экспертиза давности изготовления документа, написания текста или выполнения подписей, поскольку для этого требуются специальные познания, которыми суд не обладает.

Чтобы заключение эксперта могло максимально точно отразить суть проблемы, важно грамотно подойти к составлению вопросов для проведения экспертизы.

Согласно ч. 2 ст. 82 АПК РФ круг и содержание вопросов, по которым должна быть проведена экспертиза, определяются арбитражным судом [1]. Лица, участвующие в деле, вправе представить в арбитражный суд вопросы, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы. Отклонение вопросов, представленных лицами, участвующими в деле, суд обязан мотивировать.

В частности перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Соответствует ли проставленная на документе дата периоду его составления? (При формулировке вопроса в данной редакции нужно исследовать все реквизиты данного документа, так как документ приобретает юридическую силу только после оформления всех реквизитов. Поэтому установление экспертным исследованием абсолютной давности выполнения документа требуется исследование всех реквизитов документа (записи, подписи, оттиски печатей и штампов и т.д.)
2. Были ли внесены изменения первоначального содержания в исследуемом документе?
3. Какова давность внесения изменений первоначального содержания: дописок, дорисовок, допечаток в документе?
4. Подпись на документе проставлена в период составления документа или в иной период времени?
5. В какой хронологической последовательности были проставлены реквизиты на документе?
6. Каковы сроки давности проставления оттиска печати на бумаге?
7. Имеют ли написанные вручную части разные периоды давности написания?
8. Имеются ли признаки агрессивного термического, светового или химического воздействия на реквизиты документа?

Представляется целесообразным, чтобы окончательный круг вопросов, подлежащих постановке перед экспертом, и их формулировки, суд определял в судебном заседании с участием экспер-

тов, давших согласие на проведение экспертизы. Это позволит более грамотно и полно их сформулировать.

К сожалению одной из серьезных проблем, связанных с организацией производства экспертизы давности изготовления документа (его части), является длительный срок ее производства, что связано с существующими методиками ее проведения, предусматривающими длительный период исследования.

Период проведения соответствующего вида судебной экспертизы составляет от 30 дней и до 6 месяцев (без учета времени на получение дополнительных образцов).

Методика производства данного вида экспертиз предусматривает комплексный подход в исследовании, то есть до начала исследования физико-химическими методами (с использованием газохроматографа) обязательно производство исследования методами технической экспертизы документа, по установлению наличия или отсутствия признаков агрессивного воздействия. Если признаки агрессивного воздействия, будут выявлены, то дальнейшее исследование физико-химическими методами не имеет смысла [3].

Данная судебная экспертиза является комплексной, т.е. эксперты должны обладать следующими профессиональными компетенциями: специальными знаниями в области судебно-технической экспертизы документа, а также иметь профильное (базовое) специальное физико-химическое образование со знанием методики работы газохроматографа. Поэтому в ответах на запросы должны содержаться данные подтверждающие квалификацию кандидата (кандидатов) в эксперты.

Выше указанное требование обусловлено объективными данными, то есть комплексный подход при исследовании обеспечивает полноту и объективность полученных выводов. Физико-химическое исследование предусматривает использование специальных знаний в области химии, а техническое исследование предусматривает использование специальных знаний в области технико-криминалистического исследования документов.

К достаточно длительным срокам производства данной экспертизы, относительно других видов экспертиз, является не комплексный подход предусматривающий синтез данных специальных знаний, а сама методика исследования в ходе которой делаются два замера с интервалом как минимум 30 дней [3].

По мимо особенностей методики данной экспертизы, как показывает практический опыт, не последним фактором, влияющим на сроки производства экспертизы, является механизм доставки объектов исследования из материалов дела до экспертной организации. Это связано с достаточно большой загруженностью большинства арбитражных судов. Мы предлагаем следующий механизм выхода из данной ситуации.

Во-первых, в ответе на запрос экспертной организации желательно указывать не только квали-

фикацию эксперта (экспертов), сроки, стоимость производства экспертизы, но и возможность, если она конечно имеется, получение материалов дела силами экспертной организации. С указанием необходимых контактов для связи.

Во-вторых, кандидату (кандидатам) в эксперты или экспертной организации выдвигающей кандидатуры экспертов, неплохо бы отслеживать судьбу того или иного дела через систему «Мой арбитр», чтобы своевременно связаться с помощником председательствующего судьи по данному делу.

В-третьих, рекомендуем в определении о назначении экспертизы указывать контакты для связи с помощником председательствующего по данному делу.

Данные рекомендации не являются панацеей во всех ситуациях, требующих назначения данной экспертизы. И носят сугубо рекомендательный характер, но как показывает практика позволяет оперативно решать организационные вопросы.

Зная о столь длительных сроках производства данного вида экспертизы недобросовестные участниками (стороны/сторона) арбитражного процесса не редко пытаются использовать заявление о фальсификации доказательства с одновременным ходатайством о проведении судебной экспертизы давности изготовления документа (его части), для затягивания судебного разбирательства.

Поэтому, при рассмотрении подобных ходатайств, суду следует проявлять бдительность и при наличии возможности проверить факт фальсификации доказательства иным способом, в частности путем сопоставления и оценки иных доказательств, проводить такую проверку без назначения экспертизы.

В тех случаях, когда суд признает проведение экспертиз необходимым, ему следует принять меры к выяснению возможности эксперта, ответить на поставленные вопросы по тем, материалам, которые суд может предоставить эксперту. Кроме того, в судебном заседании эксперту может быть предложено определить, какие дополнительные материалы ему будут необходимы для поредения экспертизы, и выяснить у сторон возможность их представления. При этом суд сможет установить сроки представления соответствующих материалов в суд, что позволит избежать задержек в проведении экспертизы.

Представляется, что при установлении экспертом достоверности представленного документа суд с учетом конкретных обстоятельств дела может обсудить вопрос о квалификации поведения лица, заявившего о фальсификации доказательства, в качестве злоупотребления процессуальными правами и в соответствии со ст. 111 АПК РФ обратиться на недобросовестное лицо все судебные расходы [1].

Помимо длительности производства экспертизы давности изготовления документа (его части) при назначении данного вида экспертизы возникают также определенные трудности процессуального характера.

Как известно, в большинстве случаев документы представляются в суд в копиях, а сами оригиналы остаются у сторон, а для определения давности изготовления документа в подавляющем большинстве случаев необходим подлинник оспариваемого документа. При этом, если лицо у которого находится подлинник спорного документа не захочет добровольно передать его суду, то проведение экспертизы становится затруднительным, а в ряде случаев – невозможным.

В тех случаях, когда подлинник спорного документа находится у лиц, не являющихся сторонами данного арбитражного процесса, заинтересованная сторона вправе обратиться к суду с ходатайством об истребовании соответствующего доказательства.

В случае вынесения судом определения об истребовании доказательства лицо, у которого находится истребуемое судом доказательство, направляет его непосредственно в арбитражный суд. При необходимости по запросу суда истребуемое доказательство может быть выдано на руки лицу, имеющему соответствующий запрос, для представления в суд.

При этом в силу ч. 9 ст. 66 АПК РФ в случае неисполнения обязанности представить истребуемое судом доказательство по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, либо не извещения суда о невозможности представления доказательства вообще или в установленный срок на лицо, от которого истребуется доказательство, судом налагается судебный штраф в порядке и в размерах, которые установлены в главе 11 настоящего Кодекса [1].

Однако, арбитражное процессуальное законодательство не предоставляет арбитражному суду право истребовать доказательства у стороны арбитражного процесса, и в тех случаях, когда сторона обладающая подлинником спорного документа не желает его предоставить суду, производство экспертизы, зачастую, становится невозможным.

Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает последствия такого недобросовестного поведения стороны при проведении экспертизы.

Так, согласно части 3 статьи 79 данного Кодекса, при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым [2].

Аналогичная норма в АПК РФ отсутствует.

Однако в силу положения ч. 9 ст. 75 АПК РФ [1] подлинные документы представляются в арбитражный суд в случае, если обстоятельства дела согласно федеральному закону или иному нормативному правовому акту подлежат подтверждению только такими документами, а также по требованию арбитражного суда [1].

Следовательно, в случае невыполнения законного требования суда о предоставлении подлинника спорного документа, суд вправе расценить соответствующее поведение стороны в качестве злоупотребления процессуальными правами и в соответствии со ст. 111 АПК РФ отнести на данное лицо все расходы по делу [1].

Представляется, что норма ч. 3 ст. 79 ГПК РФ является более эффективной для борьбы с недобросовестными участниками судебного процесса и было бы логичным включить в АПК РФ аналогичную норму [2].

При этом, в силу ст. 16 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт обязан обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела [4].

Учитывая указанное положение закона экспертные учреждения, которым суд поручает проведение такого рода экспертиз, акцентируют внимание на том, что при исследовании документ будет существенно поврежден, или уничтожен и просят разрешения на это со стороны суда.

Процессуальное законодательство не предоставляет суду право на уничтожение документа, представленного стороной по делу, в том числе путем дачи разрешения на это эксперту.

На практике для проведения вырезок судья зачастую испрашивает согласие владельца документа, и если тот возражает против этого – отказывает в назначении экспертизы; бывает и так, что судья сам санкционирует совершение вырезок, не спрашивая на это разрешение правообладателя. Однако следует иметь в виду, что представив документ суду для приобщения его к материалам дела, лицо не утрачивает на него право собственности. С момента приобщения документа к материалам дела в качестве доказательства на него распространяются лишь специальные правила определяющие порядок пользования документом, установленные ст.ч. 10–11 ст. 75 АПК РФ [1].

Вместе с тем, отказ собственника документа на его полное или частичное уничтожение, может повлечь невозможность установления его подлинности, а, следовательно, невозможность проверки заявления о фальсификации данного документа.

Представляется, что возможность проверки заявления о фальсификации доказательства не должна ставиться в зависимость от воли собственника документа, который может быть не заинтересован в установлении истины.

С учетом изложенного, представляется необходимым внесение в процессуальное законодательство соответствующих дополнений, которые обеспечили бы суду право на санкционирование проведения экспертизы с полным или частичным уничтожением документа.

Безусловно, такому праву суда должны корреспондироваться гарантии защиты прав собственника документа.

Вопрос о возможном уничтожении документа при проведении экспертизы должен рассматриваться в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле и с учетом их мнения. При этом суд, безусловно, не должен скидывать со счетов возможность злоупотребления со стороны лица, заявившего о фальсификации документа.

Кроме того, для обеспечения возможности дальнейшего использования доказательственной силы спорного документа, суд должен заверить его копию до проведения экспертизы.

В случае если экспертным путем будет установлена подлинность документа, в качестве доказательства, может быть использована заверенная судом копия документа, подвергнувшегося экспертизе, вместе с заключением эксперта.

Еще одна проблема, возникающая при оценке подлинности письменных доказательств, о фальсификации которых заявлено стороной в арбитражном процессе, является выявление в ходе проведения экспертизы давности изготовления документа, факта его «искусственного старения».

Представляется, что вопрос о наличии признаков «искусственного старения» документа, является одним из обязательных вопросов, подлежащих выяснению в ходе экспертизы давности изготовления документа (его части). Но даже если такой вопрос, по какой-то причине, не поставлен судом при назначении экспертизы, эксперт в силу положений абз. 2 ч. 2 ст. 86 АПК РФ установив факт искусственного воздействия на документ вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение [1].

Вместе с тем, при установлении факта искусственного воздействия на документ, эксперт не в состоянии дать заключение о периоде изготовления такого документа, о чем сообщает суду в своем заключении.

В связи с этим возникает вопрос о доказательственной силе такого документа.

С одной стороны, факт изготовления документа (его части) в иной период (не соответствующей дате указанной на документе) в рассматриваемом случае нельзя считать доказанным. Однако, факт искусственного воздействия на документ не должен оставаться без надлежащей оценки со стороны суда.

Представляется, что именно сторона представившая «испорченный» документ, должна доказать отсутствие своей вины в такой порче. В тех случаях, когда сторона представившая документ не докажет, что документ пострадал в силу естественных причин, либо в порче документа виновно иное лицо, суд, с учетом иных обстоятельств дела, может признать, что такой документ не подтверждает указанные в нем обстоятельства.

Таким образом, следует констатировать наличие ряда проблем, в том числе процессуального характера, связанных с назначением и производством судебной экспертизы давности изготовления документа (его части), которые требуют совершенствования арбитражного процессуального законодательства.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/]
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/]
3. Тросман Э.А., Бижанишвили Г.С., Батыгина Н.А. Исследование или анализ материалов путем разделения на составные части (компоненты) с использованием адсорбции, абсорбции или подобных процессов или с использованием ионного обмена, например хроматография [<http://www.freepatent.ru/patents/2399042>]
4. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/]

CURRENT ISSUES ABOUT THE APPOINTMENT, ORGANIZATION AND PRODUCTION OF A JUDICIAL EXAMINATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS FOR THE PRODUCTION OF A DOCUMENT IN THE ARBITRATION PROCESS

Kriukov A.N., Antropov A.V., Piankov A.Y.

Deputy Chairman of the Arbitration court of the Sverdlovsk region in retirement, Ural State Law University, Expert Organizaton «Vash Expert», LLC

In the realities of today's time in the major industrial and financial centers of our country, disputes often arise between economic entities with different legal nature.

In accordance with part 1 of article 82 of the APC RF the arbitration court under the petition of the person participating in business, or with the consent of the persons involved in the case, appoint an expert examination for clarification in the proceedings of the questions demanding special knowledge[1].

This article deals with the most relevant questions about the appointment, organization and production of a judicial examination of the Statute of limitations for the production of a document in the arbitration process.

Based on the results of the research, the article draws conclusions.

Keywords: forensic examination, arbitration process, legal nature, falsification of evidence.

References

1. Arbitration procedure code of the Russian Federation No. 95-FZ of 24.07.2002 (ed. from 02.12.2019) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/]
2. Civil procedural code of the Russian Federation from 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 02.12.2019) (Rev. and add., Intro. effective from 30.03.2020) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/]
3. Trosman E. A., Bezhanishvili G.S., batygina N.A. Research or analysis of materials by separation into component parts (components) using adsorption, absorption or similar processes or using ion exchange, such as chromatography [<http://www.freepatent.ru/patents/2399042>]
5. Federal law "On state forensic expertise in the Russian Federation" dated 31.05.2001 No. 73-FZ (latest version) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/]